

А
722.819

Б.А. Ахмедов

Историко-
географическая
литература
Средней
Азии
XVI-XVIII вв.

Письменные
памятники

А
142379

1/

— АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. АБУ РАХИМНА БЕРУНИ

Б. А. АХМЕДОВ

ИСТОРИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
СРЕДНЕЙ АЗИИ
XVI—XVIII вв.
(ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ)

648541

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1980

8/c/1
A-954

В монографии рассматриваются более пятидесяти персоналий и широкие круги сочинений, а также путевые записки и отчеты русских послов и путешественников, посетивших Среднюю Азию в XVI—XVIII вв. Из этих сочинений выделены важнейшие сведения о социально-экономической, политической и культурной жизни, этнической истории узбеков и других народов Средней Азии, об их политических, торговых и культурных взаимоотношениях с Россией и другими странами.

Для историков, этнографов, филологов, а также студентов, аспирантов и преподавателей исторических и восточных факультетов вузов.

Ответственный редактор—
член-корреспондент АН УзССР *К. М. Каримов*

Рецензенты—
доктор исторических наук *Б. Я. Лукин*,
кандидат филологических наук *Х. Таваккоров*

А $\frac{05050-0000-2732}{2383(04)-85}$ 11-85

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Советская историография добилась значительных успехов в исследовании древней и средневековой истории народов Средней Азии. Немало сделано на сегодняшний день и по изучению позднего средневековья¹, периода, характеризовавшегося дальнейшим углублением феодальных отношений и усилением экономической и политической независимости крупных земельных магнатов, что в конечном итоге привело к росту сепаратизма, феодальной раздробленности и ослаблению центрального государственного аппарата. Тем не менее, малоисследованных и слабоизученных проблем еще немало. К их числу относятся вопросы социально-экономических отношений, характер и сущность народных движений, идеология того периода, этнические процессы и др. Причиной тому — все еще заметное отставание в изучении и публикации большого количества письменных памятников, рассредоточенных по многим собраниям рукописей СССР и зарубежных стран. Без них, без содержащегося в них богатого фактического материала, вряд ли можно рассчитывать на успех в научном решении указанных выше, да и других вопросов истории. «Ибо, — как писал Ф. Энгельс в предисловии «К критике политической экономии» К. Маркса, — ясно, что одними фразами тут ничего не сделаешь, что только при помощи большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала можно разрешить такую задачу»². Поэтому вряд ли есть необходимость специально останавливаться на значении исторических хроник в изучении истории отдаленных от нас веками стран и народов. Отметим лишь, что если место и роль археологических находок, эпиграфических и других памятников чрезвычайно велики в изучении истории первобытнообщинного, рабовладельческого строя и, отчасти, начальной стадии феодализма, от которых письменных источников сохранилось весьма малое количество, то для изучения средневекового периода история первостепенное значение имеют письменные памятники, в которых наиболее полно отражена жизнь феодального общества, общества, отдаленного от нас столетиями, но занимающего важное место в развитии всемирно-исторического процесса. Отсюда ясно, что основная, а бы сказал, непосредственная задача источниковедения истории средних веков, да и всякого исследования источниковедческого ха-

¹ См. раздел «Рекомендуемая литература».

² Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч. 3-е изд., т. 13, с. 492.

рактера — прежде всего выявление, систематизация и критическое изучение письменных памятников, а последнее предполагает дифференцированный подход к источникам, умение извлечь из них наиболее полный и важный для научного исследования материал.

На сегодняшний день еще не разработана единая система классификации письменных памятников и, прежде всего, нарративных источников (от лат. «нарратив» — «повествование», «рассказ»). Классифицировать их, например, по содержанию (по социально-экономической, политической истории, по истории культуры и т. д.) практически невозможно. Распространенным и, на наш взгляд, наиболее верным принципом пока остается классификация их по типам и видам. Если следовать этому принципу, то письменные источники можно разделить на следующие основные типы: 1) документальные источники (указы, грамоты верховных и удельных правителей; документы правительственных и подведомственных учреждений; частные акты; переписка должностных лиц и видных политических и религиозных деятелей) и 2) нарративные источники (анналы, т. е. краткие погодные записи важнейших событий; исторические хроники; мемуары; биографии и трактаты этно-дидактического содержания).

Бесспорно, что документальные источники в большей своей части наиболее достоверные (иногда встречаются и поддельные), ибо в них непосредственно зафиксированы различные стороны общественной жизни феодального общества. Однако они требуют особого приема исследования и критики, которым, как известно, занимается специальная вспомогательная историческая дисциплина — дипломатика (от греч. «диплома» — [сложенный вдвое] лист, «документ»).

В данной работе мы стремились ввести в научный обиход наиболее ценные, с нашей точки зрения, нарративные источники по истории Средней Азии XVI — первой половины XVIII в., показать богатство и разнообразие содержащихся в них сведений на примере персоналических и тюркскоязычных сочинений XVI — начала XIX в., написанных в Средней Азии и за ее пределами: в Иране, Афганистане, Северной Индии.

По сей день мы не имеем специальных исследований по источникам ни по древнему, ни по средневековому периоду истории Средней Азии, а об историографических исследованиях не приходится и говорить. Правда, в специальных учебных пособиях по источниковедению истории СССР, в очерках по источниковедению и историографии вопросу развития исторических знаний у народов Средней Азии VI—XIX вв. отведены специальные главы и параграфы. Однако приводимые в них сведения настолько краткие и далеко неполные, что вряд ли могут удовлетворить высокие требования, предъявляемые к трудам по источниковедению и историографии. Например, в учебном пособии по источниковедению истории СССР, составленном под руководством и при участии М. Н. Тихомирова, претерпевшем два издания², письменным памятникам по истории Средней Азии IX—XVII вв. упоминаются только Табары, Наршахи, Идриси, Несефи, Беруни, Гардизи, Хамдаллах Казвини, Шахи, Нелди, Мирхонд, Ховдемир, Бинай, Хафиз-и Таныш

² Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. С древнейшего времени до конца XVIII века. Выпуск первый. М., 1940; То же, изд. второе. М., 1962.

Бухари, Хасан-бек Румлу, Абу-л-Газн) отведено всего восемь страниц¹, а в книге «Источниковедение истории СССР»² среднеазиатским источникам X—XVII вв. (в основном Беруни, Гардизи, Байхаки, Казвини, Ибн ал-Асир, Давуейни, Рашид ад-Дин, Шами, Гийас ад-Дин 'Али, 'Абд ар-Раззак Самарканди, Мархонд, Бинан, Бабур) уделено лишь пять страниц. Примерно такая же картина наблюдается и в очерках, где весьма кратко говорится о состоянии исторических знаний у народов Средней Азии и Казахстана с древнейших времен по XIX век. Эти очерки (авторы А. А. Семенов, Я. Г. Гулямов, Р. Н. Хабиев, С. А. Вязигин, Ага-Карриев и В. Ф. Шахматов) в объемистой книге занимают всего лишь около двух печатных листов³.

В данной работе рассматриваются более пятидесяти ценных восточных рукописей XVI — начала XIX в. исторического, гео-космографического, мемуарного и биографического содержания, богатых разнообразными сведениями по истории Средней Азии XVI — первой половины XVIII в., а также отчеты и путевые записи русских и иностранных послов XVI—XVIII вв. При обзоре основное внимание уделено раскрытию содержания источника, выявлению того нового и полезного, что, с нашей точки зрения, представляет интерес для современной науки, в частности служит для устранения пробелов, неточностей и неясностей, имеющихся в изучении подднесредневековой истории народов Средней Азии. Мы стремились наиболее полно выявить сведения о положении трудящихся масс (о налогах и повинностях; фактах насилия со стороны феодальной верхушки по отношению к трудящимся массам; коррупции и взяточничестве, бытовавших среди тех, кто по своему общественному положению подвизался в кругу царствующих особ и был близок к их окружению; народных движениях); о феодальных институтах (*икта*⁴, *сирвад*, *танках*); о крупных земельных угодьях, о государственном строе среднеазиатских ханств (в основном сведения о чинах, званиях и общественном положении их носителей); о состоянии ирригации; о положении среднеазиатских городов; по хронологии и генеалогии; о политических и торговых взаимоотношениях среднеазиатских ханств с Ираном, Индией, Россией и Восточным Туркестаном и, наконец, о родо-племенном составе народов, населявших Среднюю Азию в XVI—первой половине XVIII в. Мы старались почерпнуть из каждого изучаемого нами сочинения наиболее полные сведения о тюркоязычных племенах, вошедших впоследствии в состав узбеков, туркмен, киргизов, казахов и других народов Средней Азии. Эти сведения, по-нашему глубокому убеждению, окажутся весьма полезными при разработке вопросов этногенеза и изучения истории формирования узбеков, туркмен, киргизов и казахов как народов.

До последнего времени о биографических сочинениях средневековых авторов (антологии поэтов и писателей и жизнеописания крупнейших духовных особ) существовало несколько превратное суждение. Например, антологии (*тазкира*) многие исследователи относили к ис-

¹ Тихомиров М. И. Источниковедение истории СССР. Выпуск первый. Изд. второе, с. 129—142, 380—383.

² Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973, с. 164—166, 179—180.

³ Очерки истории исторической науки. Выпуск первый. Под ред. М. И. Тихомирова, М. А. Аллатова, А. Л. Сидорова. М., 1935, с. 41—47, 153—168, 367—370, 643—651.

точникам сугубо по истории литературы, а жизнеописания так называемых «святых» отцов (манакиб) рассматривали как сочинения богословские, исходя из того, что в них, как правило, повествуется о жизни и деяниях крупных шейхов и улемов. Это так. Религиозно-нравственная проповедь в них переплетается с историко-бытовым повествованием. Однако внимательное изучение показало, что они содержат и ценнейший фактический материал о положении трудового народа (например, о непосильных налогах и повинностях, о коррупции и взыскании денег за хлеб и другие продукты питания, об ирригации, о крупных хозяйствах духовных феодалов и системе их управления, о городской жизни и т. п., который отсутствует в нарративных источниках. В эти сочинения (см., например, «Раузат ар-ризван» Бадр ад-Дина Кашмира) вошло большое количество юридических и иных документов (указы, грамоты, письма), представляющих в распоряжение исследователей ценный фактический материал по ряду вопросов социально-экономической и политической истории позднесредневековой Средней Азии. С целью привлечения внимания исследователей к подобного рода источникам мы включили в настоящее исследование обзор нескольких автологий и «житий».

Во второй раздел данной работы вошли несколько очерков—сведений русских и иностранных послов по Средней Азии XVI—первой половине XVIII в., а именно: путевые записи Антония Дженкинсона, И. Д. Холлова, братьев Пазухиных, Флорно Беневини и Хрисаффа-митрополита Нововатрасского, содержащие уникальные фактический материал по истории Средней Азии, особенно о политических и экономических взаимоотношениях среднеазиатских ханств: Хивы, Бухары и Балха с Россией в XVI—XVIII вв. Они были очевидцами описываемых событий, что делает их запись первоклассным источником в изучении истории Средней Азии, особенно истории посольских и торговых отношений Средней Азии с далекой тогда Россией. Кроме того, эти записи весьма полезны в смысле сопоставления с мусульманскими источниками и уточнения таким образом некоторых исторических сведений.

Авторами этих сочинений были представители господствовавшего класса—класса феодалов и лиц, находившихся у них в услужении, поэтому они от начала до конца пронизаны духом идеологии этого класса; в них воспеваются и прославляются подвиги и деяния тех его представителей, по заказу которых они были написаны. «...Класс,— указывала К. Маркс и Ф. Энгельс,—который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»¹. Однако игнорировать их, исходя лишь из этого фактора, не следует, ибо, во-первых, хоть и написаны они в угодливой и льстивой по отношению к заказчику манере, тем не менее только при их помощи мы можем узнать об отдаленных от нас веками событиях, во-вторых, в них содержится большой разнообразный материал о той далекой эпохе, о жизни и деятельности наших предков. Словом, вряд ли есть некая возможность изучить прошлое без этих сочинений, без тех фактических данных, которыми они изобилуют. В этой связи не лишне вспомнить слова Ф. Энгельса о том, что «...в любой научной области —

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Неманская идеология.— Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч. 2-е изд., т. 3, с. 43.

как в области природы, так и в области истории—надо исходить из данных нам фактов⁸, а факты о средневековые содержат в основном письменные памятники.

При отборе фактов по социально-экономической и политической истории Средней Азии мы не ставили перед собой задачу сравнить, сопоставить сведения данного источника с материалом другого сочинения, ибо подобная работа входит в круг задач особого исследования. Главное, к чему мы стремились,—вызвать факты и события, которые, по-нашему мнению, значительно облегчат задачу исследователей в процессе работы над первоисточником, а работа эта, как известно, весьма трудоемкая и ответственная, ибо, работая над источником, необходимо подходить к нему дифференцированно, а при извлечении из него нужного материала пользоваться методом критического отбора. Прежде всего для этого нужно изучить предшествовавшие описываемым событиям сочинения, не забывая при этом, что в компиляциях факты порой бывают искаженными. Вот что читаем, например, в воспоминаниях Лафарга о Марксе. «Маркс,—свидетельствует он,—работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимая им, подтверждалась ссылкой на самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он всегда сам добирался до первоисточника, какие бы трудности это не представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт⁹. Весьма требовательным к источникам был и В. И. Ленин. Он, в первую очередь, опирался на те источники, которые отличались полнотой, подробностью и, конечно же, объективностью. В. И. Ленин писал: «Мы пользуемся при изучении разложения крестьянства исключительно земско-статистическими подворными переписями, если они охватывают более или менее значительные районы, если они дают достаточно подробные сведения о важнейших признаках разложения и если (что особенно важно) они обработаны так, чтобы можно было выделить различные группы крестьян по их хозяйственной состоятельности»¹⁰.

Еще одно условие критического отбора—совоставление и тщательная проверка фактов. Исследователь ни в коем случае не должен ограничиваться при обосновании своего тезиса или вывода фактическими данными одного-двух источников. При наличии достаточного количества сочинений заключаемые из них факты он должен сопоставлять и проверять самым тщательным образом. «В области явлений общественных,—учит В. И. Ленин,—нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще—не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «супруная», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и прозаичны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже... Надо попытаться установить такой

⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы.— Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч. 2-е изд., т. 20, с. 370.

⁹ Поль Лафарг. Воспоминания о Марксе. М., 1963, с. 14.

¹⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 114.

фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которыми можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» картина для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется»¹¹.

Чтобы предоставить исследователям такую возможность, мы включили в обзор несколько сочинений по одному и тому же отрезку времени, например, «Таварих-и гузде, нусрат-наме», «Фатх-наме», «Шейбани-наме», «Михман-наме-би Бухара», «Зубдат ал-асар», «Вадаи' ал-накав'» для конца XV—первой четверти XVI в.; «Шараф-наме-би шах», «Акбар-наме», «Мусаххир ал-билад», «Тарих-и 'аламира-би Аббаси», «Маджма' ал-гара'иб», «Музакир ал-ахбаб», «Джам'и' ал-макама'т и др., ценных для изучения истории Средней Азии второй половины XVI в. «Насаб-наме-би узбек», «Асами-би наваду ду фирка-би узбек», «Зикр та'ал падишахан-и узбек»—также аналогичны по своему содержанию, более того, они небольшие по объему, но представляют значительную ценность благодаря содержащимся в них фактическим сведениям по этнической истории узбеков. Между ними, однако, имеются определенные расхождения, поэтому установить истину можно только путем сопоставления и критического изучения содержащихся в них фактов.

И последнее. В данную работу вошли также очерки по уже изданным и, следовательно, в какой-то степени введенным в научный обиход источникам: «Таварих-и гузде, нусрат-наме», «Михман-наме-би Бухара», «Дастур ал-мулук», «Тарих-и Мушми-хани», «Убайдаллах-наме» и «Тарих-и Абу-л-Файз-хани». Первое сочинение издаю как факсимиле и потому пока не доступно для широкого круга исследователей, особенно для тех, кто не читает в арабской графике, а «Дастур ал-мулук»—важный источник для изучения истории Средней Азии первой четверти XVII в., особенно бухаро-хивинских отношений. Что касается трех последних, то они связаны между собой хронологически и как бы продолжают друг друга. В «Михман-наме-би Бухара», как справедливо отмечал один из исследователей этого памятника, главное место занимает описание зимнего похода Шейбани-хана на казахских султанов Бурундук-хана (1480—1511) и Джаниш-султана, состоявшегося зимой 1508—1509 г., похода, закончившегося разграблением и опустошением казахских земель¹². Без этого сочинения вряд ли возможно понять состояние взаимоотношений между Средней Азией и Казахстаном в начале XVI века. Кроме того «Михман-наме-би Бухара»—ценнейший источник по этнической истории узбеков и казахов конца XV—начала XVI в. Включение в исследование этих сочинений позволяет вполне охватить всю историю Средней Азии XVI—первой половины XVIII в.

¹¹ Ленин В. И. Стратегия в социологии. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

¹² Фазлаллах аби Рузбеган Исфахани. Михман-наме-би Бухара. Перевод, предисловие и примечания Р. П. Давыдовой. М., 1976, с. 24.

В данном исследовании охвачены не все письменные памятники по рассматриваемому периоду истории Средней Азии. Здесь мы руководствовались принципом критического отбора, т. е. предпочтением отдавалось наиболее полным и ценным сочинениям. Вот почему сюда не вошла ряд важных сочинений: «Мухит ат-таварих» («Всеобъемлющая история») Мухаммад Амиш-и Бухари, «Огуз, Аланкува ва Шейбани-наме» («История Огуза, Аланкува и Шейбани-хана») Алламурада Ан-наби-оглы, «Имамкули-наме» Сухайла, «Нафа'ис ал-маасир» («Редкие люди доблестных деяний») Ала ад-Даула ал-Казвини, «Ништар-и шиш» («Листец любви») Хусайнкули-хана Азмабада, «Са'дийа» («Жития [роджа] Са'да») Хусайна Сарахси, «Джуббар ал-асрар» («Многоводная река тайн») Достмухаммада Бухари, «Такира-би ходжага» Тахир-ишана и другие.

Проведение такого рода исследований и по другим периодам истории Средней Азии, например по периоду арабского владычества (VIII—IX вв.), по периоду развитого феодализма (X—XV вв.), по новому и новейшему периодам (XIX—первая четверть XX в.) явилось бы значительным вкладом в науку и способствовало бы скорейшему введению в научный обиход бесценных письменных памятников, хранящихся в собраниях рукописей СССР и зарубежных стран.

Очерки основаны на следующих списках рукописных (и изданных) сочинений:

1. *Таварих-и сулайб, мусрат-наме*. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова, Ташкент, 1967.

2. *Фатх-наме*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5369.

3. *Шайбани-наме* Камал ад-Дина Бинан, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 844.

4. *Шайбани-наме* Мухаммад Салиха. — Мухаммад Солих, *Шайбанинома*. Нашрга тайёрловчи Насрулло Даврон. Тошкент, 1961.

5. *Михман-наме-би Бухара* مهمنامه بخارا، تالیف فضل اللہ روز بہانہ. Изд-е Р. П. Джалиловой. 1972/1974. تهران. با اهتمام منوچهر ستوده.

Фазлааллах ибн Рузбехан Исфазани. *Михман-наме-би Бухара*. Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. М., 1976.

6. *Зубдат ал-асар*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 608; рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № Д-104.

7. *Хабиб ас-сияр*, изд-е Мирза Мухаммада 'Али Ширази — *حبيب السير في اخبار افراد البشر، تالیف غیث الدین بن ہمام الدین الحسینی الحدادی بخواند امیر، جلد ۱ — ۲، ۱۸۵۷/۱۸۷۳*.

8. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хана*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 9989.

9. *Тарих-и Рашида*, рук. ЛГУ, инв. № 272.

10. *Ахсан ат-таварих*, изд-е Ч. Н. Седдона. — A Chronicle of the early Salawis being (vol. of XII) the Ahsanu't-Tawarikh of Hasan-i-Rumba, vol. 1 (Persian text), ed. by C. N. Seddon, Baroda, 1931.

11. *Шараф-наме-би шахи*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2207; рук. ЛО ИВ АН СССР, Д-88.

12. *Албар-наме*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1345 (т. I), 841 (т. II), 1721 (т. III).
13. *Мусаттир ал-билад*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 505; рук. ЛО ИВ АН СССР, С-465.
14. *Тарих-и 'аламари-би 'Аббаси*, Тегеранское изд-е 1314/1896-1897 1721 تاريخ عالم آرای عباسی، تأليف اسکندر بيگ توکمان، تهران، 1314
15. *Бахр ал-асрар фи манакиб ал-албар*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1375, 1385, 7418; рук. биб-ки Индла оффис, инв. № 575.
16. *Шаджара-би тюрк*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1110.
17. *Дастур ал-мудук* («Наказание государям»), факсимиле старейшей рукописи. Перевод с персидского, предисловие, примечания и указатели М. А. Саллаветдиновой. М., 1971.
18. *Тарих-и Муқим-хана*, изд-е А. А. Семенова. — Мухаммад Юсуф-мушви. *Мухим-ханская история*. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956.
19. *Убайдаллаг-наме*, изд-е А. А. Семенова. — Мир Мухаммад Амини Вухари. *Убайдулла-наме*. Перевод с таджикского, примечания А. А. Семенова. Ташкент, 1957.
20. *Тарих-и Абу-л-Файз-хана*, изд-е А. А. Семенова. — Абдурахман-и Тали. *История Абулфайз-хана*. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1959.
21. *Тарих-и Кипчак-хана*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 4468/II.
22. *Смугилат ос-салатим*, рук. Бодленской биб-ки (Англия), инв. № 269.
23. *Наме-би 'аламари-би Надири*, изд-е Н. Д. Миклухо-Маклая. Мухаммад Казим. *Наме-би 'аламари-би Надири* («Мироукрашающая Надирова книга»), т. I. Изд-е текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. М., 1960; т. II. М., 1965; т. III. М., 1966.
24. *Тухфат ал-хана*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2604.
25. *Фардоас ал-акбал*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5071.
26. *Мунтахаб ал-таварих*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 592.
27. *Тарих-и Шахрухи*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1787.
28. *Шайбаниада*, изд-е И. Н. Березина. — *Шайбаниада*. История монголо-тюрков на джунгатайском диалекте. Перев. на русский язык, примечания и приложение И. Березина. Казань, 1849.
29. *Насаб-наме-би узбек*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 3386/XXIV.
30. *Асали-би навабу ду фирка-би узбек*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 4300/IV.
31. *Тарих-и Саид Рахим*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5623.
32. *Зикр га'дад падшимаган-и узбек*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 4468/II.
33. *Тарих-и салатим-и Мақомтаба*, *Узбекида ва Антарганида*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 112/L.
34. *Хафт ақлим*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 617.
35. *'Аджа'иб ат-табакаг*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 4483.
36. *Бахр ал-асрар* (география) Махмуда ибн Вали. — *Бахр ал-асрар фи манакиб ал-албар*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2372.
37. *Дил-и гари'иб*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1335.
38. *Бабур-наме*, перев. М. А. Салье. Ташкент, 1958.

39. *Badi' al-nakhi'*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II. М., 1961.
40. *Muzakkir al-asbab*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 56.
41. *Tazkirat ash-shura Mutribi*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2252.
42. *Nusxa-ya ziba-ya Dzhazamir*, تذكرة الشعراء القبايلي از تذكرة الشعراء مولانا مطربى سمرقندى مسمى به نسخه زيباي جهانگير، تصحيح و مقدمه پروفسور عبدالغنى مېرزايوف، كراچي، 1976.
43. *Xatirat-и Mutribi* با اهتمام جهانگير پادشاه، خاطرات مطربى با جهانگير پادشاه، و مقدمه پروفسور عبدالغنى مېرزايوف، كراچي، 1977.
44. *Muzakkir al-asbab*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2727, 4270, 56/1.
45. *Djami' al-makamat*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 7638.
46. *Rauzat ar-rizviya va tadqiqat al-sil'iyat*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2094.
47. *Matalab at-talibin*, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 80.
48. *Путешествие в Среднюю Азию [Антона Дженкинсона]*. — В кн.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Л., 1937, с. 167—192.
49. *Статейный список посольства в Бухарию дворянина Холмова*. — В кн.: *Сборник князя Хилкова*, СПб., 1879, с. 388—485.
50. *Статейный список посольства Пазулиных, посланных в Булгарь, Балх и Юргенч, 1669*. — РИВ. т. 15, СПб., 1894, с. 1—91.
51. *Религии из Бухары [Флорисо Вомевиня]*. — В кн.: А. Н. Попов. *Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом*. — ЗИРГО, кн. IX. СПб., 1853, с. 270—424.
52. *Хрисамф, митрополит Новоатрагский*. О странах Средней Азии, посещенных им в 1780 г., издал с введением и комментариями В. В. Григорьев. — ЧОНДР, кн. I. М., 1861, с. 1—4.

* * *

Автор весьма признателен У. И. Каримову, Б. В. Лушину, Р. Г. Мухомовой, К. М. Муширову, Т. Н. Нагматову, А. У. Урунбаеву, Х. Хижматуллаеву, М. Ю. Юлдашеву за их ценные советы в процессе подготовки рукописи данной работы к печати. Поскольку такая работа осуществляется впервые, она вряд ли могла избежать отдельных ошибок и упущений. Поэтому мы ожидаем критических замечаний и пожеланий специалистов, которые будут полезны в дальнейшем при написании цельного исследования по источниковедению истории Средней Азии.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕО-КОСМОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ТАВАРИХ-И ГУЗИДЕ, НУСРАТ-НАМЕ

(ОБЩАЯ ИСТОРИЯ, КНИГА ПОБЕД)

Династийная история, в которой, после краткого введения (с. 11—15) излагается история легендарного предка всех турков и монголов Огуз-хана и тюрко-монгольских племен при нем и его потомков (часть первая, с. 13—31), история Чингиз-хана и его потомков, царствовавших в собственно Монголии, Дашт-и кыпчаке, Средней Азии и Иране (часть вторая, с. 31—262), история Шейбани-хана от его рождения до утверждения на престоле в Самарканде и покорения им Манераннахра до 909/1503—1504 г. (часть третья, с. 263—342).

Составление труда, как говорится во введении (с. 11), начато в месяце джумада I 908/ноябре 1502 г. и закончено (последнее событие — захват Анджана Шейбани-ханом в месяце зу-л-ка'да 909/в апреле — мае 1504 г.) не позднее 910/1505 г.

Вопрос об авторе сочинения и о его названии дискутируется давно. По мнению П. И. Лерха, им был Султан Валад, сын небезызвестного Джалал ад-Дина Руми¹, что, конечно, далеко от истины, ибо, как известно, Султан Валад жил в XIII—XIV вв. (1226—1312 гг.), т. е. почти за триста лет до описываемых в «Нусрат-наме» событий. Р. Г. Мукининова, А. А. Семенов и В. П. Юдин полагают, что оно написано самим Шейбани-ханом или при активном его участии². По мнению А. М. Акрамова («Таварих-и гузиде, нусрат-наме», с. 18—19) автором «Нусрат-наме» был Мухаммад Салих, перу которого принадлежит известная стихотворная хроника «Шейбани-наме» (см. ниже). Тщательное изучение самого труда дает основание считать эти доводы неубедительными. В самом сочинении неизвестный автор, называя себя «бедным», «ничтожным» и «немошным», так объясняет причину составления данного труда: «Бедному, ничтожному [и] немошному вопрошателю было приказано, чтобы [он] для облегчения [усвоения] перевел и привел в порядок «Тарих-и джахангүшай», [посвященный] Менгу-хану или Тулуй-хану; «Таварих-и гузиде», [посвя-

¹ Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. Спб., 1870, с. 11.

² Мукининова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в., с. 126; Ее же. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вахф-наме». Ташкент, 1966, с. 62; Семенов А. А. Первые Шейбаниды и борьба за Манераннахр, с. 113; Таварих-и гузиде, нусрат-наме. Перев. В. П. Юдина. — В кн.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 10—12.

шенный] дочери убежища ислама Газан-хана; «Мунтахаб-и таварих-и шахи», написанный от имени Улугбека-мирана, книги, составленные монгольскими бахтиярами на монгольском языке, а также [книги], написанные по-персидски. Сочинению было дано название «Таварих-и гузида, нусрат-наме». Это сочинение написано в месяце джумада I 908 г. х. (с. 10—11). Из приведенного отрывка следует: 1) труд составлен по велению Шейбани-хана одним из ученых его окружения; 2) в основу его и, прежде всего, первой и второй частей, положены сочинения Джувейни (623/1226—681/1282—1283), Рашид ад-Дина (ок. 645/1247—718/1318), Хамдаллаха Казвини (679/1280—750/1349—1350), официальные хроники на монгольском языке времен Чингиз-хана и его потомков, исторический труд «Мунтахаб-и таварих-и шахи» («Сокращенная царская история»), написанный от имени мирана Улугбека, а также ряд исторических сочинений на персидском языке; 3) труд состоит из двух самостоятельных частей: «Таварих-и гузида» («Избранная история») и «Нусрат-наме» («Книга побед»). В первой части излагается предыстория царствования Шейбани-хана, а вторая посвящена завоевательным войнам последнего в восточной части Дашт-и кипчака, Хорезме, Средней Азии и установлению его верховной власти в Средней Азии.

«Таварих-и гузида, нусрат-наме» и, прежде всего, заключительная часть (с. 263—354), составлена по тому же плану, что и «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинан и Мухаммада Салиха (о них см. выше). Однако в «Нусрат-наме» много новых и оригинальных фактов и сведений, отсутствующих в аналогичного содержания трудах. В нем, например, говорится о том, что первое вторжение Шейбани-хана в Хорезм произошло в 891/1486 г. (с. 280); разгром им Баки тархана у крепости Дабусия — в первый день месяца зу-л-ка'да 905/29 мая 1500 г. (с. 302); Ходжент был взят войсками Шейбани-хана в рамазане 908/марте 1503 г. (с. 324); в грабительском налете на Чагашван и Кухистан в том же 908/1503 г. участвовали свыше двух тысяч шейбанидских воинов, возглавляемых Махмуд-султаном и Ак-Мухаммад-султаном (с. 334) и др.

В «Нусрат-наме» приводятся названия новых племен и родов — как-то *маджар* (с. 276, 325), *салар казан* (с. 276), *ички байра* (с. 285, 287), *джуджим* (с. 287), *башмырт* (с. 288) и др., входивших на рубеже XV—XVI вв. в состав кочевых узбеков, чем и дополняется список племен и родов, перечисленных у Бинан, Мухаммад Салиха и в других сочинениях, посвященных истории Шейбани-хана. Подобные сведения важны для изучения этногенеза и формирования узбекского, казахского и других тюркоязычных народов. Ценны также сведения «Нусрат-наме» о ведущей роли племен *кумчи* и *найман* в общественно-политической жизни страны со времен Абу-л-Хайр-хана (с. 172—173, 276, 284, 288 и др.). Значительно подробнее, нежели в других источниках, изложены многие политические события начала XVI в., а именно: восстание населения Каракули и безжалостное его подавление шейбанидским войском (с. 306—308), грабительские походы Джанибек-султана и Махмуд-султана (зимой 907/январе — феврале 1502 г.) в окрестные селения Ура-тепе, Ходжента и прибрежные районы Чирчика (с. 319), захват Ферганы Джанибек-султаном (с. 319, 323, 339), опустошительные набеги (*чаларум*) шейбанидских султанов на Хисар

и Чаганиан в шаввале 908/апреле 1503 г., сопровождавшиеся разбоем и грабежом, пленением тысяч мирных жителей (с. 321, 322) и др.

Определенный интерес представляют содержащиеся в «Нусрат-наме» сведения о военном строе и тактике кочевых узбеков в период наступательных и оборонительных боев (с. 279—280, 374 и др.). Ценны также сообщения автора «Нусрат-наме» о важном военно-административном термине *ком* и чине *комбеги*. М. А. Абдураимов, опираясь на юридические документы и нарративные источники периода Аштарханидов (1601—1757), писал: «Не следует путать *кумбети* (должность, соответствующая званию егермейстера феодальной России) с *комбаги* (начальник ставки ханских войск), хотя начертания слов *кум* («птица») и *ком* («ставка») выглядят одинаково»¹.

Так, описывая годы «клязачества» Шейбани-хана и рассказывая о нападении последнего на урду Ахмад-хана, исконного врага дома Абу-л-Хайра, автор «Нусрат-наме» пишет: «Оставив 150 человек в ставке (*ком*), он, со ста всадниками, [разгромили] урду Ахмад-хана» (с. 172—173). Отсюда ясно, что термин *ком* означал военную ставку, где обычно находились семья хана, султанов и высокопоставленных сановников с обозом (*бурук*), а его охрану обеспечивал начальник ставки в чине *комбеги*, в распоряжении которого находились усиленный военный наряд. Небезынтересны сведения данного источника и о чине *басаул* (от монг. *баса* — уложение, постановление, приказ, правило, закон). В обязанности *басаула* в рассматриваемый период вменялась охрана ханской ставки (с. 286) и сопровождение в назначенное место всей военной добычи (с. 322). В источнике содержится также сведения о военно-административных чинах (*курсылтам*, *дилян-бег*, *барра*, *джарга*), социально-экономических терминах (*ам-ам*, *савура*, *пиккен*, *чалдум*, *кул дэдак*) и др. Небезынтересны также сведения «Нусрат-наме» о церемониале, бывшем в обиходе во времена правления Шейбани-хана (с. 342—346).

«Таварих-и гузде», нусрат-наме» представлен только двумя рукописными списками: рукопись ЛО ИВ АН СССР (В-745; 147 л.) и рукопись Британского музея (OR. 32226; 148 л.). Оба списка в неудовлетворительном состоянии — с дырками и прокусами². В издании А. М. Акрамова (см. раздел «Рекомендуемая литература»), основанном на этих списках и на других исторических сочинениях («Огуз-Аламуку ва Шейбани-наме», «Тарих-и Чингиз-хан», «Огуз-наме», «Абу-л-Хайрхонинг байани ва авлодининг шархи» и др.)³, в значительной степени устранены перечисленные недостатки, однако и в нем отдельные листы оказались спутанными, иногда одни и те же события повторяются.

Полного научного перевода «Нусрат-наме» на современные языки не существует. Есть лишь переводы отрывков, относящихся к истории кызылов и Казахстана в далеком прошлом, выполненные С. К. Ибрагимовым и В. П. Юдениным (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

¹ Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве XVI — первой половине XIX века, т. I. Ташкент, 1966, с. 75.

² Подробное их описание см.: Описание турецких рукописей Института народов Азии, т. I, ч. I, М., 1965, с. 87—89; Ricci, Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum, London, 1888, p. 276—280; Таварих-и гузде, нусрат-наме, с. 27—30 в слд.

³ Таварих-и гузде, нусрат-наме, с. 51—60.

Отдельные сведения из «Нусрат-наме» использовали в своих научных изысканиях В. В. Бартольд, А. А. Семенов, С. К. Ибрагимов, Р. Г. Мухминава, С. А. Азимджанова, К. И. Петров, автор этих строк и А. М. Акрамов.

Изучение памятника необходимо продолжить. Создание научно-критического текста и перевод памятника на русский язык — одна из важнейших задач востоковедов.

ФАТХ-НАМЕ

(книга повести)

Стихотворная хроника (поэма), посвященная истории правления Шейбани-хана и его завоеваниям, написана неким муллой Шади⁴ примерно в те же годы, что и «Таварих-и гузида, нусрат-наме», одноименные сочинения Бинаи и Мухаммада Салжда — придворного поэта Шейбанидов.

Об авторе «Фатх-наме» известно очень немного. Согласно сведениям, содержащимся в самой поэме, мулла Шади состоял на службе у Махмуд-султана, брата Шейбани-хана, по поручению которого он написал настоящую историческую поэму, и в год ее завершения ему было 55 лет (л. 20а, 221а).

«Фатх-наме» хронологически охватывает главные политические события, связанные с жизнью и деятельностью Шейбани-хана в Дашт-и кичиак, Мавераннахре и Хорезме за период до окончательного подчинения им Самарканда (су-л-хиджа 906/ноябрь—июль 1501). По своему содержанию сочинение идентично «Таварих-и гузида, нусрат-наме» и «Шейбани-наме» Бинаи. Источником для них, по предположению В. В. Бартольда⁵, равно как и для других произведений, посвященных Шейбани-хану, послужила официальная хроника, речь о которой пойдет ниже, в очерке «Зубдат ал-асар». Сам мулла Шади говорит, что при написании поэмы он пользовался хроникой под названием «Фатх-наме», которую получил из рук самого Шейбани-хана (л. 20а).

«Фатх-наме» муллы Шади известна научному миру с начала нашего века, и первое слово о ней принадлежит В. В. Бартольду. Во время одной из своих поездок в Среднюю Азию (летом 1902 г.) В. В. Бартольд посетил Самарканд и при осмотре богатой по тому времени коллекции восточных рукописей В. Л. Виткина (1869—1932) обнаружил в ней данное сочинение. В те годы В. В. Бартольд особенно интересовался вопросами истории орошения Туркестана и поэтому в своем научном отчете привел лишь самые краткие сведения об авторе, остановился на обстоятельствах написания «Фатх-наме», ее содержании и несколько подробнее на том месте поэмы, где речь идет о городе-крепости Адак в Хорезме и его окрестностях⁶. Специалисты неоднократно обращались к поэме (Г. А. Пугаченкова, Р. Г. Мухминава, С. К. Ибрагимов, О. Ф. Акимушкин, В. П. Юдин и другие), однако полного издания сочинения, за исключением фрагмента по истории

⁴ Свое имя, вернее литературный псевдоним (такадду), он приводит в двух местах поэмы (Фатх-наме, рук. ИБ АН УССР, инв. № 5369, л. 86, 20а).

⁵ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (летом 1902 г.), с. 127.

⁶ Там же, с. 127—130.

Казахстана, переведенного О. Ф. Акимушкиным на современный русский язык⁹, до сих пор нет.

Рукописи поэмы Шадн дошли до нас в достаточном количестве. Только в рукописезранилицах Советского Союза их пять, две из них хранятся в восточном отделе научной библиотеки ЛГУ (инв. № 925, 962)¹⁰, одна в ИВ АН УзССР (инв. № 5369)¹¹ и две других — в Душанбе, в ИВ АН ТаджССР (инв. № 953, 1467)¹².

Рукописный список поэмы (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 5369), которым мы пользовались, отличной гератской работы: составлен, насколько можно судить по палеографическим данным, в XVI в.¹³, с десятью миниатюрами работы мастера герато-самаркандской школы: л. 14а — Махмуд-султан в пещере Каратага после бегства из плена; л. 19б — восседание Шейбани-хана на троне в шатре; л. 44б — вручение любовного послания Шейбани-хана дочери Муса-мираза, председателя Мангытского улуса; л. 54б — пир в честь Шейбани-хана в шатре дочери Муса-мираза; л. 146б — доставка в шатер Шейбани-хана пленниного под г. Пассы Мухаммад Мазид-тархана; л. 207а — сражение между Шейбани-ханом и Бабуром под Самаркандом; л. 213б—214а — штурм Самарканда войсками Шейбани-хана¹⁴; л. 220б — сражение между узбекскими и тимуридскими войсками у Ходжа кардана.

В поэме содержится ценный исторический материал. Так, в «Фатх-наме» значительно подробнее, чем в «Нусрат-наме», изложены политические события, имевшие место в государстве кочевых узбеков после смерти Абу-л-Хайр-хана (873/1468—1469). Согласно этим сведениям, после него престол захватил Надгар-хан, потомок Шейбанида Ариб-шаха (л. 60б—62а)¹⁵. Среди событий, проеходивших при этом хане, подробно описывается сражение кочевых узбеков с моголами Пуну-хана на берегу Сырдарьи, в местности Карату, приключившееся, согласно Мухаммад Хайдару, зимой 877/1472—1473 г. (л. 63а—63а)¹⁶. Что касается Шайх Хайдар-хана, сына и преемника Абу-л-Хайра, то он, по сведениям данного сочинения, сел на отцовский престол после Надгар-хана (л. 65б).

Приведены весьма полезные сведения по топопонимике Хорезма XV—XVI вв., особенно о положении городов-крепостей Вазира и Адака и их окрестностей (л. 88а—101а), высоко оцененные в свое время В. В. Бартольдом¹⁷.

Уделено внимание моголо-тимуридским отношениям (взаимоотношениям между могольским правителем Ташкента Султан Махмуд-хв-

⁹ Материалы по истории казахского языка, с. 53—59.

¹⁰ Залиман К. и Розен В. Список, с. 251; Ромаскевич А. А. Список, I, с. 363.

¹¹ Краткое его описание см.: СВР АН УзССР, т. VIII, с. 35—36.

¹² Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР, т. I, с. 69—70.

¹³ Краткое его описание см.: СВР АН УзССР, т. VIII, с. 35—36.

¹⁴ Подробно см.: Пугачевская Г. А. Миниатюры «Фатх-наме», с. 121—130.

¹⁵ По «Муъизз ад-дэавиб» его родословную следует рассмотреть в таком порядке: Шейбан — Балалур — Джучи-бука — Балалур — Муна-Тимур — Фулад-Туглу-тоджи — Тимур-шейх — Надгар-хан (Тиссенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, с. 54—55).

¹⁶ Тарих-и Рашид, рук. ЛГУ, инв. № 272, л. 40б; Ахмедов В. А. Государство кочевых узбеков, с. 68—69.

¹⁷ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан, с. 127—130.

ном и Тимуридами Самарканда) на рубеже XV—XVI вв. (д. 148а—152б).

Содержатся сведения о подавлении беспорядков и бунтов в Каракуле и безжалостном истреблении его населения шейбанидским войском (д. 188а—191б).

В сочинении описано тяжелое положение трудящихся масс, жестокое обращение завоевателей — полчищ Шейбани-хана с мирными жителями Туркестана, Анджана, Бухары, Дабусии, Карши и других городов Мавераннахра (д. 144б, 158б, 159а, 159б, 179а—179б, 189а, 192б—193а, 200а, 201а и др.).

Эти и другие сведения, вне всякого сомнения, ставят «Фатх-наме» муллы Шади в ряд ценных первоисточников по истории Средней Азии и Казахстана второй половины XV — начала XVI в.

ШЕЙБАНИ-НАМЕ

(КНИГА О ШЕЙБАНИ)

Под этим названием известны два самостоятельных, но близких по тематике и содержанию исторических сочинения. Одно из них принадлежит перу широко известного поэта и историка Камал ад-Дина Бинан.

Бинан (полное его имя 'Али ибн ал-Мухаммад ал-Харави) родился в Герате в 857/1453 г. в семье архитектора (*ми'мар*) уstad Мухаммад-хана Саба. Детство Бинан и вся его сознательная жизнь протекали в условиях династических распр, дворцовых интриг и непрерывных феодальных междоусобиц. Известно, что Джахан-шах — верховный правитель государства Кара-кочулу (правил в 841/1437—873/1468—1469), пользуясь неурядицами среди Тимуридов, возникшими сразу после смерти Шахруха (851/1447), вместе со своим старшим сыном Пар-Будак-султаном, правителем Фарса, в 862/1458 г. вторгся в Хорасан и захватил Герат, однако под натиском войск султана Абу Са'ида вынужден был заключить с ним мир и покинуть страну. По свидетельству Бинан¹², он увел с собой сто семей искусных ремесленников, поэтов и ученых, среди которых оказался и отец Бинан со своим пятнадцатилетним сыном Камал ад-Динном. Три года жил Бинан в Шаразе и возвратился в Герат в 865/1460—1461 г. О его дальнейшей жизни, вплоть до отъезда в Самарканд, т. е. до 900/1495 г., в частности о школьных годах Бинан, ничего не известно. По свидетельству его современников Навои, Бабура и Хондемира, Бинан был широко образованным человеком своего времени. Они характеризуют его как талантливого поэта, богослова, стилиста, музыканта и историка¹³. Однако, чтобы познать секреты стилистики (*джамъ*), музыки, поэзии, истории и создать в этих областях науки оригинальные произведения, одного таланта недостаточно. Для этого необходимо специальное школьное образование и хороший наставник и, вне всякого сомнения, отец создал для своего сына такие условия. У Бинан была еще одна профессия — профессия строителя, о чем свидетельствуют не только

¹² Миразов А. Бинан. Сталинобад, 1957, с. 104.

¹³ Навои А. *Маджалис ан-нафа'ис*, Соч. В 13-ти т. Т. II. Ташкент, 1968, с. 74 (третий маджалис); Бабура-наме, изд-е М. А. Салье. Ташкент, 1968, с. 103, 212; *Хабиб ан-наир*, т. III, ч. 3, с. 342.

поэтическое прозвище Бинам («строитель»), но и сообщения письменных источников. Так, Мухаммад Тахир, балхский ученый XVII в., описывая достопримечательности Балха, приводит подробный рассказ о найденной в 885/1480 г. белой каменной плите в селении Ходжа хайран, расположенном на расстоянии двух фарсахов к востоку от Балха. На плите была высечена надпись, гласящая о том, что здесь погребен 'Али ибн Аби Талиб, четвертый правоверный халиф, и о сооружении над ней в 885/1481 г. великолепной гробницы. «Над этой священной гробницей, — говорит Мухаммад Тахир, — в 886 г. работал вместе со своим отцом господин, глава архитекторов, маулана Бинам, который был славным в науке, особенно в науке возведения зданий. С тех пор прошло 170 лет, а к этому зданию не пристала никакая порча»²⁰.

Вскоре Бинам покинул Хорасан и уехал в Табриз, где нашел приют во дворце Султана На'куба Ак-кобулу (правил в 883/1478—895/1491) и прожил здесь примерно до 897/1492 г., после чего вернулся в Герат. Однако, спустя три года, в 900/1494—1495 г. Бинам был вынужден покинуть его. На сей раз он едет в Мавераннахр, Хондемир, а вслед за ним в Амн Ахмад Рази, объясняют причину его отъезда тем, что он не поладил с эмиром Низам ад-Дин Алширом Навои²¹. Сам же Бинам считает виновным в этом зависть и недружелюбие некоторых ученых. Он пишет: «Случилось это так. В 900 г., из-за зависти и недружелюбия ученых основы терпения сего немощного расшатались, [поэтому], по необходимости, решил уехать в богохрамный Самарканд»²². Здесь он поступает на службу к ходжа Кутб ад-Дину Нахйа, сыну неизвестного ходжа Убайдаллаха Ахрара, а в шаввале 901/в июне—июле 1496 г. он, вместе с Мухаммадом Салихом (см. о нем ниже), явился к стоявшему тогда под Самаркандом Бабуру. Последний пишет: «...впоследствии он долго состоял у меня на службе»²³. Сколько длилась его служба у Бабура установить точно не представляется возможным. Некоторые сведения об этом сообщают Бабур и Хондемир, согласно которым Бабур, воспользовавшись беспечностью Шейбани-хана, оставшегося после взятия Самарканда (в нач. 906/июле 1500 г.) с основными силами в Баг-и майдане, за городом, в Джан Вафа-миры, которому было поручено управление Самаркандом, в начале 906/июле 1500 г. глубокой ночью отбил город у кочевых узбеков. Бинам, находившийся в услужении у Шейбани-хана, вновь возвратился к Бабуру. Вот что говорится об этом в «Бабур-наме»: «Захватив Самарканд, Шейбани-хан сделал мулду Бинам своим приближенным; он находился при Шейбани-хане. Через несколько дней после взятия нами Самарканда мулла Бинам пришел в Самарканд. Касим-бек, заподозрив [Бинам], отослал его в Шахрисабз. Вскоре после этого, так как он был способным человеком и не совершил какого-либо проступка, мы приказали доставить его в Самарканд. Он постоянно сочинял касыды и газели; сложив один аяль в ладу нава, он посветил его мне и исполнил передо мной»²⁴. То же сообща-

²⁰ 'Аджа'иб ат-табаиат, рук. ИВ АН УзССР, inv. № 4483, л. 66б.

²¹ Хайб ат-савир, т. III, ч. 3, с. 343; Хафт иклям, рук. ИВ АН УзССР, inv. № 617, л. 236а.

²² Шарф-наме-и шахи, рук. республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, inv. № 446, л. 9а.

²³ Бабур-наме, л. 51.

²⁴ Там же, с. 109.

ет и Хондемир²⁵. Отсюда можно заключить, что Бинам, с уходом Бабура из Самарканда в раджабе 903/феврале — марте 1498 г. (после столетнего правления), остался в городе, а после его сдачи кочевым узбекам поступил в услужение к Шейбани-хану. После окончательной потери Бабуром Самарканда (в начале 907/середине июля 1501 г.) Бинам вновь перешел к Шейбани-хану и остался с ним до конца своей жизни. По словам самого Бинама, он был назначен хронистом и от Шейбани-хана получал специальное задание составить историю его правления и победоносных его войн²⁶. В начале 913/мае 1507 г. Бинам вместе со своим братом²⁷ сопровождал Шейбани-хана в его завоевательном походе (в начале мухаррама 913/май 1507 г.) на Хорасан. Бинам прожил в своем родном городе до 916/1510 г. и после гибели Шейбани-хана под Мервом (9 рамазана 916/10 декабря 1510 г.), в связи с приближенным кизылбашских войск к Герату, покинул его вместе с семьей убитого хана и поселился в Карши. Погиб он в 918/1512 г. при вторжении в город кизылбашских войск во главе с Налджи сани и Бабуром и поголовном истреблении ими населения. По сведениям Мамуда ибн Вали, историка первой половины XVII в., Бинам похоронен за оградой соборной мечети г. Карши²⁸.

Камал ад-Дин Бинам был высокообразованным человеком и многогранным ученым своего времени. Дошедшие до нас его диван стихов, хранящийся ныне в Парижской национальной библиотеке (инв. № 1769, 76 л.), в библиотеке правителя Ауда в Индии (инв. № 162, 65 л.) и многочисленные стихи, помещенные в различных сборниках (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 4595; рук. АН ГрузССР, инв. № 4569; рук. ИВ АН ТаджССР, инв. № 1207) да и в самом «Шейбани-наме», особенно в его расширенном варианте, известном под названием «Футулат-и хани» (об этом ниже), свидетельства «Бабур-наме»²⁹, а также месневи «Вихруз и Вахрам», посвященный Султан Па'кубу Аккобулу, характеризуют его как выдающегося поэта своего времени³⁰. Кроме того, современники пишут о нем как о способном музыковеле и музыканте. Вот что говорится об этом, например, в «Бабур-наме»: «В музыке Бинам сочинял хорошие произведения. В их числе есть макам, называемый муз-рам; конец девяти рамолов и напев макама [звучит в ладу] раст»³¹. Но самым важным для историков трудом Бинам остается его историческое сочинение «Шейбани-наме».

«Шейбани-наме» — официальная история Шейбани-хана — повествует о политических событиях, происходивших в Дашт-и кипчаки и Мавераннахре начиная от рождения Шейбани-хана до завоевания им

²⁵ Халиб аз-закар, т. III, ч. 3, с. 307.

²⁶ Шараф-наме-и мака, рук. рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, инв. № 446, л. 126—132.

²⁷ Когда Шейбани-хан дошел до Улане кадыстана, 9 мухаррама 913/21 мая 1507 г. со специальным письмом хана к шейхуль-исламу и хану Исламгар ад-Джау, в котором содержалось требование сдать город без сопротивления, писал хану он, что свидетельствует о высоком положении его при дворе узбекского правителя.

²⁸ Мамуд ибн Вали. Море тайн. Перевод, введение, примечания и указатели Б. А. Аксенова. Ташкент, 1977, с. 79.

²⁹ Бабур-наме, с. 103.

³⁰ О литературном творчестве Бинам подробно см.: Мирзоев А. М. Бинам, с. 129—135 в след.

³¹ Бабур-наме, с. 208.

вместе с кочевыми узбеками Мавераннахра и Хорезма (906/1500—1501—911/1505 гг.). Время составления сочинения неизвестно, однако, судя по тому, что события в нем изложены до осады Шейбани-ханом Ургенча, столицы Хорезма в 911/1505 г.¹⁰, можно предположить, что оно написано между 911/1505—913/1507 гг.

Сочинение представляет большой интерес для изучения политической истории Средней Азии и Казахстана последней четверти XV — начала XVI в. В нем содержатся ценные географические сведения о крупных в те времена присырдарьинских городах Саурани, Сыгнаке, Аруке, Отраре, Узгенде и Ак-кургане, хорезмских городах Вазире, Адаке, Булдумсаве и др. (д. 56, 66, 7а, 86, 106, 136, 146 и др.) и этнографические сведения, например о племенах *куччи*, *каймак*, *узгур*, *курлаут*, *арабай*, *кял*, *конгурат*, *танерт*, *ички*, *дурман*, *абабагу*, *дигай*, *чымбай*, *шуккарли*, *шоббахли*, *иджия*, *каучия*, *мангит*, *кагалы*, *джургул*, *жине*, *бачкирд*, *асс* и др. (д. 16, 2а, 3а, 4а, 56, 13а, б и др.), впоследствии составивших один из компонентов узбекского, казахского, башкирского и других тюркоязычных народов, а также сведения, представляющие в распоряжение историков, археологов и этнографов богатейший фактический материал. Имеются разрозненные факты, свидетельствующие о бесчинствах правившей феодальной верхушки и шейбанидских воинов. Они приведены в рассказах, повествующих о систематических военных набегах — *дуртабул* (буки, «золота в юртах», от тюрк. «йурт йаламай») шейбанидских войск в свои и чужие юрты с целью пополнения продовольственных запасов; об истреблении тысяч и тысяч мирных жителей (*кага-и аям*) городов, оказавших сопротивление пришлому завоевателю в борьбе за свою независимость; о грабительских набегах на соседние области и страны с целью захвата богатей добычи (*удджа*) и конфискации имущества лиц, оказавших недружелюбие по отношению к завоевателю (д. 17а, 206, 216, 236, 246, 27а, б, 286, 33а, 376, 386 и след.). Большой интерес представляют многочисленные сведения о социальном и государственном устройстве кочевых узбеков на рубеже XVI в.

«Шейбани-наме» давно привлекает к себе пристальное внимание специалистов (Э. Г. Броун, К. Г. Залеман, А. Н. Самойлович, М. А. Салье, А. А. Семенов, А. Н. Болдырев, Р. Г. Мукиннова, А. М. Марзоев, С. К. Ибрагимов, Б. А. Ахмедов и др.), однако этот ценный труд, за исключением отдельных извлечений в переводе на русский язык, выполненном С. К. Ибрагимовым и К. А. Пашулиной¹¹, не издан. Большая часть рукописных списков сочинения представлена в собрании ИВ АН УзССР (инв. № 844, 1632, 1633, 843, 1236, 3331, 3422). Наиболее полными и, следовательно, ценными, являются рукописи № 844 и № 3422. Первый прижизненный список переписан мирзо Му'инном муши, личным секретарем Шейбани-хана, в местах (д. 3а, 24а, 31а и др.) самим ханом, второй — узбекский перевод известного хорезмского историка Мухаммад Пусуфа Байани (ум. в 1341/1923 г.),

¹⁰ Однако об окончательном взятии города в нем ничего не говорится. Изложение событий прерывается гибелью Хусайна Али конгурата, приближенного Шейбани-хана, и изложением о начале штурма крепости кочевыми узбеками (Шейбани-наме, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 844, л. 406).

¹¹ Материалы по истории казахских ханств, с. 91—227, 567—511.

выполненный по указанию предпоследнего хивинского хана Асфандияра (1328/1910—1336/1918) в 1333/1914—1915 г.²⁴

С именем Бинан связывают еще одно историческое сочинение — «Футухат-и хани» («Ханские завоевания»), также посвященное Шейбани-хану и завоеванию им Средней Азии. Данное сочинение дошло до нас в трех списках: список ИВ АН УзССР (инв. № 14/1; 70 л; XVIII в.); дефектный — во введении с начала отсутствуют примерно 11—12 строк, недостает и конца. События в нем охватываются повествованием похода Шейбани-хана против Касым-султана, сына казахского хана Джанибек-хана. Два других включены в «Шараф-наме-йи шаха» («Книга ханского благородства»), известного под названием «Абдаллах-наме», хранящегося ныне в Баку (республиканский рукописный фонд АН Азербайджанской ССР, инв. № 446; л. 16—104б) и Душанбе (ИВ АН ТаджССР, инв. № 778; л. 16—104а). Оба списка идентичны и переписаны в прошлом веке Мухаммадом Мирза Ганзи²⁵. Инициатива включить «Футухат-и хани» в состав «Абдаллах-наме» по-видимому исходила от переписчика, желавшего, очевидно, объединить всю историю Шейбанидов, начиная от Абу-л-Хайр-хана и кончая 'Абд-ал-Му'минном, предпоследним представителем этой династии. При сравнительном изучении этих трех списков и сопоставлении их с «Шейбани-наме» (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 844) обнаружилась идентичность обоих трудов — «Шейбани-наме» и «Футухат-и хани». Последний представлен в более расширенном варианте, в основном за счет стихотворных вставок (их здесь 2894 мисра²⁶), сур из Корана и отличается напыщенностью стиля²⁷. События в нем изложены до 906/1500—1501 г., т. е. до завоевания Шейбани-ханом Самарканда и изложением Тимурида Султана 'Али-мирзы, что дает нам основание считать «Футухат-и хани» первым вариантом «Шейбани-наме». По-видимому, вычурный и цветистый язык сочинения не устраивал предводителя кочевых узбеков и его близкое окружение, и он велел Бинану несколько упростить стиль изложения и сделать его более доступным. Кроме того, после утверждения Шейбани-хана на престоле Тимуридов в жизни его государства произошли важные события — строительство моста через Зарафшан в 908/1502—1503 гг. и завоевание им Хорезма в 911/1505 г. Шейбани-хан вероятно хотел, чтобы эти события нашли отражение в его официальной хронике.

«Футухат-и хани» и, в частности, его обширное введение (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 14/1, л. 16, 29б; Бакинский рукопись, инв. № 446, л. 16—17б) представляет для нас определенную ценность. Здесь автор после традиционного славословия излагает причину своего приезда в Самарканд, указывает на время составления настоящего сочинения и приводит сведения о достопримечательностях Самарканда. Особенного внимания заслуживает его рассказ об observation Улугбека. По свидетельству Бинан, в то время она была целой и величественно возвышалась у подножия Кузак, у Аб-и размата²⁸.

²⁴ Краткое его описание см.: СФР АН УзССР, т. VII, с. 25.

²⁵ Был бакаром (секретарем) бухарского хана мурта Мир Бадр ад-Дин и умер в 1324/1908 г. (Мирза 'Абд-ал-'Азим Сами, Тарих-и салтанат-и мангитоба. Перев. с тадж. предисловие и примечания Л. М. Ефремовой, М., 1902, с. 136).

²⁶ Подобное см. нашу статью: «Неизвестная версия «Шейбани-наме» Бинан», ОИЯ, 1963, № 2, с. 51—53.

²⁷ «Шараф-наме-йи шаха, рук. республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, инв. № 446, л. 10а.

Такой, например, видел ее тогда и Бабур. Рассказывая о событиях 903/1497—1498 г., он пишет: «Другая постройка мирам Улутбека — обсерватория у подножия холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц»⁸¹. Как видно, это великодушное сооружение того времени и находившиеся в нем астрономические инструменты сохранялись и на рубеже XVI в., а бытующие в исторической и иной литературе, особенно в художественной, версии, будто бы обсерватория была разрушена и разграблена после трагической гибели Улутбека (8 рамазана 853/25 октября 1449 г.), не соответствует действительности.

«Шейбани-наме» Бинан широко используется исследователями с самого начала нашего столетия, но до настоящего времени полностью не издан, за исключением небольшого фрагмента, включенного в сборник материалов по истории казахских ханств⁸².

Автор другого сочинения «Шейбани-наме» — Мухаммад Салих. Биографические сведения о нем сохранились весьма незначительные. Источники сообщают буквально следующее: был внуком эмира Шах Малика из тюркского племени *былуг*, одного из всемогущих эмиров Тимура, затем Шахруха и Улутбека. Отец Мухаммад Салиха эмир Нур Са'ид-бек, также находившийся на службе у Улутбека, после трагической гибели последнего, как и многие чагатайские беки, отказался повиноваться и отсудившие 'Абд ал-Латифу, и новому тимуридскому правителю султану Абу Са'иду (855/1451—873/1468—1469): жил в горах близ самаркандского селения Нур и устраивал систематические набеги на окрестные районы Бухары и Самарканда. Попытка султана Абу Са'ида усмирить его мирным путем не увенчалась успехом. «Метежчик», — пишет В. В. Бартольд (его сведения основываются на данных 'Абд ар-Разака Самарканда), — не послушался ни увещаний посланца Абу Са'ида, ни увещаний хаджи Ахрара, отправившегося к нему в горы; после этого он был изгнан из Нура самаркандскими войсками и бежал в степь»⁸³. Однако, согласно сведениям того же 'Абд ар-Разака Самарканда, спустя некоторое время он явился к султану Абу Са'иду с повинной, был помилован и назначен начальником тумана. В шаввале 864/20 июля—17 августа 1460 г. он был послан со своим туманом против Султана Хусайна Байкары, вторгнувшегося в Хорасан через Хорезм. Однако по пути на Сабзевар он повернул в сторону Мавераннахра и недалеко от Шахрухиди объединился с Мухаммадом Джуки, внуком Улутбека, восставшим против Абу Са'ида и захватившим при помощи кочевых узбеков Туркестан, Сайрам, Ташкент и Шахрухиду. До осени 1462 г. Нур Са'ид-бек был вместе с Мухаммадом Джуки и участвовал в его вооруженной борьбе против Абу Са'ида. Последнему пришлось осаждать Шахрухиду в течение целого года, и лишь при помощи хаджи Ахрара ему удалось подавить мятеж во главе с Мухаммадом Джуки. 9 мухаррама 867/5 октября 1462 г., получив клятвенное заверение Абу Са'ида о пощаде всех защитников крепости, Мухаммад Джуки и его эмиры сложили оружие и открыли крепостные ворота. Впоследствии царевич был доставлен в Герат, заточен в крепость Ихтияр ад-Дин и умершался, а эмир

⁸¹ Бабур-наме, с. 81.

⁸² Материалы по истории казахских ханств, с. 96—127.

⁸³ Бартольд В. В. Улутбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, М., 1904, с. 171.

Нур Са'ид-бек назначен правителем Хорезма. Всего лишь четыре с лишним года управлял он отцовскими владениями. В 871/1466—1467 г. Султан Хусайн вторгся в Хорезм со стороны Дашт-и кипчака и опустошил эту страну. За трусость и бездеятельность Нур Са'ид-бек был низложен, отозван в Герат и казнен⁴¹.

О дальнейшей судьбе Мухаммад Салиха после казни отца каких-либо сведений в известных нам источниках нет. Шама ад-Дин Сами, автор восточного энциклопедического словаря «Камус ад-‘алам», не указывая на источник, говорит, что детство и школьные годы Мухаммад Салиха прошли в Герате. Что еще важно, он же относит его к числу учеников ‘Абд ар-Рахмана Джами⁴². Отдельные сведения, позволяющие установить факты его биографии до отъезда в Самарканд и дату вступления в услужение сначала к восемилетнему «царьку» Мулламад Мазид тарлау, а затем к Шейбани-хану, содержатся у Бабура и Навои. Так, Бабур, повествуя о визерах, советниках и поэтах, живших и творивших при дворе Султан Хусайна-мирзы, среди видных поэтов упоминает и Мухаммад Салиха. Значительный интерес представляет следующие высказывание Бабура: «В честь Шейбани-хана Мухаммад Салих сочинил тюркское месневи в размере рамаль шестистопный усеченный, т. е. в размере [поэмы Джами] «Четки»⁴³. Навои характеризует его как образованного человека и замечательного поэта. По его сведениям, Мухаммад Салих некоторое время служил при дворе Султан Хусайна, а затем, под влиянием своих «дурных» друзей, выказывал по отношению к султану неважное и злословил⁴⁴. Из приведенных свидетельств можно заключить, что Мухаммад Салих по меньшей мере до 90-х гг. XV в. находился в Герате и служил при дворе Султана Хусайна.

Если о гератском периоде жизни Мухаммад Салиха мы располагаем крохотными сведениями, то о его жизни в Мавераннахре сохранилось несколько больше фактов, содержащихся в трудах того же Бабура и Биван. Когда и при каких обстоятельствах очутился он в Самарканде, за исключением его же упоминания об отъезде в Мавераннахр, содержащегося в сочинении (в котором он, однако, не указывает ни времени, ни обстоятельства своего отъезда из Хорасана в Мавераннахр; с. 17), источники ничего не сообщают. Более ранние сведения о самаркандском периоде жизни Мухаммад Салиха относятся примерно к концу шаввала 901/11 июля 1496 г. Бабур со своим войском стоял тогда в Сугудском тумене Самарканда. Он пишет: «В это время я видел муллу Биван и Мухаммад Салиха, которые состояли на службе у ходжа Нахби. Мухаммад Салиха я видел только в тот раз, а муллу Биван впоследствии долго состоял у меня на службе»⁴⁵. Нам точно установлен год приезда Биван в Самарканд — 900/1494—

⁴¹ Подробно см.: Бартольд В. В. Улусбек и его время, с. 170; Его же: Мир Али-Шер и политическая жизнь, там же, с. 220; Алмедов Б. А. На истории взаимоотношений кочевых улусов с Тимуридами.— Ученые записки ЛГУ, № 304, вып. II, с. 88—92. По словам самого Мухаммад Салиха (Шейбани-наме, с. 17), Нур Са'ид-бек некоторое время жил в Мерве и был казнен по приказу Султана Хусайна именно здесь.

⁴² Камус ал‘алам, т. IV. Истамбул, 1311/1893—1894, с. 2928.

⁴³ Бабур-наме, с. 210.

⁴⁴ Маджалис ан-нафа'ис. Соч., т. 12. Ташкент, 1966, с. 150. (дальше по тексту).

⁴⁵ Бабур-наме, с. 51.

1495. Судя по тому, что оба ояж, и Бинаи, и Мухаммад Салих до 901/1496 г. были вместе и находились в услужении у хаджа Мухаммада Пахля, сына и преемника известного хаджа Убайдаллаха Ахрара, можно предположить, что и Мухаммад Салих покинул Хорасан в том же, 900/1494—1495 г. вместе с Бинаем. Из дальнейшего сообщения Бабура и свидетельства Бинаи следует, что Мухаммад Салих еще до 900/1494—1495 г. находился в Самарканде и состоял на службе у могущественного тимуридского вельможи Дарвиш Мухаммад тарлана⁴⁸. После бегства последнего из Самарканда (905/1499—1500 г.) по дороге в Бухару, в местности Таткент (селение, расположенное между Хатырчи и Катта-курганом), Мухаммад Салих отбыл от своего бывшего покровителя и повернул обратно в осажденный в те дни войсками Шейбани-хана Самарканд и при содействии Джан Вафамиры и маулана 'Абд ар-Рахима Туркестани, садра Шейбани-хана, был доставлен к предводителю конных узбеков, стоявшему все дни напролет у ворот Чар-раха (с. 20—21). Дальнейшая судьба поэта и ученого, вплоть до его смерти, последовавшей в 941/1534—1535 г., связана с Шейбани-ханом и Шейбанидами (Махмуд-султаном и Убайдаллах-ханом). После взятия Бухары (в конце зу-л-ка'да 905/29 мая 1500 г.) Шейбани-хан назначил его правителем (дарга) Бухары. На этой должности он находился совсем недолго, не прошел и месяц, как бухарцы восстали против новой власти и изгнали Мухаммад Салиха из города. Шейбани-хан в это время был на пути в Самарканд. Узнав о случившемся в Таткенте, он был вынужден на время отложить поход на Самарканд и повернуть войско на Бухару. Жестоко расправившись с бухарцами, он отдал Бухару и область своему брату Махмуд-султану (с. 29)⁴⁹, а Мухаммад Салиха оставил при себе. За исключением кратковременного правления в Чарджуме (в 910/1504 г.), последний находился при нем постоянно и, по-видимому, являлся его личным секретарем; сопровождал его в походах на Каракуль (в 906/1501 г.), Кундуз (в 910/1504—1505 г.) (с. 181, 191—193, 197), а после смерти Махмуд-султана (911/1505), брата Шейбани, Мухаммад Салих находился при его сыне и преемнике Убайдаллах-хане и, по свидетельству хаджа Хасана Нисари, управлял иклайетом Ниса⁵⁰. Остаток своей жизни он прожил в Бухаре. Умер Мухаммад Салих в 941/1534—1535 г.

Стихотворная хроника Мухаммад Салиха⁵¹ как по своим основным целям, так и по содержанию аналогична с вышеупомянутым сочинением Камал ад-Дина Бинаи, но имеет перед ним ряд преимуществ — она значительно полнее в освещении всей политической обстановки Мавераннахра и сопредельных с ним стран, в частности Хорезма, Ферганы, Ташкента и подвластных ему в те времена округов, а также Шахрухийи, Ходжента, Ура-тене и областей, расположенных к югу от Амударьи, в период и после завоевания Самарканда войсками Шейбани-хана.

⁴⁸ Бабур-наме, с. 92; Бинаи, Шейбани-наме, рус. ИВ АН УССР, том № 846, д. 264.

⁴⁹ Ср.: Бинаи, Шейбани-наме, д. 274, 294.

⁵⁰ Мувахиар ад-азбай, рус. ИВ АН УССР, том № 66, д. 825.

⁵¹ Точных данных о времени ее написания нет. По-видимому, Мухаммад Салих приступил к составлению своего труда после 911/1505 г.

Новое в сочинении Мухаммад Салиха, по сравнению с «Шейбани-наме» Бинаи, следующее:

1) Антишейбанидские выступления (грозбы) в Каракуле, Карши и Хузаре (гл. XX—XXIII; с. 34—43).

2) Присоединение Шахрухийи, Ура-тюбе, Ходжента и Ферганы к государству Шейбанидов (гл. XLII—XLIV, XLIX—LVII, LIX; с. 85—88, 88—92, 116—155, 162—171).

3) Поход кочевых узбеков на Хисар, Термез и левобережье Амударьи и завоевание ими Кундуза, Талькана, Бадахшана и Балла (гл. LVII—LVIII, LXI; с. 174—178).

4) Первый поход шейбанидских войск во главе с Махмуд-султаном на Хорезм в 909/1503 г. (гл. XLV—XLVI; с. 93—96).

5) Попытка Султан Хусайна отговорить Шейбани-хана от похода на Хорезм. Поход тимуридских войск на Кундуз и Чарджуй (гл. LXXI; с. 205—211).

Кроме того, последний и решающий поход Шейбани-хана на Хорезм в изъятие им его столицы после десятидневной осады (21 раба¹⁰ 1 911/22 августа 1505 г.) описаны в сочинении весьма подробно, чего нет в «Шейбани-наме» Бинаи.

Достоинства хроники Мухаммад Салиха этим не исчерпываются. В ней содержится большой фактический материал, свидетельствующий о бесчинствах кочевых узбекских феодалов и шейбанидских воинов и о тяжелом положении трудящихся масс в завоеванных Шейбани-ханом странах (с. 26, 32, 40, 41, 42, 43, 47, 61, 87, 90, 95, 96, 112, 113, 120, 154, 182, 219, 223). Имеются сведения социально-экономического характера (с. 24, 27, 58, 66, 90, 124, 125, 127, 157, 176, 181, 195, 197, 198 и др.), данные о государственном устройстве кочевых узбеков (с. 21, 32, 38, 67, 85, 86, 94, 97, 137, 138, 157, 201, 203, 216 и др.), о военном строе и состоянии войска кочевых узбеков (с. 21, 23, 38, 41, 42, 45, 46, 55, 56, 57, 58, 61, 68, 86, 89, 105, 120, 209, 216, 220). Большой интерес представляют также приводимые Мухаммад Салихом ценные этнографические сведения (с. 26, 32, 33, 42, 57, 85, 86, 87, 94, 95, 101, 113, 117, 123, 137, 138, 139, 176, 197, 199, 211 и др.), позволяющие судить о составе тюрко-монгольских племен, вторгнувшихся в Мавераннахр во главе с Шейбани-ханом в начале XVI в., и составивших впоследствии один из компонентов узбекского и казахского народов.

Рукописи «Шейбани-наме» Мухаммад Салиха очень редки. На сегодня нам известны только два списка труда, хранящихся в Венской библиотеке¹¹ и в восточном отделе научной библиотеки ЛГУ¹² и два основанных на этих рукописях его издания, выполненные в 1885 г. Г. Вамбера¹³ и в 1908 г. П. М. Мелноранским¹⁴. В настоящее время

¹⁰ Flügel, Handschriften, II, p. 323.

¹¹ Ромаскевич А. А. Словос, I, с. 364, 353—371.

¹² Die Schāhānāme. Ein Obegetisches Heldengedicht in 76 Gesängen, von Prinz Mohammad Salich aus Charezm. Texte, Übersetzungen und Noten von H. Vamberger, Wien—Budapest, 1885.

¹³ Мухаммад Салих. Шейбани-наме. Джалагатайский текст. Посмертное издание П. М. Мелноранского. Спб., 1908.

«Шейбани-наме» Мухаммад Салиха издано в Ташкенте на современной узбекской графике. Последнее издание, осуществленное постом и филологом Н. Даврановым¹⁴, основано на упомянутом выше издании П. М. Мелиоранского.

МИХМАН-НАМЕ-ЙИ БУХАРА

(КНИГА БУХАРСКОГО ГОСТЯ)

Сочинение мемуарного характера, в котором излагается история третьего грабительского похода Шейбани-хана и его войск на Казахстан против Бурундук-хана (885/1480—917/1511), Джаниш-султана и Ташыш-султана зимой 914/1509 г. (с 8 шаввала 914/2 февраля 1509 по 28 зу-л-хиджа 914/2 мая 1509 г.), написанное участником похода и приближенным Шейбани-хана Рузбеханом.

Жизнь и научная деятельность Рузбехана (полное его имя Фазлаллах ал-Амин ибн Рузбехан ал-Хунджи ан-Ширази ал-Исфахани, известного также под именем Ходжа мулла) достаточно полно освещены в научной литературе, в частности И. Гольдциером, В. Ф. Минорским, М. А. Салье, С. К. Ибрагимовым, В. А. Ахмедовым, Р. П. Джалиловой, Са'идом Нафиси, Ирадж Афшаром, Мухаммад Аминем Хунджи и Ахмадом Иктядари (см. раздел «Рекомендуемая литература»), поэтому отметим лишь главные из них. Согласно этим сведениям, Рузбехан родился в 862/1457—1458 г. в даристанском селении Хунджи в Фарсе в семье крупного ученого-богослова и сановника Джамал ад-Дина Рузбехана. Высокое положение и богатство отца позволили ему получить разностороннее образование в Исфахане, углубить и совершенствовать его в Аравии, куда вторично (первая его поездка туда состоялась в 879/1474—1475 г.) он прибыл в 887/1482 г. Его наставниками в Аравии были известный шейх Джамал ад-Дин Ардистани, умерший, согласно Ризакули-хану Хадабата, в 879/1474—1475 г., и видный египетский историк и филолог Шамс ад-Дин Мухаммад ас-Сакиби (830/1427—902/1496—1497)¹⁵.

Разностороннее образование, глубокое знание таких наук, как богословие, философия, история, литература Востока позволили Рузбехану занять высокое положение при дворах целого ряда правителей: Султан На'куба Байандури из династии Ак-коюнлу, Султан Хусайна Байкары, Шейбани-хана и Убайдаллах-хана (удельный правитель Бухары в 900/1503—1504—946/1539 гг.). Умер Рузбехан в Бухаре 5 джумада I 927/13 апреля 1521 г.¹⁶

Рузбеханом написаны сочинения на религиозно-богословскую, философскую, этико-дидактическую, литературную и историческую темы: «Халл-и таджрид» («Разрешения вопросов абстракции»), «Таликат бар мухаллат» («Комментарии на невероятное»), «Вади 'аз-Заман фи хиссати Хайй ибн Пақзан» («Редкость времени в разъяснении по-

¹⁴ Мухаммад Салих Шайбанизома, Нашраи таърихиюи Насрулло Давран, Тошкент, 1961.

¹⁵ رضا قلی خان هدایت، تذکرة ریاض العارفین، طهران، ۱۳۱۶، ص. ۵۸.

Васильев Р. П. Джалиловой и «Фазлаллах Рузбехан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара», с. 16.

¹⁶ По другим данным он умер в 937/1530 г.

вести о Хайфе ибн Пакзане), «Тарих-и 'аламара-йи Амине» («Мироукрашающая история Амине»), «Ибтал нахдж ал-батил ва ихмал кашф ал-'атил» («Отказ от неверного пути и пренебрежение негодного открытия»), «Рисала-йи харисийа» («Трактат о земледелии»), «Судух ал-мулук» («Правила поведения государей»), «Шарх-и «Касид-йи бурда» ал-Бусири» («Комментарий к «Поэме о плаще» ал-Бусири») и, наконец, «Михман-наме-йи Бухара» («Книга бухарского гостя»).

«Михман-наме-йи Бухара», написанная в течение одного года (начата в Бухаре в шаввале 914/апреле—феврале 1509 г. и законченная им в Герате 23 джумада I 915/9 сентября 1509 г.) освещает историю Средней Азии и Казахстана начала XVI в.

Прежде чем приступить к изложению содержания «Михман-наме-йи Бухара» следует отметить, что Рубехан был убежденным суннитом-шафитом, поэтому в «Михман-наме-йи Бухара», как и в других его сочинениях, возмущается суннизм и отмечается пренебрежительное отношение к шиизму и его идеологии. Более того, всякое отклонение от установленных суннизма, по мнению автора (что изложено в многочисленных хадисах, кои он цитирует в диспуте, проведенных в Бухаре и в пути на поход против казахов), — «неверное открытие», «тяжелый проступок» (с. 62—66, 70, 105—106, 108 и др.). Тем самым он пытался оправдать грабительские походы Шейбанидов против своих же соплеменников — узбек-казахов. Кроме того, автор обосновывает божественность и непререкаемость верховной власти ханов, в данном случае Шейбани-хана (с. 66, 78, 95—96 и др.) и проповедует неизблемость основ частной собственности (с. 153—157 и др.). Словом, «Михман-наме» написана в духе господствующей феодальной идеологии и защищает интересы Шейбани-хана и его окружения. Несмотря на это, труд Рубехана раскрывает различные стороны общественно-политической жизни народов Средней Азии и Казахстана того периода.

«Михман-наме-йи Бухара» — широко документированное сочинение, написанное на основе событий, очевидцем которых был сам автор, а также информации самого Шейбани-хана и его приближенных. Единственный источник, на который он ссылается в нескольких местах (с. 41, 42, 148, 149)²⁷ при описании генеалогии Шейбани-хана и казахских ханов, — это «Насаб-наме» или «Шаджара». По-видимому, мы имеем дело с тем же источником, упомянутым в очерках «Зубдат ал-асар», «Нусрат-наме» и в поэме муллы Шади «Фатх-наме».

Сочинение Рубехана состоит из введения, краткого заключения (хатм) и 34-х глав. Ценные сведения по средневековой истории народов Средней Азии и Казахстана содержатся в следующих главах:

Введение (с. 55—58)²⁸. Здесь излагается о существовавшей в государстве Шейбанидов удельной системе, вернее о порядке разделения страны на уделы между потомками хана. Например, говорится, что Шейбани-хан отдал Самарканд и область своему сыну Мухаммад Тв-

²⁷ О содержании этих глав подробно см.: Азиедов В. А. Государство конных узбеков, с. 155—160.

²⁸ Цитирую по изданию Минучебра Сегуда: Михман-наме-йи Бухара. Та'лиф Фазлаллаха ибн Рубехана ба-хатмином-и Минучебр Сегуда, Тегран, 1341/1962.

мур-султану, Туркестан — своему дяде Кучкунджи-султану, Ташкент и область — Субунч-ходжа-хану, другому своему дяде, Хисар-и Шадман Хамза-султану и Махди-султану, Фергану — Джамшобек-султану, Бухару и подвластные ей районы Убайдаллах-султану, а Хорезм — Пулад-султану, сыну Мухаммад Тимур-султана (с. 3—5).

Глава четвертая: «Упоминание обстоятельств, вызвавших священную войну (*джиздат*) против казахов» (с. 61—64). Здесь содержатся заслуживающие внимания сведения о происхождении и составе узбеков и казахов, об их расселении, о границах узбекского улуса, простиравшихся на севере до Ледовитого океана, на юге — до Туркестана, на западе — до Дербента, на юго-западе — до Хорезма и Астрабада (с. 62). Ценны также сведения автора о нравах и обычаях этих народов, находившихся в те времена в постоянной вражде и в состоянии войны между собой и даже продававших в рабство захваченных в плен своих же соплеменников (с. 62).

Глава двенадцать первая: «Рассказ о местонахождении стран Туркестана и улуса (*дидар*) казахов» (с. 92—94). Глава содержит сведения о Дашт-и кипчаке, вернее восточной его части, западная граница которого простиралась до реки Итиль (Волга), а восточная проходила по озеру Балхаш. Рузбехан со слов самого Шейбани-хана, хорошо знавшего эту территорию, сообщает, что протяженность Дашт-и кипчака (в его восточной части, являющейся местом кочевий и зимовок узбеков и казахов), составляет 600 фарсахов; отмечает обилие травы, большое количество деревьев, особенно белых тополя (*даракт-и хаданг*), использовавшихся для изготовления телег (*арабах*), остовов юрт (*гарбух*), предметов домашнего обихода и стрел (*тир-и гаданг*) (с. 93). Заслуживает внимания сообщение Рузбехана о существовании в узбекском улусе ханской и султанской собственности на землю (с. 94).

Глава двенадцать третья: «Рассказ о причинах раздора и распри Бурундук-хана с его величеством, заместителем аллаха [Шейбани-ханом]» (с. 96—102)²². В ней на основе официальной хроники Шейбанидов («Тарих-и хумаюн») повествуется о феодальной междоусобице, возникшей сразу после смерти Абу-л-Хайр-хана, основателя государства кочевых узбеков, и продолжавшейся до начала XVI в. Наибольший интерес представляют здесь сведения историка о причинах частых набегов кочевников Дашт-и кипчака на оседлые районы Мавераннахра. По свидетельству Рузбехана, в значительной степени в этом были повинны и правители Мавераннахра, в данном случае Шейбани-хан, запретивший купцам Мавераннахра и Хорезма совершать всякие торговые сделки с жителями Дашт-и кипчака, тогда как кочевники остро нуждались в одежде (*либас*, *жама*), саване (*кофан*) и других товарах, производимых в Средней Азии (с. 101).

Глава двенадцать пятая: «Упоминание о том, что стало известно о верованиях и поступках казахов и объявление фетвы о войне с ними» (с. 104—108). Здесь содержатся многочисленные фактические данные о быте и нравах казахов XV—XVI вв. По словам Рузбехана, у казахов, которые тоже были мусульманами и читали Коран, еще были сильны некоторые пережитки язычества: поклонение солнцу, некоему истука-

²² Здесь и далее цит. по изданию Р. П. Джалиловой.

ну сан'ами, использование магического камня *бада*, продажа в рабство пленных мусульман (с. 105, 106, 108). Известно, что эти пережитки были свойственны и узбекам Шейбани-хана (например, применение камня *бада*). Кроме того, в политическом союзе узбекских племен были и идолопоклонники, которым Шейбани-хан во время столкновений из камыша и циновки временные капища (*агаш-хам*) (с. 190). Следовательно, приписываемые казахам некоторые пережитки язычества и обвинение их в вероотступничестве были необходимы Шейбани-хану и феодальной знати Мавераннахра для того, чтобы оправдать этот грабительский поход.

Глава двадцать девятая: «Рассказ о прибытии его величества, наместника алаха в центр страны казахов, в юрту Кара-Абдал, и отправление султанов для набега в вилайет Джаниш-султана» (с. 120—122). Здесь мы находим важные сведения о быте казахов: о расположении их на зимовье (с. 205—210), о способах передвижения, об их родовом строе и др. Весьма интересны сведения автора об их жилищах, поставленных на колеса (с. 213, 222, 238 и др.). Важны также приводимые здесь факты, указывающие на значение военной добычи в условиях феодального общества.

Ценны также сведения, приведенные в сочинении, о войске Шейбани-хана: составе, порядке обеспечения его фуражом и провантом (с. 91—92, 122—123, 216—217). Судя по этим сведениям, войско кочевых узбеков состояло из пеших и конных воинов. Были и специальные подразделения, в которые входили только узбеки (с. 89). Войско, за исключением специальных охранных частей, набиравшихся из *ачкеш* и *чхдро* и называемых ханскими войсками (*асосар-и лассэ*), которые содержались на жалованье (*ханлыг*), выдаваемом в основном из ханской доли добычи и различных подношений (*пашкем*), было нерегулярным.

Большую ценность представляют также сведения «Михман-наме» о городах-крепостях, расположенных по среднему течению реки Сыр-дарья: Аркуке (с. 76—79, 88—90), Уагенде (с. 81, 111, 175), Сыгнаке (с. 116—118) и Кок-кашанэ — некрополе узбекских ханов, находившемся недалеко от Сыгнака (с. 118), Пассы (Туркестан), различных названиях Сырдарьи (Аб-и Ходжент, Сыр) и Амударьи (Аб-и Амуя, Нахр-и Балх) (с. 73—74, 102, 111, 162). Здесь же дается описание Чуд-и намаксара, расположенного между Бухарой и Аркуком (с. 242—271), степей Бурдальма (с. 162—163) и построек, возведенных в городах Пассе, Сыгнаке, Самарканде, Карши и Тусе во времена Шейбани-хана (с. 201, 260—261, 283—294, 318—321, 351—352, 291—293).

В изучении церемониала, существовавшего при дворе узбекских ханов, немаловажное значение имеет и повествование о торжественном приеме, устроенном Шейбани-ханом в Кан-и гиле после возвращения из похода против казахов (с. 153—154).

Этим и другим сведениям, содержащимся в «Михман-наме-йи Бухара», отводится большая роль в исследовании истории народов Средней Азии и Казахстана, в первую очередь экономическим и политическим взаимоотношениям, существовавшим между кочевыми и оседлыми народами Мавераннахра в начале XVI в.

«Михман-наме-ли Бухара» представлен только двумя списками, хранящимися ныне в ИВ АН УзССР (инв. № 1414; автограф) и в библиотеке «Нури Османайе» в Турции (инв. № 3431; копия преддуплированного). Иранский ориенталист Минучехр Сетузе в 1341/1962 г. осуществил ее издание с исследованием самого памятника и с соответствующими указателями на основе списка библиотеки «Нури Османайе» (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Выборочный перевод сочинения на русский язык (на основе списка ИВ АН УзССР) выполнен Р. П. Джалиловой и издан с обстоятельным введением, комментариями и указателями в 1976 г. (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

ЗУБДАТ АЛ-АСАР

(сливки летописей)

Всеобщая история на староузбекском языке; охватывает историю мусульманских стран от «вторжения» мира до 931/1525 г.; составлена после 931/1525 г. по поручению ташкентского правителя Шейбанидов Султан Мухаммада, сына Суфийч-ходжа-хана, известного по имени Кельди Мухаммад (ум. 2 шаввала 931/23 июля 1525 г.).

Автор сочинения Абдаллах ибн Мухаммад ибн 'Али Насраллахи, о котором мы располагаем весьма скудными данными. Судя по сведениям, кои содержатся в самом труде историка, он был одним из высокообразованных людей Балха и в 90-е годы XV в. находился на службе у Тимурида Бади' аз-Замана-мирза — правителя Балхского улуса Тимуридов. Когда Шейбани-хан весной 911/июне — июле 1505 г. повел войска на Балх и переправился через Амударью, Султан Кулинджак — заместитель Бади' аз-Замана в Балхе (последний находился в то время в Мургабе и был занят сбором войска для организации отпора кочевым узбекам), направил его в Герат к Султан Хусайну с извещением о вторжении неприятеля и просьбой о срочной помощи. О своей поездке в Герат и о ее результатах, да и вообще о последующих событиях, связанных с организацией отпора Шейбани-хану, автор рассказывает следующее: «Сего бедного и нуждающегося — автора этой книги, правитель Балха отправил к Султан Хусайну-мирзе с известием о выступлении Шахбахт-хана на Балх и об отсутствии в городе запасов [продовольствия, фуража и оружия]. Сей ничтожный за четыре дня добрался до Герата и сообщил [султану] о выступлении Шахбахт-хана на Балх. Ответ [султана] был таков: «Дожидаясь своих последние дни, тем не менее поеду в Балх и встречу с Шахбахт-ханом; что предначертано судьбой, того не миновать». И в тот же час, установив до Балха двадцать одну остановку и направив [во все области] галаджики²⁰ для сбора войска, [султан] выступил в сторону Балха. Когда, миновав семь перевалов, доехал до [местности] Баба Аллаха, его благородное естество подверглось тяжкому недугу и спусти шестнадцать дней птица его души покинула клетку тела и улетела в высший мир. Находящиеся в его ставке (*урду*) Бади' аз-Заман-мирза и Музаффар [Хусайн]-мирза сообщив с беками доставили тело [Султану

²⁰ Галаджики — военный чин, в обязанности которого вменяется и сбор войска.

на] Хусайна-миран в Герат и занялись устройством дела [государства]. И сей бедный и нижайший, как бы ни напомнил им о [тяжелом] положении Балха, они были настолько бесчестны, что не проявляли [к его словам] никакого внимания. Более того, не отпустили обратно и сего раба. Тем временем Шахбахт-хан осадил Балх и спусти четыре месяца народ Балха оказался в крайнем затруднении. Правитель города отправился к [Мухаммад] Тимур-султану и, получив [через него] заверение хана о пощаде, подчинил ему крепость» (л. 208б — 209а).

Из приведенного отрывка видно, что 'Абдаллах Насраллахи до взятия Шейбани-ханом Герата (11 мухаррама 913/23 мая 1507 г.) находился в ставке Бада' аз-Замана. По свидетельству Хондемюра многие тимуридские сановники и даже те, кто с приближением кочевых узбеков к Герату бежал в окрестные горы, после падения столицы явились в город и поступали в услужение к Шейбани-хану⁶¹. По-видимому, среди них был и наш автор. Судя по тому, насколько подробно описаны в «Зубдат ал-асар» жизнь предводителя кочевых узбеков (с 913/1507 по 916/1510 гг.), в частности, его взаимоотношения со своими родичами Кучкунджи-ханом, Убайдаллах-султаном, Хамза-султаном и Махли-султаном, а также осада Мерва кизылбашским войском (л. 215а—216б), все эти годы он находился в ставке Шейбани-хана, после гибели которого, вместе с Мухаммад Тимур-султаном, прибыл в Самарканд, затем, после вторжения в Мавераннахр Бабур и кизылбашских войск (в 917/1511 г.) вместе со всеми шейбанидскими султанами уехал в Туркестан и остался в Ташкенте при Суфунч-ходже. Дальнейшая судьба автора хорошо известна — он находился на службе у младшего сына Суфунч-ходжи Султан Мухаммада, правившего при жизни отца областью Шахрудайн (ум. в 940/1533 г.), по поручению которого и составил настоящее сочинение (л. 33а, 116а, б, 208б—209б, 231б).

Данный труд 'Абдаллаха Насраллахи составлен по типу всеобщей истории в кратком изложении и, за исключением последней части одиннадцатого раздела (фасл), носит компилятивный характер.

Списки «Зубдат ал-асар» очень редки, к тому же неполные. Например, список ЛО ИВ АН СССР (инв. № Д. 104, 132 л.) включает лишь 10—11-ю части труда, где излагается история тюрко-монгольских народов начиная от легендарного прародителя тюрков Пафаса ибн Нуха до Суюргатмыша и Султан Махмуда — номинальных правителей Чагатайского улуса (ч. 10), описываются годы правления Тимура и его потомков в Мавераннахре и Хорасане до завоевания страны Шейбани-ханом и кочевыми узбеками. Несколько подробнее в нем изложены политические события в Мавераннахре и Хорасане при первых Шейбанидах вплоть до 1525 г. (ч. 11)⁶². Ленинградский список имеет одно существенное преимущество перед списком ИВ АН УзССР: в нем более подробно излагаются следующие события: борьба между Бабуrom (в союзе с кизылбашами) и Шейбанидами

⁶¹ *Зубдат ал-асар*, т. III, ч. 3, с. 359.

⁶² Описание тюркских рукописей, т. I, с. 25—26. В частном письме от 1 января 1966 г. В. Ф. Минорский (Англия) писал нам, что в Лондоне имеется еще один хорошо сохранившийся список этого труда, микрофильм которого он выслал в ИВ АН УзССР. К сожалению, найти этот микрофильм нам не удалось.

(Убайдаллах-ханом, Суфунч-ходжа-ханом, Кучкувджи-ханом, Джанибек-султаном, Тимур-султаном и др.) за Мавераннахр и Ташкент (917—918/1511—1512 гг.); борьба за Фергану между Суфунч-ходжа-ханом и Султан Са'ид-ханом (918/1513—920/1514 гг.) и завоевание кочевыми узбеками Ферганы; три похода Шейбанидов на Хорасан в 920/1514—931/1524—1525 гг.; завоевание кочевыми узбеками Балха и прилегающих к нему районов (926/1520 г.); борьба между Шейбанидами и казахскими султанами (Касим-ханом) за присырдарьинские города в 919/1513 и в последующие годы (рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № Д. 104, л. 95а—96а и след.). Содержащиеся в нем сведения настолько точны, что свидетельствуют о полной осведомленности автора о происходивших в те годы событиях. Список ИВ АН УзССР по сравнению с предыдущим несколько полнее и содержит 8, 9, 10 и 11-ю части сочинения, где на основе трудов Мукаддасы (946—ок. 1000), Табари (838—923), Джувейни (1226—1283), Рашид ад-Дина (1247—1318), Хамдаллаха Казвини (род. ок. 1281 г.), Шараф ад-Дина 'Али Йезди (ум. в 1454 г.), 'Абд ар-Разиака Самарканди (1413—1482), Мирхонда (1433—1498) и других повествуется история 'Аббасидов (ч. 8, л. 1а—32б); история местных династий, правивших в Иране и Средней Азии при 'Аббасидах и после них (ч. 9, л. 32б—84а); история тюрко-монгольских народов, начиная от Пафаса ибн Нуха и кончая потомками Чингиз-хана, правившими в собственно Монголии, Дашт-и кичаке, Иране и Средней Азии (ч. 10, л. 84а—115а); история Тимура, Тимуридов и сменивших их Шейбанидов (ч. 11, л. 115а—217б). Однако повествование здесь прерывается историей поражения Бабура и князькибашей в Гиждуване в 918/1512 г. от объединенных сил Шейбанидов. К тому же листы в нем перепутаны, что делает его неудобноиспользуемым.

Словом, сведения, приведенные 'Абдаллахом Насраллахи в последней части своего труда, где повествуется о событиях первой четверти XVI в., о которых он говорит как современник и, отчасти, участник событий⁴⁰, являются ценными и оригинальными.

Большую значимость для исследователей представляет еще одно сообщение автора «Зубдат ал-асар»: среди источников историк в трех местах упоминает о доселе неизвестном сочинении под названием «Тарих-и хани», которым он пользовался при изложении истории Чингиз-хана и его преемников, Тимура и Тимуридов. В самом начале повествования он пишет: «В Джамии' ат-таварих» сказано: «Тарих-и хани», где рассказ о Чингиз-хане изложен в переводе с уйгурского языка, был укорочен именем Улугбека-мирама» (л. 86а). Как видно, под этим названием здесь впервые упоминается аб историческом труде Улугбека. В этом отношении заслуживает внимания следующее свидетельство анонимного автора «Таварих-и гузде, нуерат-наме», также пользовавшегося этим источником — «Тарих-и хани». «Этому бедному и ничтожному вопрошателю было приказано, чтобы [он] перевел на тюркский язык и привел в [соответствующий] порядок «Тарих-и джаланкушай», посвященный Менгу-хану, сыну Тулуй-хана, «Таварих-и гузиде», посвященный дочери падишаха мусульман Газан-хана, и «Мунтахаб-и джами' ат-таварих», составленный от имени

⁴⁰ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (летом 1902), с. 134.

Улугбека-мираш⁶⁴. Не идет ли здесь речь об известном историческом труде Улугбека «Тарих-и арба' улус» (иначе «Улус-и арба'-и Чингиз») ⁶⁵? Из двух других сообщений автора «Зубдат ал-асар» вывleяется содержащее «Тарих-и хани», его общее название и, что самое главное, имя одного из его составителей. Приведем эти выдержки полностью: «Тарих-и хани», которым в его (Гази-хана, — Б. А.) время руководствовался правский *дывадар* (везир, — Б. А.), был обнаружен в 701/1301—1302 г. (л. 106б). В их числе (использованных автором «Зубдат ал-асар» источников, — Б. А.) «Тарих-и хани», составленный уйгурами (*бахми*) уйгурским письмом и на уйгурском языке. [Это] сочинение о страстях и возбуждениях (о войнах, — Б. А.), написанное совершенством в образованности и составляющимся в знаниях шейхом Махмудом Занги Аджамом» (л. 106а). Можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с официальной династической историей-хроникой повседневных событий, происходивших во времена правления Чингиз-хана. Высказывания ученых о том, что многие исторические сочинения прошлого имеют под собой документальную основу⁶⁶ — безосновательны.

«Зубдат ал-асар» требует своего дальнейшего изучения. За исключением небольшого фрагмента, опубликованного в переводе на русский язык в сборнике «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.» (с. 133—134), он до сих пор не издавался.

ХАБИБ АС-СИЯР

(ДРУГ ИМЕННООПИСАНИЙ)

Труд по всеобщей истории мусульманского мира. Автор сочинения Гийас ад-Дин Мухаммад ибн ходжа Джалал ад-Дин Мухаммад ибн ходжа Бурхан ад-Дин, прозванный благодаря своей начитанности и образованности Хондемиром; родился ок. 880/1475—1476 г. в Герате. Отец его, ходжа Хуман ад-Дин в одно время был везирем Тимурида Султана Махмуда-мираша, сына султана Абу Са'ида, правителя (в 863/1459—900/1494—1495 гг.) довольно обширного феодального удельного владения, включившего в себя Чаганиан, Хисар, Хутталан, Кундуз, Балхан, Бадахшан. По линии матери Хондемир был внуком известного ученого-историка Мирхонда (837/1433—1434—903/1497—1498), современника Алишера Навои.

Судя по дошедшим до нас многочисленным и весьма ценным трудам ученого⁶⁷, Хондемир был одаренным и высокообразованным человеком своего времени. Особенно преуспевал он в таких областях на-

⁶⁴ Тахарит-и гузган, икрат-наме. Изд-е А. М. Акрамова, крат. текст, с. II, введение, с. 21.

⁶⁵ Об этом труде подробно см.: Ахмедов Б. А. Улугбек и его исторический труд «Тарих-и арба улус». — В сб.: Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1978, с. 25—26.

⁶⁶ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (летом 1902 г.), с. 188; Якубовский А. Ю. Тимур (Опыт краткой политической характеристики). — Вопросы истории, 1942, № 8—9, с. 42; Петрушевский Н. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд. — В кн.: Рашид ад-Дин. Сборник статей, т. I, кн. I, М.—Л., 1932, с. 25—26.

⁶⁷ Подробно о них см.: Ахмедов Б. А. Хондемир. Ташкент, 1965.

ужа, как литература, статистика (инша) и история. В формировании личности ученого и в его плодотворной научной деятельности большую роль сыграл везир-меценат Алишер Навои, под чьим покровительством Хондемир создал капитальные труды по истории народов Востока. Трудно установить, в каком именно году он поступил на службу к Навои, но заслуживает внимания свидетельство самого Навои, сказанное о Хондемире в «Маджалис ан-нафа'ис». «Маулана Хондемир, — говорит Навои, — потомок Мирзонда и талантливый юноша. Большие способности проявил он в исторической науке. Нижеследующую муамма он сочинил под прозвищем «Наки»⁶⁸. Известно, что «Маджалис ан-нафа'ис» написан в 896/1490—1491 г., откуда следует, что вступление Хондемира в услужение к Навои случилось задолго до начала 90-х гг. XV века. Из сведений, приведенных Хондемиром о себе, можно заключить, что он попал к Навои еще будучи молодым человеком; работал сначала библиотекарем в его богатейшей библиотеке, а с 904/1498—1499 г. был ее заведующим⁶⁹.

После смерти Навои (12 джумада II 906/3 января 1501 г.) Хондемир, вследствие усилившихся феодальных междоусобиц и дворцовых интриг, покинул Герат и уехал в Балх, где поступил на службу к Бади' аз-Заману; стал его личным секретарем и выполнял важнейшие дипломатические поручения. Так, с предложением Бади' аз-Замана объединиться для общей борьбы против Шейбани-хана, в 909/1503—1504 г. он ездил с миссией в Кундуз к небезызвестному Хосроу-шаху и Султан Хусайну, а в 912/1506—1507 г. в Кандагар к Шуджах-бек аргуну (т. III, ч. 3, с. 317, 356, 358).

После завоевания Герата Шейбани-ханом и бегства Бади' аз-Замана в Музаффар Хусайна-мирза Хондемир, как устанавливается из дальнейших событий (например, борьба Бабура за власть в Мавераннахре при вооруженной поддержке Сефевидов), поступил в услужение к Бабуру. Достоверные сведения об этом содержатся в двух местах «Хабиб ас-сиыр». В одном месте говорится, что когда Бабур, разбив Шейбанидов Хамза-султана и Махди-султана у Пул-и сангина (917/1511 г.), завладел Хисаром, оттуда его, т. е. Хондемира, направил с посланцем к шаху Исма'илу, в котором просил оказать ему дополнительную помощь в борьбе за Мавераннахр, а взамен обещал упомянуть его в хутбе и выбить монету с его именем (т. III, ч. 3, с. 66). Из другого рассказа мы узнаем, что Хондемир был вместе с Бабуром в Самарканде после установления здесь последним своей власти. После поражения Бабура в знаменитой битве у Кул-и Маликка (в нач. 918/марте 1512), именней место между Бабуром и шейбанидскими султанами, он, вместе с Бабуром, бежал в Хисар-и шадман (т. III, ч. 4, с. 66—67). По-видимому, еще несколько месяцев, по крайней мере до разгрома кочевыми узбеками Наджми-сана и Бабура около Гилдувана (3 рамазана 918/12 ноября 1512 г.), Хондемир находился при Бабуре и, после окончательного бегства последнего за пределы Мавераннахра, удалился в Гарчиставскую деревню Пашт и жил там до появления в 920/1514 г. Мухаммад Замана, сына Бади' аз-Замана, и занимался своими научными делами.

⁶⁸ Навои А. Маджалис ан-нафа'ис. Соч. т. 12, с. 125—126 (4-й маджлис).

⁶⁹ Худоят аз-забар, рук. ИВ АН УССР, инв. № 2209, л. 26. Ср.: Макарян а.-а. Ганзевт, 1967, с. 62.

В 920/1514—923/1517 гг. Хондемир в качестве личного секретаря находился при Мухаммаде Замане, отчаянно борозшемся при поддержке кочевых и полукочевых племен Гарчистана, Дерезега и Гуризиана (тулкахи, сайкачи, самти, айлах и др.) за верховную власть в Балхском уезде (т. III, ч. 3, с. 369, 374). После разгрома Мухаммад Замана кизилбашским войском, посланным в Гарчистан сефевидским наместником в Хорасане Амир-ханом джабалиш под начальством Ибрахим-султана Моголи и Ахмад-султана афшара, Хондемир, отбившись от Муаммад Замана, остался в Гарчистане и продолжал свои научные занятия (т. III, ч. 3, с. 373).

Сколько длилось его дальнейшее пребывание в Гарчистане мы точно не знаем. Однако после смещения Амир-хана и назидания правителями Хорасана Сам-мирзы и Дурниш-хана (граджаб 927/июнь 1521) Хондемир вновь переехал в Герат и до 933/1527 г. жил здесь под покровительством везира Хабибаллаха Саведжи, которому впоследствии посвятил свой главный исторический труд «Хабиб ас-сияр». В Герате он продолжал работу над данным сочинением.

После смерти шала Исма'ила (930/1524) на его место вступил его десятилетний сын Тахмасп I (930/1524—984/1576), оказавшийся игрушкой в руках враждующей между собой кизилбашской кочевой знати, к этому же времени началась междоусобная борьба за власть между племенами джадид и устуджид; в некоторых областях Ирана возстал местная иранская знать. Под воздействием всего этого Хондемир в шаввале 933/июле 1527 г. навсегда покинул Герат; зиму 934/1527—1528 г. он провел в Кандагаре, а 3 мухаррама 935/17 сентября 1528 г. прибыл к Бабуру в Индию и вступил к нему в услужение. После смерти последнего он остался с Хумаювом (937/1530—947/1540; исторично 962/1555—963/1556), принимал участие (по-видимому, в качестве его личного секретаря) в его походе на Бурханпур (Гуджарат). Умер Хондемир в 941/1534—1535 г. и, согласно его завещанию, похоронен в Дели на мазаре Низам ад-Дина аулия рядом со знаменитым поэтом Хосровом Дехлеви.

Хондемир был плодовитым ученым, оставившим после себя около десяти научных трудов, посвященных истории и культурной жизни народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Большую ценность для освещения истории Средней Азии конца XV — первой четверти XVI в. представляет его «Хабиб ас-сияр фи ахбар ва-л-афрад ал-башар» («Друг жизнеописаний в известиях об отдельных людях»), написанный в 927/1521—930/1524 гг. (ученый работал над ним и в последующие годы, окончательно завершив его в Индии в 935/1529 г.)²⁰.

«Хабиб ас-сияр» по своей композиции относится к числу сочинений по всеобщей истории и состоит из предисловия (*ифтитах*), заключения (*ихтилям*) и трех больших томов (*муджаллад*), каждый из коих, в свою очередь, разбит на четыре части (*джуз*). Первые два тома и первые две части третьего тома, посвященные истории ханов Туркестана, Чингиз-хану и его потомкам, Мамлюкам Египта, каракитаям Кирмана, Музаффаридам, атабекам Ларистана, правителям Рустандара и Мазандарана, а также сарбадарам Хорасана и государям из династии Картов, комбинативны и самостоятельного значения не имеют.

²⁰ Об этом подробно см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Хондемир и «Занки Бабура», с. 237—238.

Оригинальными являются третья и четвертая части третьего тома «Хабиб ас-сияр» (события в нем доведены до месяца раби' I 930/января 1524 г.). Здесь на основе большого количества фактического материала весьма подробно и обстоятельно описаны уславившиеся с 90-х гг. XV в. межфеодальная борьба и династические распри между Тимурадами в Мавераннахре и Хорасане, приведшие, в конечном итоге, к падению государства Тимуридов и завоеванию страны кочевными узбеками во главе с Шейбани-ханом и тюркскими племенами, известными в истории под названием «кызылбаш», возглавляемыми шахом Исмаилом Сефери (т. III, ч. 3, с. 192—373; ч. 4, с. 54—98).

Автор в силу своего социального положения и классовой ограниченности специально не останавливался на положении трудящихся масс, находившихся под тяжким гнетом феодалов. Тем не менее в труде встречаются отдельные, заслуживающие внимания факты, свидетельствующие о трудном положении народных масс, на плечи которых помимо феодальной эксплуатации ложилась вся тяжесть межфеодальных войн и усобиц. Об этом весьма подробно повествуется автором в рассказе об осаде Самарканда Шейбани-ханом в 903/1498 и 906/1500—1501 гг., когда обобранным и голодающим население города вынуждено было питаться мясом кошек и собак (т. III, ч. 3, с. 291—292, 309—316), о пленении и поголовном избиении и ограблении населения Хузара и Карши кызылбашским войском в 918/1512 г., о страшном голоде, охватившем Хорасан в 919—920/1513—1514 гг. (т. III, ч. 4, с. 69, 81—82).

Помимо сугубо исторического, сочинение Хондемира изобилует богатым этнографическим материалом (о расселении, роли и месте в общественно-политической жизни страны племен *арсу*, *барлас*, *кыпча*, *джалаир*, *комурат*, *дзара-микроби*, *аймак*, *тулкачи*, *сайланги* и др.), сведениями социально-экономического характера (о роли и месте *тарлагов* и владельцев *сюрмальных* земель в жизни общества, о налогах и многочисленных феодальных повинностях) и о государственном устройстве Тимуридского государства (об устройстве центрального государственного аппарата, о чинах и званиях и др.). Немаловажный интерес представляют также сведения о культурной жизни Хорасана последней четверти XV—начала XVI в., изложенные автором в конце третьей части третьего тома «Хабиб ас-сияр» (т. III, ч. 3, с. 334—351). Эти и другие сведения, содержащиеся в заключении (*хатима*) другого его исторического сочинения, где повествуется о жизни и деятельности ученых, поэтов, музыкантов, каллиграфов и др., могут быть полезны историкам, литературоведам, лингвистам и искусствоведам²¹.

Словом, труд Хондемира предоставляет в распоряжение исследователей богатейший фактический материал о социально-политическом и, отчасти, экономическом положении Средней Азии и сопредельных с нею стран Востока конца XV — первой половины XVI в.

Списки «Хабиб ас-сияр» весьма многочисленны и ими располагают почти все крупные рукописохранилища мира²².

Подробность и обстоятельность изложения событий, обилие разнообразного фактического материала позволяют отнести труд Хондемира в разряд первоклассных сочинений средневековой мусульманской

²¹ Хузасат аз-забар, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2208, л. 4795—4796.

²² О них подробно см.: Стерн, Персидская литература, ч. I, с. 384—389.

историографии. Данное сочинение привлекает внимание ориенталистов всего мира с самого начала прошлого века, однако полного его перевода на какой-либо европейский язык пока еще нет. Имеются лишь отдельные извлечения из текста в переводе на французский, английский, русский и староузбекский языки¹². Мы пользовались двумя поздними изданиями сочинения ученого: изданием Мирзы Мухаммада Али Ширази (Бомбей, 1273/1857) и Джалал ад-Дина Хумая (Тегеран, 1333/1954), но оба они далеки от совершенства — не отвечают требованиям современной текстологии, поэтому вряд ли можно назвать их научно-критическими.

ТАРИХ-И АБУ-Л-ХАЙР-ХАНИ

(АБУ-Л-ХАЙР-ХАНОВА ИСТОРИЯ)

Сочинение по всеобщей истории; повествует, в самом кратком изложении об истории Востока, в основном восточной части халифата, с древнейших времен до конца 60-х гг. XV в.¹³ Большая его часть, посвященная деяниям доисламских пророков (л. 7а—136), пророка Мухаммада (л. 136—18а), правоверных халифов (л. 18а—296), Омейядов (л. 296—306), Аббасидов (л. 31а—416), правивших в Иране и Средней Азии династиям: Саффаридов, Саманидов, Газневидов (л. 92а—1036), Сельджукидов (л. 1036—1306), Чингиз-хану и его потомкам (л. 1316—178а), Джалаиридов (л. 178а—182а), Джучидов (л. 184а—1856), великим монгольским каванов (л. 1856—198а), Чагатаю и его потомкам (л. 188а—192а), Тимуру и Тимуридам до Султан Хусайна (л. 192а—2096), компилятивна и написана на основе сочинений Джузджани, Бенакетя, Джувейни, Шараф ад-Дина 'Али Пезда и других историков. Оригинальна лишь его заключительная часть (л. 209а—240а), где подробно излагается история кочевых узбеков, Абу-л-Хайр-хана (род. в 816/1413 — ум. в 873/1468—1469 г.) и основанного им государства на территории бывшего улуса Шейбани, распространившего впоследствии свою власть на восточную часть Дашт-и кипчака. Написано на основе материалов не дошедшей до нас династийной хроники Шейбанидов и рассказов очевидцев — сподвижников Абу-л-Хайр-хана, в первую очередь его сына Суйунч-ходжи, весьма подробно осведомленного об истории правления своего отца и его завоевательных походах¹⁴. Здесь же, в конце труда, приводятся краткие сведения о царствовавших в Самарканде, Туркестане и Хорасане потомках Абу-л-Хайр-хана (о Мухаммаде Шейбани, Суйунч-ходже, Кучкундиз-хане, Абу Са'иде, 'Абд ал-Латифе и 'Абдаллахе I), описывается генеалогия Абу-л-Хайр-хана и перечисляются имена наиболее отличившихся его эмиров. «После этого, — пишет автор в заключении, — двуязычное перо с милостью аллаха возьмется за повествование обстоятельств и деяний падишаха мира Мухаммада Шейба-

¹² Там же, с. 389—393.

¹³ Мы пользовались хорошо озаглавленным списком этого труда (с 34 миниатюрами), хранящимся в собрании ИВ АН УзССР под инв. № 9989 (краткое описание его см.: СВР АН УзССР, т. V, с. 36—41) и ЛГУ, инв. № 272 (описание его см.: Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей библиотеки ЛГУ, I, с. 134).

¹⁴ См., например, рассказ о разделе каппы Хорасана после его завоевания в 835/1431—1432 г. (л. 2136).

ня-хана» (л. 240а). Однако осуществить свой замысел ему не удалось, по-видимому, у него на это не хватало жизни.

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» написан в самом начале правления Шейбанида 'Абд ал-Латифа, сына вышеупомянутого Суфунч-ходжи, правителя Самарканда (947/1540—959/1552), по его поручению (л. 5а) Мас'удом ибн Усмани Кухистани.

Подробных сведений о жизни и деятельности Мас'уда ибн Усмана Кухистани, кроме тех отрывочных данных, приведенных им самим в своем сочинении, нет. На том месте, где рассказывается о взятии Абу-л-Хайр-ханом и кочевыми узбеками Хорезма и его столицы Ургенча в 835/1431—1432 г. (л. 217б), он говорит, что был секретарем сына Абу-л-Хайр-хана Суфунч-ходжи, а после его смерти, заключившейся в шаввале 931/июле — августе 1525 г., служил при дворе его сына 'Абд ал-Латифа. Вот, пожалуй, и все, чем мы о нем располагаем.

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» представлен во многих списках⁷⁶; написан вычурным цветистым языком и изобилует стихами. От начала до конца он пронизан духом идеологии господствующей феодально-кочевой аристократии. Автор восхваляет мудрость, прозорливость, щедрость и отвагу Абу-л-Хайра, рассказывает о жизни окружающих его людей. Несмотря на это, в сочинении заключен ценный фактический материал о жизни кочевников, характере государства кочевых узбеков и межфеодальной борьбе, основная тяжесть которой ложилась на плечи трудящихся масс. Подробно освещая историю восточной части Дашт-и кипчака и Средней Азии XV в., сочинение Мас'уда ибн Усмана Кухистани раскрывает и пред историю образования государства Шейбанидов, служит важнейшим источником для изучения этнического состава узбеков, казахов и других тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии.

Настоящий труд Мас'уда ибн Усмана Кухистани изучен слабо; не издав. Такие ученые, как В. В. Бартольд, П. П. Иванов, А. А. Семенов, С. К. Ибрагимов, Б. А. Ахмедов и другие частично использовали его в своих работах (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Наибольшую ценность представляют следующие сведения «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани»: о взаимоотношениях кочевых узбеков с Тимуридами в середине XV в., т. е. вооруженное вмешательство первых в междоусобную борьбу Тимуридов; султана Абу Са'ида, Мухаммада Джуки, Султана Хусайна и др. (л. 216а—218а, 220б—221а, 221а—231а, 234а—239а и др.)⁷⁷, что и послужило предосмылкой для последующего завоевания кочевыми узбеками Маврашвахра и Хорасана в самом начале XVI в., о тюрко-монгольских племенах (сведения разбросаны по всему труду), кочевавших в восточной части Дашт-и кипчака и составивших впоследствии один из важных компонентов при образовании узбекского народа.

В процессе тщательного изучения «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» нам удалось установить названия около 30 племен, образовавшихся в XV в. политический союз кочевых узбеков, а именно: *бургут*, *джат*,

⁷⁶ Краткий обзор основных списков труда см.: Стара. Переводная литература, ч. I, с. 287—288; Ахмедов В. А. «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» как источник по истории кочевых узбеков, с. 144; Он же. Государство кочевых узбеков, с. 28.

⁷⁷ Об этом подробно см.: Ахмедов В. А. Из истории взаимоотношений кочевых узбеков с Тимуридами, с. 79—93; Он же. Государство кочевых узбеков, с. 109—148.

дурман, пиджак, баксоджар, каапбайлы, карларк, кенегес, кыт, кон-сульт, кошчи, кудасай, курларт, мамонт, масит, мулудж, найман, ну-кус, таймас, гангут, тубайлы, турман-манг, уйгур, уйшан, утарчи, чам-бай и др.

Большое значение, на наш взгляд, имеют сведения автора «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» о военном строе кочевых узбеков, в частности о левом (*джавангар*) и правом (*барангар*) крыле узбекского войска. Согласно этим сведениям, основу левого крыла составляли племена *баркыт, дурман, пиджак, кенегес, кыт, консульт, кошчи, курларт, масит, тубайлы, ушум, а правого — каапбайлы, кудасай, мамонт, мулудж, найман, уйгур* и *чямбай* (л. 215б, 225а).

ТАРИХ-И РАШИДИ

(РАШИДОВА ЛЕТОПИСЬ)

Наиболее ценный памятник среднеазиатской историографии XVI в.; сочинение историко-мемуарного характера. Содержит важные сведения по истории Восточного Туркестана (Кашгара), Средней Азии и Казахстана, а также сопредельных стран: Афганистана и Северной Индии с середины XIV — до начала 40-х гг. XVI в. Написано в Кашмире в 948/1541—1542—952/1545 гг.

Автор сочинения Мирза Мухаммад Хайдар происходил из отрокового монгольского рода *доглаг* (монг. *доглаг* — «хроной»). По родовой традиции его предки: Уртубу, Пуладчи, Худайлад, Саид Ахмад, Саид 'Али, Саисиз ирза и дед автора Мухаммад Хайдар занимали видное положение (должности улус-беги и правителя Кашгара) в Моголистане и Кашгаре¹². Некоторые представители этого рода служили при Тимуре и Тимуридах. Например, эмир Давуд, породнившийся в свое время с Тимуром (он был женат на его сестре Кутлуг Туркан-ага), был даругой Самарканда; эмир Кутб ал-Дин, брат небезызвестного временщика в Моголистане в 1368—1390 гг. Камар ал-Дина (оба — родные братья эмира Пуладчи) также состоял в услужении у Тимура и вместе с ним участвовал в военном походе на Месопотамию и при осаде крепости Текрит (1393—1394 гг.), известный эмир Худайлад, сын Пуладчи (ум. ок. 1360—1362 гг.), в 828/1425 г. около Нарына (в Семиречье) перешел со своим отрядом на сторону Улугбека и некоторое время служил при нем¹³. Дед историка (Мухаммад Хайдар) в 869/1465—885/1480 гг. правил Кашгаром и был изгнан Чагатайном Абубакром (885/1480—920/1514), сыном Саисиза-мирзы; бежал в Ак-су, затем поднял восстание против Пунус-хана (896/1462—892/1487), но вскоре оба помирились и Пунус в 1483 или же годом позже назначил его правителем Оша. Однако вскоре его оттуда удалил Омар-Шейх и тогда Мухаммад Хайдар отправился в Кашгар; был пленен Абубакром и отправлен в Бадахшан. Из Бадахшана он перебрался в Самарканд и вступил в услужение к Султан Ахмаду-мироу, а в 892/1487 г. прибыл в Ташкент и состоял при Пунус-хане в качестве его личного врача. Что касается Мухаммад Хусайна, отца на-

¹² Подробно об этом см. Бартольд В. В. *Дуглат*. Соч. В 9-ти т. Т. V, М., 1968, с. 529—532; *Материалы по истории казахских ханств*, с. 185—186.

¹³ Бартольд В. В. *Дуглат*, т. V, с. 529—530.

шего автора, то во время отъезда отца (Мухаммад Хайдара) из Оша ему было 12 лет; в течение двух лет он оставался в Андижане при Омар-Шейхе, затем прибыл в Ташкент к Султан Махмуд-хану, который в 908/1495 г. назначил его дарутой Ура-тепе. После разгрома узбеками Султан-Махмуд-хана в 908/1502—1503 г. у Ахси передал свое владение Шейбани-хану и бежал в Каратегин, оттуда перебрался в Кундуз и поступил в услужение к Султан Махмуд-хану, брату Шейбани. После его смерти, последовавшей в 908/1503—1504 г., отправился в Герат к Султан Хусайну-мирзе и, недолго пробыв при нем, уехал в Кабул к Бабуру. В 912/1506—1507 г. он был уличен в заговоре против Бабура и вновь бежал. В 914/1508 г. Мухаммад Хусайн был убит в Герате⁸⁰.

Мухаммад Хайдар родился в Ташкенте в 905/1499—1500 г. Приходился двоюродным братом (со стороны матери) Султан Са'ид-хану, в будущем (в 920/1514—939/1533 гг.) кашгарскому хану, и Тимуриду Бабуру. После убийства отца девятилетнего Мухаммад Хайдара преданные его отцу люди укрыли сначала в Бухаре, затем в соаврожденца маулана Мухаммада, слуги Мухаммад Хусайна, отправили в Бадахшан, где он нашел временный приют у Султан Увайса-мирзы. В следующем, 915/1509 г. он находился уже в Кабуле при Бабуре, с которым пробыл до 918/1512 г., т. е. до исторического поворота под Гиждуваном между Шейбанидами, с одной стороны, и Бабуром и его союзниками кизылбашами — с другой, где последние были наголову разгромлены. Осенью 1512 г. он прибыл в Андижан к Султан Са'ид-хану и отправился вместе с ним в Кашгар. Здесь им удалось разбить Абубакра-мирзу, вследствие чего власть над Кашгаром и Паркендом перешла в руки Султан Са'ида. При нем Мухаммад Хайдар занимал видное положение: сначала был воспитателем его сына 'Абд ар-Рашид-хана, затем командовал воинскими соединениями. Принимал деятельное участие в его походах на Бадахшан, Ладжак, Кафирнистан и Тибет. После смерти Султан Са'ид-хана, последовавшей в 939/1532—1533 г., его преемник 'Абд ар-Рашид-хан (939/1533—978/1570) начал преследовать видных представителей рода дуглат — были казнены Са'ид Мухаммад-мирза, дядя Мухаммад Хайдара, и другие его родственники. Вследствие этого Мухаммад Хайдар не мог возвратиться (из Тибета) в Паркенд; он подался в Бадахшан и после долгих скитаний прибыл в Кабул к Камрану, а некоторое время спустя — к Хумаюну в Агру. В 948/1541 г. ему, при активной вооруженной помощи Хумаюна, удалось завоевать Кашмир и основать здесь независимое княжество, которым он правил до 958/1551 г. Погиб Мухаммад Хайдар в 958/1551 г. во время вооруженной стычки с горными племенами⁸¹.

Мухаммад Хайдар был образованным человеком своего времени, умельцем на все руки и крупным военачальником. Бабур свидетельствует: «К писанию, к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натяжения лука — во всему его руки были ловки. Дарованное к стихам у него тоже есть. Ко мне пришло от него прошение; слог его недурен»⁸². Другое свидетельство тому — его капиталь-

⁸⁰ Там же, с. 182. Материалы по истории казахских ханств, с. 186.

⁸¹ Бартольд В. В. Хайдар Мирза, с. 398; Материалы по истории казахских ханств, с. 186—188.

⁸² Бабур-наме, с. 21.

ный исторический труд, о котором ведется здесь речь, и поэма на староузбекском языке, написанная на сказочный сюжет⁶⁰.

«Тарих-и Рашиди» состоит из двух частей (*дафтар*). Первая часть написана в 951/1544—952/1545 гг., где повествуется история ханов Могиластана (потомков Чагатая) начиная со времен Туглука-Тимура (748/1347—764/1363) до вступления на престол вышеупомянутого 'Абд ар-Рашид-хана, и в некоторой степени является компилятивной, написанной на основе устного предания монголов и ряда исторического и географического содержания трудов: «Му'джам ал-Буадан» Па'кута, «Тарих-и джаханкушай» Джувейни, «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина, «Тарих-и гузиде» Хамдаллаха Казвини, «Муллахат ас-сурах» Джамала Карши, «Тарих-и арба' улус» Мирзы Улугбека, «Зафар-наме» Шараф ад-Дина 'Али Нездзи, «Матла' ас-са'дайн» 'Абд ар-Разака Самарканди и др. Тем не менее, она ценна как наиболее полный свод по истории восточной части Чагатаева улуса XIV—XVI вв. и полезна в исследовании средневековой истории Кашгара, Киргизии и Казахстана. Вторая его часть содержит мемуары автора и представляет исключительное значение для изучения истории Средней Азии, Кашгара, Афганистана и Северной Индии первой половины XVI в., служит значительным дополнением к таким капитальным трудам, как «Хабиб ас-сияр» Хондамира, «Бабура-наме» Захар ад-Дина Бабура и «Шараф-наме-йи шахи» («'Абдаллах-наме») Хафиз-и Таниша Бухари. Помимо сугубо исторического, здесь содержится материал этнографического (о тюрко-монгольских племенах), географического (весьма подробно описание Кашгара, Тибета, Бадakhшана, Кафиристана и Кашмира, а также древнего Тараза, Варсхана, Баласагуна, Каялыка и др.) и биографического (об ученых, поэтах и художниках времен Султан Хусайна Байкары) характера.

Для освещения истории Средней Азии первой четверти XVI в. несомненный интерес представляют разделы второго дафтара «Тарих-и Рашиди», посвященные завоеванию войском Шейбани-хана призмударинских городов Ходжента, Ура-тепе, Алси и др., а также областей, расположенных по обоим берегам Амударьи: Хисар-и шадмана, Кулаба, Кундуза и др. и о политическом положении Средней Азии и Бадakhшана.

Настоящее сочинение Мирзы Мухаммад Хайдара привлекало внимание исследователей еще с середины прошлого столетия, о чем свидетельствуют многочисленные переводы самого сочинения в отдельные его части на уйгурский, узбекский, русский и западноевропейские языки. Сохранились несколько списков сочинения в переводе Мухаммад Нийаза ибн Абд ал-Гафура, Мухаммад Садыка Кашгари и других⁶¹, английский перевод Н. Элайеса (см. раздел «Рекомендуемая литература»), сокращенный перевод В. Эрскина, хранящийся ныне в Британском музее под явл. № АДД 26612. Ряд извлечений из него, как в тексте, так и в переводе, опубликован В. В. Вельяминовым-Зерновым,

⁶⁰ Поэма эта называется «Джахан-наме» и пока что единственный ее список хранится в Берлинской городской библиотеке (о нем подробно см.: Zaki Validi. Ein türkisches Werk von Haydar—Mirza Daghlat, BSO(A)S, vol. VIII, part. 4, 1907, p. 383—389).

⁶¹ О них подробно см.: СВР АН УССР, т. VII, с. 25—29; КИНА, т. I, с. 97—104.

Н. Н. Мингуловым, К. Г. Залеманом, Катрмером, Заллотом, Доусоном и Ариольдом (см. раздел «Рекомендуемая литература»). В настоящее время в ИВ АН УзССР завершен перевод этого сочинения Мухаммад Хайдара на русский язык.

Рукописи «Тарих-и Рашиди» представлены во многих рукописохранилищах СССР и зарубежных стран⁶¹.

АХСАИ АТ-ТАВАРИХ

(лучшая из летописей)

Всеобщая история в двенадцати объемистых томах, из которых до нас дошли только последние два, повествующие, строго по годам, об истории Ирана и, отчасти, соседних с ним стран: Средней Азии, Индии, Турции, Азербайджана и Грузии 807/1404-1405—985/1577 гг. Оригинал — двенадцатый том⁶², в котором содержатся сведения об основных событиях, главным образом внешних, происходивших в Сефевидском Иране, с кратким экскурсом (в основном биографического характера) в историю Средней Азии и другие соседние с Ираном страны 900/1494-1495—985/1577 гг. Составлен между 980/1572—985/1577 гг.

Автор сочинения — Хасан-бек из племени румлу (родился в Куме в 937/1530-1531 г.; год смерти неизвестен). Состоял в услужении при Сефевидах Тохмаспе I (930/1524—984/1576) и Мухаммаде Худабанде (985/1577-1578—995/1587)⁶³.

Труд Хасан-бека Румлу, несмотря на тенденциозность и явно просефевидскую ориентацию, представляет значительную ценность для изучения истории политических взаимоотношений среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского — с Ираном за указанный выше период. Благодаря четкой хронологии описываемых событий, наличию в нем подробностей и деталей, отсутствующих порой в других сочинениях, он позволяет проследить эти взаимоотношения буквально по годам.

Источники, которыми пользовался автор при составлении последнего тома своего сочинения, особенно части, посвященной периоду правления шаха Исма'ила I Сефеви (907/1502—930/1524), он не называет. Но, судя по содержанию, материал здесь в определенной степени заимствован из «Хабиб эс-сияр» Ховдемира, «Нусах-и джаханнара» кази Ахмада Гаффари (составлен в 972/1564-1565 гг.), по-видимому, «Шах-наме» Визинти Машкуки, мемуаров о войнах турецкого Султана Мурада III (982/1574—1003/1595) с Мухаммадом Худабанде и др. В нем приводятся краткие справки о различных, но важнейших событиях, происходивших в Иране и за его пределами (*вакаи' мутавазиза*), а также сведения о знаменитых личностях (правителях, поэтах, ученых), кои не были уже в живых во время составления «Ахсаи ат-таварих» (*мутававафидат*), заимствованные им из различных исторических хроник и антологий. В основной своей части, где описываются периоды правления шахов Тохмаспа I и Мухаммада Худабанде,

⁶¹ О них подробно см.: Стори: Персидская литература, ч. II, с. 1202—1203, 1205—1206.

⁶² Идент в тексте и в сокращенном переводе на английский язык Ч. Н. Селлоном (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

⁶³ О жизни автора подробно см.: Savory R. M. *Nasah-i Rashidi*, p. 253.

«Ахсан ат-таварих» оригинален и основан на материалах официальных документов, свидетельствах очевидцев и личных наблюдениях самого автора, о чем встречаются прямые указания в самом сочинении (с. 268, 316, 500 и др.).

Из сведений «Ахсан ат-таварих» представляют интерес следующие.

Среднеазиатские хроники содержат неоспоримые факты о существовании военно-политического союза между Бабуром и Сефевидами, в частности с шахом Исма'илом I, заключенного после 916/1510 г. в тяжелых для первого условиях: в случае установления господства над Мавераннахром признание Бабуrom своей вассальной зависимости, что находит подтверждение и в сочинении Хасан-бека Румлу. Известно, что в 917/1511 г. Бабур выступал против Шейбанидов Хамза-султана и Мехди-султана, владевших тогда Хиср-и шадманом, Кундузом и Багдамом. Перед этим, как сказано в «Ахсан ат-таварих», Бабур заручился военной поддержкой Исма'ила Сефеви, направившего к нему на помощь кизылбашские войска под начальством Ахмад-бека Суфи-оглы и Шахрух-бека афшара. В послании, отосланном Бабуrom через «сладкоречивых послов», говорится: «Если его величество вновь придет на помощь газиев, то как только владыкеты Самарканд и Бухара перейдут в руки этого друга [его величества], дутба и чекан монет будут украшены именем того самодержца» (с. 127). Как видно из дальнейших событий, Бабур сдержал данное слово. «Бабур шадишах, воссел на самаркандский престол при помощи благожелательных газиев, — продолжает Хасан-бек Румлу, — провозгласил дутбу с именем Искандаростепенного хакама, а в чекане были выбиты имена двенадцати имамов... Хал-мирза по приказу хакама (Исма'ила Сефеви. — Б. А.) был направлен для управления Бадахшаном» (с. 127).

В 918/1512 г. шах Исма'ил направил Бабуру по его просьбе 12-тысячное войско во главе с Наджм-и сани. Хасан-бек Румлу подробно рассказывает о совместном походе союзников, — Бабура и кизылбашей — на Мавераннахр и о зверствах, учиненных ими в Хузаре, Карши и в других городах и селениях этой страны. Так, кизылбашии, после взятия Карши истребили 15000 человек, не щадя при этом ни детей, ни стариков, ни женщины. По словам автора «Ахсан ат-таварих», сайбиды владыкеты с семьями укрылись тогда в соборной мечети и направили человека к эмиру Мухаммаду Пусуфу, приближенному Наджм-и сани, с просьбой заступиться за них, как за потомков 'Али. «Этот бесчестный (руд-и сайбах), неблагодарный [человек] — продолжает Хасан-бек, — эмиру Мухаммаду в ответ сказал: «Когда газии силой оружия захватывают [какую-либо] страну, то истребляют его население от мала до велика и [при этом] не различают сайбидов от не сайбидов. Кизылбашские воины, услышав слова того безрассудного сквернословия, направились в ту мечеть и поголовно вырезали всех сайбидов» (с. 132).

Вооруженная борьба Шейбанидов за Хорасан, которую они вели с Сефевидами на протяжении XVI века, описана в «Ахсан ат-таварих» значительно полно и подробно, нежели в других, например, в среднеазиатских хрониках того периода. Как видно из приведенных здесь фактов, борьба эта велась с невероятной жестокостью и привела в конечном итоге к огромным жертвам и опустошенным как в Мавераннахре, так и в Хорасане. Больше всего пострадали такие города Хо-

расана, как Герат, Мешхед, Нишанур, Тус, Бистам и Исфаха'ин. Герат, например, на протяжении 918/1512—974/1566-1567 гг. семь раз (927/1521; 930/1524, 933/1527, 935/1528-1529, 938/1531-1532, 942/1535-1536 и 957/1550 гг.) подвергался осаде и оккупации со стороны шейбанидских войск (с. 171, 184—187, 205—207, 209—220, 240—244, 269—272, 343—344). Такая же участь постигла города Мешхед, Тус, Бистам, Фирузкух, Завя и др. (с. 196, 201, 207—208, 220—222, 238, 243—245, 263, 266—269 и др.). Хасан-бек Румлу рассказывает о пагубных их последствиях для простого народа, который подвергался грабежу и насилию не только со стороны шейбанидских воинов, но и самих князьбашей. Приведем два примера. 29 рамазана 938/3 мая 1532 г. Шейбанид Убайдаллах-хан с многочисленным войском появился у стен Герата и обложил его со всех сторон. Город находился в осадном положении в течение шести месяцев — до 14 раби' I 939/14 октября 1532 года. Характерно, что с приближением узбекского войска по приказу Гази-хана, сефевидского правителя города, все бедные и беспомощные семьи (*жардум-и мухтаджан*) были высланы из города, а их дома и имущество подвергнуты грабежу. «Грубые и жестокие турки, — пишет Хасан-бек Румлу, — [даже] распаривали старые одеяла и подушки жителей, надеясь отыскать в них деньги и драгоценности» (с. 240). В другом месте (события 942/1535-1536 г.) Хасан-бек повествует о тяжелом положении гератцев вследствие чрезмерного обложения их различными поборами. Недовольством народа воспользовалась местная знать и во главе с Мулибб Микала, калантаром Герата, составила заговор против сефевидского наместника Суффаяна Халифа Румлу и его везира Нур ад-Дин Мухаммада Исфахани. Первого не оказалось в городе (он выступил тогда походом на Мешхед против Убайдаллах-хана), а везир попалсясь головой — был схвачен в баше и умерщвлен заговорщиками (с. 267—269).

В «Ахсан ат-таварих» приводятся подробные сведения об участии в набегах на Хорасан и Астрабад шейбанидских наместников Балаха (Кастип-кара-султана, Пирмухаммад-хана и Байрам-оглана) в 941/1534-1535, 955/1548 и 971/1563-1564 гг. (с. 264—265, 337, 421) и Шейбанидов Хорезма ('Али-султана, некоего Чагатай-бахадур и других) в 932/1525-1526, 939/1532-1533, 955/1548 и 967/1559-1560 гг. (с. 197, 243—244, 336, 413).

В сочинении приведены копии нескольких посланий, полных взаимных упреков и оскорблений, копии обменивались в первой половине XVI в. шейбанидские правители Средней Азии и Сефевиды Ирана. Это — послание Шейбани-хана к шаху Исма'илу от 916/1510 г., Кучкунджи-хана к правителю Герата Дурини-хану и ответное послание последнего к Кучкунджи от 930/1524 г., Убайдаллах-хана к шаху Тохмаспу I и ответное его послание от 936/1529—1530 г. и др. (с. 112—114, 186—187, 226—232). Послания эти важны для изучения внешней политики обеих феодальных государств — Бухарского ханства и Сефевидского Ирана XVI столетия.

Настоящее сочинение предоставляет в распоряжение исследователей важные сведения и по истории Хорезма первой половины XVI века, периода чрезвычайно интересного, но мало изученного. Среди них можно выделить следующие.

Если шейбанидские правители Средней Азии и Балха осуществляли систематические набеги в районы Хорасана, то правитель Хорезма — в Астрабад. Хасан-бек Румлу пишет, например, о вторжении хорезмских узбеков в Бистам в 939/1532-1533 г., в Горган в 955/1548 г. во главе с самим 'Али-султаном; о появлении хорезмских наследников в окрестностях Нишанура в 967/1559—1560 г. и др. (с. 45—46, 59—60, 62, 71—72).

Интересны сообщения Хасан-бека Румлу о междоусобной борьбе и династических расприх в Хорезме, которые к 944/1537-1538 г. привели страну в полное расстройство. «У каждого начальника, — пишет автор «Хасан ат-таварих», — появилась страсть к царствованию, и в каждом углу распростер руку гнет, всякий нищий захотел стать везиром, а подлый — раисом. Положенне же раинита ухудшилось» (с. 290—291). Причиной тому, как видно из дальнейшего рассказа Хасан-бека Румлу, было то, что Пусуф-султан, 'Али-султан, Иш-султан, Пахлаванкули-султан и Акиш-султан, сыновья Суфийан-хана, убили Умаргази-хана, падишаха Хорезма, и захватили верховную власть. Султангази, сын Умаргази-хана, бежал в Ташкент к Науруз Ахмад Барак-хану, своему двоюродному брату, и обратился к нему за помощью. Последний вместе с 'Убайдаллах-ханом и 'Абд ал-Латиф-ханом выступил на Хорезм. Пусуф-султан бежал в Хорасан. Науруз Ахмад и 'Убайдаллах-хан без лишнего кровопролития завладели тогда Хорезмом. Но вскоре Пусуф-султан возвратился в Хорезм с войском, по-видимому, сколоченным им в Хорасане при содействии кызылбашей, объединился с братьями и все вместе направились на Ургенч. Сражение между ними и войском Науруз Ахмада и 'Убайдаллах-хана произошло на берегу Амударьи и братья потерпели поражение. 'Убайдаллах-хан, оставив в Ургенче 'Абд ал-'Азиз-султана, возвратился в Бухару. Возвратился к себе в Самарканд и 'Абд ал-Латиф-хан. В это самое время Динмухаммад-султан, сын Улуш-хана, правивший от имени шаха Тохмаспа I Абивердом и Несой, пришел на помощь к Пусуф-султану и они вместе осадили Ургенч. При этом распространился слух о том, что будто с войском на Хорезм идет сам шах. 'Абд ал-'Азиз направил гонца в Бухару и известил отца о случившемся. 'Убайдаллах-хан немедленно выступил на Хорезм и, когда тот переправился через Амударью, Динмухаммад-султан и Пусуф-султан сняли осаду и рассеялись. 'Убайдаллах-хан взял тогда и г. Вазир и, назначив туда одного из своих эмиров, направился обратно в Бухару. Но, когда он дошел до Хазараспа, ему стало известно о нападении Динмухаммад-султана на касаба Хивак. 'Убайдаллах-хан направил против него большую часть своего войска под предводительством Дарвиш-бия кошчи. Динмухаммад в союзе с бака туркменами и племенным ополчением 'Али эли выступил против него из Хивака. Сражение между ними приключилось около небольшой речки, что в четырех фарсах от Хазараспа. Бака туркмен охватила паника и они, прихватив с собой знамя Динмухаммад-султана, бежали с поля сражения, но их силой повернул обратно Акиш-султан. На помощь к Динмухаммаду подоспел Пусуф-султан и совместными силами они одолели Дарвиш-бия кошчи. Узнав о поражении основной части своего войска и пленении эмиров Латиф Мирака, Шейх Назар-бия, Таджи-бахадур *таваджем-баша*, Карача-бахадур и Хафиз конгурата, 'Убайдаллах-хан покинул Хазарасп и ушел в Бухару. Победу эту Дин-

мухаммад и хорезмские султаны «одержали благодаря могуществу со-
путствующего победой падишаха», заключает Хасан-бек Румлу
(с. 291—292).

Интересны краткие сведения о знаменитых личностях, умерших за-
долго до составления настоящего сочинения. Здесь речь идет о таких
крупных ученых и поэтах, как 'Абдаллах Марварид, Фазлаллах Руз-
бехан, Хатифи и Хилали. Например, об 'Абдаллахе Марвариде гово-
рится: «Маулана 'Абдаллах Марварид в молодости поступил в услу-
жение к Султан-Хусейну-мирзе, дослужился до [должности] садра,
впоследствии попал в большую джиргу и прикладывал печать [на до-
кументы] вместо Мар Алишера. После смерти Султан Хусайна-мирзы
решил удалиться и в этом году (в 927/1521 — Б. А.) покинул сей мир.
Им написаны [следующие] сочинения: «Диван касид и газелей», «Тар-
их-и шахи», «Муши'ат», «Тарих-и манзум», «Хосров и Шарин»
(с. 163—164). О Хатифи читаем: «Маулана 'Абдаллах Хатифи — внук
(хазарзадэ) маулавы Джамал мухарраме сего года (в декабре
1521 г. — Б. А.) отправился в загробный мир. В числе его произведе-
ний «Хосров и Шарин», «Лейли и Меджнун», «Хафт манзар», «Ти-
мур-наме» и «Шах-наме его величества шаха Исма'иля» (с. 174).
Весьма интересны сведения Хасан-бека Румлу о поэте-мученике Хила-
ли: «Маулана Хилали был известным поэтом [своего] времени, одним
из красноречивых людей эпохи. Касыды, газели и месневи писал в
совершенстве. В этом году (в 935/1528-1529 г. — Б. А.) некоторые из
числа его завистников... донесли 'Убайд-хану о том, что маулана на-
писал [на него] сатиру, последний бейт которого следующий:

Грабь, халтай именуешю мусульман,

Если ты [после этого] считаешь себя мусульманком, то я —

итерный.

...У хава было много обид [на него] и он приказал заточить
поэта в темницу. После бесчеловечных истязаний этот уязвум эпохи
умерщвали в Чар-су Герата» (с. 224—225).

Автор рассказывает о страшном голоде, охватившем Хорасан,
особенно его столицу Герат в 918/1512, 920/1514 и 938/1531-1532 гг. в
результате бесконечных войн между Шейбанидами и Сефевидами.
Тогда, по свидетельству Хасан-бека, люди питались мясом кошек и
собак и даже «ели друг друга» (т. е. мертвецов) (с. 134, 150, 242),
о сильном землетрясении в области Кани в 956/1549 г., вследствие
которого были погребены 3000 человеческих тел (с. 342), и морской
язве (га'ым), вспыхнувшей в Табризе в 981/1573 г. и унесшей 30 000 жи-
вней (с. 458).

Для освещения истории Средней Азии определенным интерес пред-
ставляют также сведения «Ахсан ат-таварих», приведенные в разде-
лах «Мутаввафийат» и «Вака'и-йи мутаввавийа».

В отличие от среднеазиатских хроник, Хасан-бек Румлу несколько
подробно говорит об установлении господства Шейбанидов в Хорезме.
По его словам, после 916/1510 г. Ильбарс-хан не сам выступал на Хо-
резм, а посылал туда войска и после овладения им направил в область
в качестве дарума Кепак-бег кошчи. Но последний долго не удер-
жался, был выбит Шарифом-суфи, предводителем Хидр эли, и лишь
после этого Ильбарс выступил туда лично и установил здесь свою
власть (с. 123). Другое событие, вложенное здесь и относящееся к

истории Хорезма, касается взаимоотношений Хорезма с Сефевидским Ираном и свидетельствует о его вассальной зависимости от последнего. Здесь, в частности, речь идет о том, что в 983/1575 г. Ходжим-хан, правитель Хорезма, отправил своего сына Мухаммадули-султана в Иран, по-видимому, в качестве аманата, т. е. заложника (с. 463).

В «Ахсан ат-таварих» имеются интересные и заслуживающие внимания сведения (о последних днях правления Науруз Ахмад Барак-хана), отсутствующие в других среднеазиатских источниках, например, в «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Тавиша Бухари, «Мусаххир ал-билад» Мухаммадбара ибн Араб катангана. Здесь, в частности, говорится, что Барак-хан, сын Субутичак-хана, после того, как отнял Самарканд у потомков Абу Са'ид-хана, Бухарскую область, за исключением самой Бухары, от Бурхан-султана, внука Убайдаллах-хана, Мийанкал — от потомков Джанибек-султана, Шахрисаба и Карши — от потомков Пулад-султана, «решил провести канал из реки Шахрухиби, протекающей между Ташкентом и Самаркандом, и привести воду на обширную и обильную травой степь, лежащую на стороне Самарканда, чтобы здесь, где [зимой] снежные сугробы преграждали путь, расселились поблизости к нему двадцать тысяч душ из его улуса» (с. 397).

Критического текста сочинения и полного его перевода на русский язык нет. Отдельные фрагменты из него в переводе на немецкий, русский и грузинский языки опубликованы в различных сборниках (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Рукописи «Ахсан ат-таварих» имеются в рукописохранилищах СССР (в Ленинграде), а также в Англии, Турции и в Иране⁸⁸.

ШАРАФ-НАМЕ-ЙИ-ШАХИ

(книга шахской славы)

Капитальный труд, известный также под названием «'Абдаллах-наме» («История 'Абдаллах-хана») ⁸⁹. В нем подробно излагается политическая история Средней Азии, Казахстана и сопредельных с ними стран зарубежного Востока (Ирана, Афганистана) XVI века. Написан между 992/1584—998/1590 гг.⁹⁰

Автор этого богатого разнообразным фактическим материалом сочинения Хафиз-и Тавиш ибн Мир Мухаммад ал-Бухари, талантливый историк и поэт средневековой Бухары. О жизни и деятельности ученого мы располагаем весьма скудными сведениями, кои содержатся в самом сочинении и, частично, в некоторых восточных антологиях. Согласно этим сведениям, он, как и его отец маулана Мир Мухаммад⁹¹, был

⁸⁸ О них подробнее см.: Стори. Персидская литература, ч. II, с. 869—881.

⁸⁹ Другие названия сочинения: «Шараф-наме-йи Абдаллах-хан» (рук. дома-музея А. А. Семенова в Душанбе, инв. № 128, л. 228а), «Футулат-и хаби (Дар-и-иш Аля Чагани Бухари, Тухфат ас-султур», рук. ИВ АН Таджикской ССР, инв. № 264, л. 165б) и «Саиф-йи шахи».

⁹⁰ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 295—296.

⁹¹ По сведениям Абу-л-Бака, внука и биографа крупного среднеазиатского шейха хаджа Ахмата ибн Джамала ад-Дина Касани (ум. 21 мухаррама 948/18 мая 1541 г.), он был приближенным Шейбанида Убайдаллах-хана (940/1533—1534—946/1539—1540); в начале 50-х гг. XVI в. уехал в Кашгар и умер там спустя два года (Джами' ал-маканат, рук. ИВ АН УССР, инв. № 7038, л. 116а).

близок ко двору верховного правителя Шейбанидов, и, начиная с 991/1583 г., являлся хронистом (*ваки'анавис*) 'Абдаллах-хана II (991/1583—1006/1598). Год рождения и смерти ученого удалось установить только по косвенным данным. Так, во введении, где автор подробно описывает план своей будущей книги, он говорит об официальном вступлении 'Абдаллах-хана на престол, о том, как при посредничестве Кулбаба кукельгана (уб. в 1006/1598 г.), родича и приближенного хана, он был представлен последнему («Шараф-наме-йи шахи», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2207, л. 76—8а; на узбекском языке, т. I. Ташкент, 1968, с. 77). Далее он пишет: «Когда ему ничтожному исполнилось тридцать шесть лет [от роду]⁹², вновь блеснула мысль написать книгу: птица мускусного пера, злая крыльями, полетела над стенами просторами мысли, целомудренная дочь помысла показала себя в зеркале обстоятельности, луноликое и бодрящее душу слово сбросило занавес со своего, подобно луне, лица, чтобы [позволить нам] составить [эту] книгу, включающую в себя счастливое рождение и историю некоторых событий, приключившихся при его величестве ['Абдаллах-хане]» (рук. ИВ АН УзССР, № 2207, л. 4б). Далее он говорит, что это его намерение было одобрено ханом и будущему сочинению дано название «Шараф-наме-йи шахи» (там же, л. 8б; на узбекском языке, т. I, с. 54—55). Цифровое значение слов «Шараф-наме-йи шахи» по абджаду составляет 992, что указывает на дату начала составления этого сочинения — 992/1584 г. Из этого следует, что Хафиз-и Таныш Бухари был принят ханом в 992/1584 г., т. е. во второй год его официального вступления на престол (был провозглашен ханом в месяце джумада II 991/ в конце июля — июле 1583 г.⁹³). Известно, что во время появления его во дворце ему было 36 лет от роду («Шараф-наме-йи шахи», рук. ИВ АН УзССР, № 2207, л. 4б). Таким образом была установлена дата его рождения — 956/1549 г.⁹⁴ К сожалению, определить точную дату смерти ученого не удалось. И. И. Умняков предполагает, что жизнь ученого оборвалась вследствие трагического случая, приключившегося в год взятия узбеками Герата, т. е. в 997/1589 г.⁹⁵ Основанием для этого, очевидно, послужило то, что повествование «Шараф-наме-йи шахи» во всех дошедших до нас списках обрывается рассказом об осаде и взятии Герата войсками 'Абдаллах-хана (рук. ЛО ИВ АН СССР, Д-88, л. 460а—495а). Заслуживает внимания следующее свидетельство антологии, составленной в 1013/1604 г., он говорит о нем, как об умершем, об обвинении его супруги в смерти ученого, выданному братом Хафиз-и Таныша. Далее он уже более определенно указывает, что Хафиз-и Таныш умер еще при жизни 'Абдаллах-хана и последний ра-

⁹² По другим данным (СВР АН УзССР, т. I, с. 65; Миклухо-Маклай И. Д. Описание, вып. 3, с. 286) — 30 в 33 года, что, по нашему мнению, ошибочно.

⁹³ Мусаккыр ал-Билад, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1806, л. 84а. В СВР АН УзССР (т. I, с. 80) это сочинение ошибочно названо «Тарих-и Шейбани» (о нем см. ниже).

⁹⁴ С. ханом он был избран в 987/1579 г. и сопровождал его во время похода против Баба-султана (об этом см. ниже), затем — во время похода его в Чиракжу в месяце му-а-кка'да 990/ноябрь—декабрь 1582 г. и во время похода 'Абдаллах-хана на Балдахин в том же году («Шараф-наме-йи шахи», рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2207, л. 230а—260а; рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № Д-88, л. 405б—417а и др.).

⁹⁵ Умняков И. И. «Абдаллах-наме» Хафиз-и Таныша и ее исследователи, с. 313.

боту по завершению «Шараф-наме-и шахи» поручил кази Пайанда Заамини (ум. в 1010/1601-1602 г.) — одному из высокообразованных людей своего времени²⁶. Из этого можно заключить, что Хафиз-и Таниш умер не своей смертью и приключилась она после 997/1588-998/1589 гг.

Исследователями «Шараф-наме-и шахи» были В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904), Л. А. Зимин (ум. в 1918 г.), один из многочисленных учеников В. В. Бартольда (1869—1930), С. Мирзев (1885—1961), М. А. Салахетдинова, Н. Сайфиев и автор этих строк.

Остановимся на кратком содержании «Шараф-наме-и шахи». Из плана, приведенного автором во введении, труд должен был состоять из следующих частей:

Мукаддима — традиционное славословие, восхваление 'Абдаллах-хана, о значении наук вообще и исторической в частности в жизни человека, о причинах составления книги, генеалогия 'Абдаллах-хана, доведенная до Нова и Яфета, о тюрко-монгольских племенах Центральной Азии, о Чингиз-хане и его потомках, о хаджа Мухаммад Исламе — духовном наставнике 'Абдаллах-хана.

Первая макала — политические события, происходившие в Средней Азии со времени рождения 'Абдаллах-хана (940/1533-1534) до официального его провозглашения верховным бухарским ханом (джумада II 991/конец июня — начало июля 1583 г.).

Вторая макала — события, имевшие место в Средней Азии, Казахстане и сопредельных с ними странах зарубежного Востока со времени официального восшествия на престол 'Абдаллах-хана, его войны с потомками Науруз Алмада (Барак-хана) за Дашт-и кичак и своими же сородичами за Бадахшан и Кулаб.

Хатима — о личных качествах 'Абдаллах-хана, рассказ о живших при 'Абдаллах-хане шейхах, везирах, эмирах, поэтах и ученых, а также о культовых и гражданских постройках, сооруженных во времена владычества этого хана («Шараф-наме-и шахи», рук. ИВ АН УССР, инв. № 2207, л. 86—9а; в узбекском изд-ии — т. I, с. 54—55).

К сожалению, вторая макала так и осталась незавершенной (доведена лишь до 997/1588-1589 г.), а хатима вовсе не написана по намеченному плану. Причина тому — насильственная смерть ученого, приключившаяся, по-видимому, после 997/1588—998/1589 гг. На этот счет среди исследователей «Шараф-наме-и шахи» бытуют следующие суждения. По мнению И. И. Умнякова, ученый впоследствии несколько изменил план своей книги и события, происходившие до 997/1588-1589 г., включил в первую макала, вторая же, как и хатима, не была написана²⁷. Н. Сайфиев, основываясь на самом сочинении Хафиз-и Таниша, говорит, что вторая макала была написана, а хатима (в весьма сокращенном виде) вошла в состав первой и второй частей книги²⁸. В этом отношении заслуживает внимания следующее суждение Н. Д. Миклухо-Маклая. Анализируя два списка «Шараф-наме-и шахи» (инв. № Д-88 и В-685), хранящиеся в собрании ЛО ИВ АН СССР, Н. Д. Миклухо-

²⁶ Мутриби. Тажарат ан-шарра, рук. ИВ АН УССР, инв. № 2262, л. 178б, 200б, в др.: Ср.: Сайфиев Н. Хофиз Таниш ва «Шарафномаи шоҳрому» (за таъд. ҷаъда), с. 16—27.

²⁷ Умняков И. И. «Абдулло-наме» Хафиз-и Таниша и его исследователи, с. 313 и след.

²⁸ Сайфиев Н. Хофиз Таниш ва «Шарафномаи шоҳрому», с. 25—26.

Маклай пришел к выводу, что последний список (В-685) представляет собой первую редакцию сочинения, где четко обозначены первая и вторая части макалы (впоследствии вторая часть была включена в первую). Что касается другого списка (Д-88), равно и всех дошедших до нас списков «Шараф-наме-и шахи», то они — вторая редакция сочинения. Вот как объясняет он изменения, произведенные автором против первоначального плана: «Эти изменения были произведены уже после того, как сочинение (по крайней мере в черновом варианте) было завершено в соответствии со своим первоначальным планом, зафиксированным в предисловии; по всей вероятности, не написанным осталось только заключение к сочинению, конечно в объеме, указанном в предисловии»⁹⁸. По-видимому, Н. Д. Миклухо-Маклай вполне прав. Прав и Н. Сайфис.

В мукаддима, после традиционного славословия, приводится генеалогия Абдаллах-хана, повествуется о тюрко-монгольских племенах Центральной и Средней Азии, Чингиз-хане и его потомках, царствовавших в собственно Монголии, Дашт-и кипчаке и Мавераннахре, говорится о существовавшей вражде между Тимуридами, в частности между сыновьями султана Абу Са'ида — Султан Ахмадом, правителем Самарканда (873/1468-1469—899/1494), с одной стороны, и Омар-Шейхом, правителем Ферганы (867/1462-1463—899/1494) и ташкентским правителем Султан Махмуд-ханом (892/1487—907/1501-1502), с другой (событие имело место в 899/1494). Эта часть мукаддимы самостоятельного значения не имеет, написана на основе «Тарих-и джаханкушай» Джузеппи, «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина, «Раузат-и-сафа» Маршонда, «Мукаддима-и зафар-наме» Шараф ад-Дина 'Али Пезда, «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара и «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Биная. События, а также те места сочинения, где говорится о границах Мавераннахра, о Балхе, Самарканде, Бухаре и др. (рук. ИВ АН УССР, № 2207, л. 906—926; в узбекском издании — т. 1, с. 271—276), описаны на основе предшествующих источников («Тарих-и Бухара» Наршахи, «Фаза'ил-и Балх» шейхульислама Сафи ад-Дина Абубакра Балхи, «Масалик ал-мамалик» Истахри, «Китаб ал-киаф фи тарих-и Самарканд» Наджи ад-Дина Абу Хафса Самарканди и др.).

Автор часто приводит цитаты из Корана и иных религиозного содержания сочинений. Помимо этого, «Шараф-наме-и шахи» обильно усыпан стихами (касыды, месневи, кит'а, та'ризи, рубай, байты, фарды) как собственными, так и заимствованными из «Шах-наме» Фердоуси, у Рудаки, Мушфики, Амир Бадр ад-Дин Махмуда ибн Амина, Камал ад-Дина Биная и других⁹⁹. При изложении событий 30—60-х годов XVI в. он, во всей вероятности, пользовался материалами придворной хроники, опирался на рассказы своих информаторов — очевидцев событий, о чем свидетельствуют, например, такого рода признания: «слышал от группы лиц — участников этих событий» (сражение между Абдаллах-ханом и Науруз Ахмад-ханом у Касана в 955/1548), «слышал от всех», автор сих строк услышал от муалли Кельдыша, бывшего в числе старых воинов его величества» (о сражении в Фаробе между Абдаллах-ханом, с одной стороны, и Султан Са'ид-ханом и

⁹⁸ Миклухо-Маклай Н. Д. Отношение, вып. 3, с. 297.

⁹⁹ Подробно об этом см. Сайфис Н. Хофим Тавакка ва «Шарафнома» нога-и у, с. 35—41.

Дустим-султаном, с другой, в 961/1554), «удачливые рассказчики об этом событии передают», «автор этих строк услышал от его величества» ('Абдаллах-хана.— Б. А.) и т. д. Описывая события 70—80-х годов XVI в., автор выступает как очевидец и их участник. Однако не только события этих лет, но и всю политическую историю Средней Азии второй половины XVI в. он освещает весьма подробно и обстоятельно, что позволяет отнести «Шараф-наме-фи шахи» в разряд перво-классных и наиболее полных источников по истории страны этого периода.

Сочинение написано в духе идеологии господствовавшего тогда класса — класса феодалов. Однако при внимательном прочтении в нем обнаруживаются данные, свидетельствующие о тяжелом и бесправном положении трудящихся масс, о волнениях и беспорядках в различных 'Абдаллах-ханом странах (например, волнения в Меймене и Гарчистане в 991/1583 и в Бадлахстане в 993/1585 г.; дороговизна и голод, охватившие Бухару в 997/1588-1589—998/1590 гг. и др.).

Сочинение написано рифмованной прозой, напыщенным стилем и вычурным языком.

В «Шараф-наме-фи шахи», помимо политических событий, можно встретить ценнейшие сведения о социально-экономической и культурной жизни Средней Азии XVI в., политико-экономических отношениях государства Шейбанидов с Ираном, Индией, Турцией, Кашгаром, Россией и другими странами.

Из социально-экономических сведений следует отметить о существовании в те времена таких феодальных институтов, как *ихта*¹⁰¹, *тамгах*, *сроргах*, *джамир*, изучение конх позволит исследователям не только определить природу и сущность этих феодальных институтов, но и проследить их эволюцию (сведения эти разбросаны по всему труду), об уделной системе и ее месте в общественно-политической жизни страны, о налогах и повинностях (*хародж* или *мал*, *ихраджат*, *тагар*, *илфа*, *кумалга*, *бегар*, *мадади яаш*, *бадж*, *тамга*, *тулфа* или *тамгрукат*, *совет*, *гартук*, *кадава* и др.), конхи облагали тогда трудящиеся массы. Как известно, в те времена, да и вообще в условиях феодального общества большое место в жизни военно-феодальной знати и рядовых воинов занимала военная добыча (*гонимат*, *уджа*). Феодальная знать поддерживала только тех из верховных правителей, которые были способны вести успешные военные походы и обеспечивать их богатой добычей. В разделе о «Михман-наме-фи Бухара» мы уже наблюдали такую картину, когда победитель захватывал в плен побежденного со всей его семьей и обращал их в своих рабов. Аналогичные примеры содержатся и в «Шараф-наме-фи шахи». Большой интерес представляют сведения Хафиз-и Таныша Бухари и об освоении для ханской семьи и крупных феодалов (как светских, так и духовных) новых земель (в районе нынешней Джизакской области, Карши, на левом берегу Амударьи в районе Хазрат инам и в других местах Средней Азии) и мобилизации на эти работы десятков тысяч крестьян (*мардикаров*).

¹⁰¹ Об этом см.: Азмедов Б. А. Иштг' в Средней Азии в XVI—начале XVII в.— В сб.: Формы феодальной собственности и владения на Балканах и Среднем Востоке. М., 1979, с. 13—24.

В сочинении Хафиз-и Тавыша Бухари имеются чрезвычайно интересные данные, свидетельствующие о развитии ремесел в XVI в., в частности в таких крупных городах Средней Азии, как Бухара, Самарканд, Ташкент и Балх. Ремесленники этих городов изготавливали различные шелковые и хлопчатобумажные ткани, предметы домашнего обихода, ювелирные украшения из серебра и золота, оружие (разноцветные щиты, пушки, стрелявшие карами весом в два-три пуда, чашки лука, стрелы и т. п.) и др. (рук. ЛО ИВ АН СССР, Д-88, л. 427б, 450б, 454б, 466б, 482б и сл.). Изделия среднеазиатских мастеров пользовались большим спросом не только на внутреннем рынке, но и в сопредельных странах¹⁰².

В «Шараф-наме-би шаха» содержится также много ценных сведений и о государственном устройстве Шейбанидов: о центральном государственном аппарате (*дишан*)¹⁰³, о служивом сословии (*атагмак, макиб, вакир, вакир-и 'амал, диван-беге, мушраф, балаччи, шайхара, аманг ма-беге, маршанга, сайр, маратар, чарга-алая, гонакча, джарна, маршал, гур-беге, марче-беге, басара, фарран* и др.). Внимательное изучение названного исследования позволяет определить не только суть этих терминов, но и уяснить права и обязанности носителей того или иного звания и чина и определить их место в общественно-политической жизни страны.

В сочинении Хафиз-и Тавыша Бухари заключены сведения и о вооружении Шейбанидов, о его боевом строе и тактике. Прежде всего это состояло из конных и пеших отрядов, преимущественно вооруженных луками и стрелами, копьями, саблями, фуджами, катapultами (*жан-джанак*), своего рода огнеметами (*мафрандак*) и приставными лестницами. Начиная со второй половины XVI в. в распоряжении войска поступало (по-видимому из Турции и России) и огнестрельное оружие — фитильные ружья и фальконеты (*дальбурак*). Стрельба оставалась прежней, однако в тактике ведения боя кочевники узбеками повсюду внедрялось, но существенное новшество — *галама* (завод в тыл противника с флага с целью нанесения внезапного удара в центр или в один из его флангов).

В «Шараф-наме-би шаха» заключен богатый фактический материал и о культурной жизни Средней Азии XVI века, в частности о развитии градостроительства, литературы и науки. Особеного расцвета культуры достигла в этот период Бухара — столица государства Шейбанидов. Город к тому времени расширился, включив в свой состав селение Сумтага (ныне Джуйбар), расположенное на расстоянии одного фарсаха от города. По этой причине юго-западная часть городской стены была перестроена заново; в этом селении вокруг гробницы Абу Бакра Са'да (ум. в 380/970-971 г.), предка могущественных джуйбаровых шейхов, были построены медресе, мечети и хамаки; вокруг них был разбит великолепный парк; от Сумтага до города была проложена широкая и красивая аллея. По свидетельству Хафиз-и Тавыша работы по благоустройству города велись в течение десяти лет

¹⁰² Об этом подробно см.: НИИЭ, т. I, М.—Л., 1952, с. 7—102; Чулошников А. П. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. Там же, с. 81—85.

¹⁰³ Факты свидетельствуют о некотором укреплении центрального государственного аппарата во второй половине XVI в. (Шараф-наме-би шаха, рук. ЛО ИВ АН СССР, Д-88, л. 447б, 456а, 456б и др.).

(996/1559—974/1568) (рук. ИВ АН УССР, инв. № 2207, л. 946—956; в узбекском изд-ии — т. I, с. 279—280). Кроме того, в этом столетии лишь в одной столице были воздвигнуты медресе 'Абдаллах-хана на Хайбанах, напротив ханской бани, а также медресе Гаукаяна, Фахрулла хушбеги, Миракан, медреса Муслимад Парса, Новое Чар-су (построено в 977/1569—1570 г.), мост через реку Зарафшан у Кермана (построен в 990/1582 г.) и др. Благотворительные здания (медреса, медресе, ханска) и караван-сарай возводились и в других городах страны: в Самарканде, Ташкенте, Балхе. На больших и малых караванных дорогах строились мосты, сардабы, каналы и водохранилища (например, водохранилище у горного селения Камар, известное в истории под названием Банд-и 'Абдаллах-хан)¹⁹⁷.

О дальнейшем расцвете науки и литературы свидетельствует особенно в этот период, помимо «Шараф-наме-йи шаха», таких ценных сочинений, как «Мусаххар ал-Филал» (об этом см. ниже), «Хафт калла» Амиа Ахмада Рази (об этом см. ниже), «Тазкират ан-нушара» Нураби и др. Высокого уровня развития достигли в Средней Азии искусство каллиграфии и миниатюры, выдвинулись представители которых были Султан 'Али Машади, Малмуд ибн Исхак ан-Шайба, Дарвиш Муслимад Бухара, мулла Махмуд муназзин, Джамал ад-Дин Нусуф, Мухаммад Мурад Самарканди и др. «В «Шараф-наме-йи шаха» также приводятся имена видных поэтов и ученых-философов XVI века: Музаффи, Низама Муслимади, Мухаммад Дарвиш ахунда, хана Пайанда Заминаи, муллы Амра, Муслимад Амиа Зайида, врача муллана 'Абд ал-Хакима и другие (рук. ИВ АН УССР, инв. № 2207, л. 886, 906, 905, 107а, 111а, 143а, 156а, 159а, 179а, 232а—232б, с. др.; в узбекском изд-ии — т. I, с. 264, 311, 317—318, 320; в. II, с. 87, 174 и др.).

Дипломатическое, торговое и иные сношения между государством Шейбанидов и другими странами (с Россией, Турцией, Ираном, Индией, Капшгаром) поддерживались и в XVI веке. Хафиз-и Таими рассказывает, например, об обмене посольствами между Индией и Бухарским ханством в 960/1572—1573, 965/1577, 966/1578, 994/1586 гг.; о возвращении бухарского посольства из Москвы в 991/1583 г.; о прибытии в 992/1584 г. в Бухару послов Туркестана, Моголистана, Хорезма и Ирана; о присутствии турецких стрельцов в войске Шейбанидов; о наличии индийской торговой колонии в Бухаре и т. д. (рук. ИВ АН УССР, инв. № 2207, л. 66а, 86б, 196б; в узбекском изд-ии — т. I, с. 297, 298—299; т. II, с. 217—218; рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № Д-88, л. 205б, 437а, 431а, 457а—457б, 458а, 458б и др.). Эти и другие сведения, несомненно, осклают большую пользу историкам в исследовании экономических, культурных и политических взаимоотношений указанных выше стран в далеком прошлом¹⁹⁸.

В «Шараф-наме-йи шаха» содержится много фактически данных, свидетельствующих о роли и месте мусульманского духовенства (например, джуйбарских шейхов хаджа Муслимад Насима, его сына и приемного хаджа Са'да в Средней Азии, шейха Халилаллаха в Бадая-

¹⁹⁷ Подробно см.: Муслимад-хонота А. Абдуллоев Сондида тахририда.— Фах ва турмуш, 1961, № 4, с. 22.

¹⁹⁸ См.: Ноломолдинова Н. Ураи Соёбиат ва ма шархи бани мусоабфардор. Тошкент, 1961.

шане и др.) в общественно-политической жизни страны. Из приведенных сведений (они разбросаны по всему труду) следует, что правящая феодальная верхушка во всей своей деятельности опиралась на духовенство, которое, в свою очередь, всячески поддерживало их экспансионистские устремления, помогало им эксплуатировать и держать в повиновении трудовой народ.

В сочинении заключен ценный фактический материал по топографии и фортификации среднеазиатских городов: Бухары, Самарканд, Ташкента, Термеза, Кудоба, Герата, Балха и др. (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2207, л. 190а, 195б, 145б—146а, 196а и др.; в узбекском издании — т. II, с. 92—93, 201—203, 215—216, 217 и др.).

Сочинение Хафиз-и Ташшаха богато и данными этнографического характера. Это продолжавший бытовать в тот период у народов Средней Азии институт кровной мести (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 2207, л. 180а; в узбекском издании — т. II, с. 177), порядок подношения даров высокопоставленным особам (по девяти предметам), существование некоторых доисламских пережитков (вызывание или отведение дождя и града) и, наконец, список тюрко-монгольских племен (*джалаир, найман, карлук, кипчак, катаган, утарчи, беш буз, шакаку, мулан, абанн, керанг, алчак, минг, бахрия, уйгур, каяган, конгурат, дурман, кунчи, маджар, ушум, чашм-и абру, булачи, арарн, бабу, кемегес, маманг, тубайн, кукур, кибат, башкыр* и др.), расселение и роль этих племен в общественно-политической жизни страны, данные, столь необходимые исследователям при освещении вопросов этногенеза и формирования узбекского и других тюркоязычных народов Средней Азии.

Рукопись «Шараф-наме-и шахи» представляется весьма широко. Отдельные его списки, как полные, так и в сокращенном варианте, хранятся в библиотеке Индуса оффис, в Британском музее, в библиотеке Пенджабского университета в Лахоре и в центральной библиотеке Тегеранского университета¹⁰⁹. В Советском Союзе в рукописохранилищах Ленинграда, Ташкента, Баку, Казани и Душанбе — их свыше пятнадцати¹¹⁰.

Полного издания «Шараф-наме-и шахи» (критического текста или перевода его на европейские языки) пока что нет. Отдельные извлечения из текста в переводе на русский язык или в пересказе основного содержания изданы В. В. Вельяминовым-Зерновым. Опубликованы первые два тома в переводе на узбекский язык, выполненном С. Мирзаевым и В. А. Ахмедовым, а также первый том русского издания М. А. Салахетдиновой (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Ими же подготовлены к печати и остальные тома сочинения.

АКБАР-НАМЕ

(КНИГА ОБ АКБАРЕ)

Широко известное и весьма ценное сочинение по истории Индии и, отчасти, Афганистана XVI в., составленное по поручению Бабурита

¹⁰⁹ Подробно о них см. соответствующие каталоги этих собраний.

¹¹⁰ Подробно см.: Муклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 296—300; Костыгова Г. И. Азфганский каталог, с. 144; Элайзмалари каталогу, I, с. 22; Брегель Ю. Э. Восточные рукописи в Казани, с. 273; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР, т. I, с. 73—78; СДР АН УзССР, т. I, с. 65—66; т. V, с. 41; т. VIII, с. 36—38; т. X, с. 24—25; Стояк. Персидская литература, ч. II, с. 1131.

Акбара I (963/1556—1014/1605) его везиром и ближайшим соратником Абу-л-Фазлом 'Аллами между 997/1589—1010/1601 гг. Известно также под названиями «Тарих-и Акбар-шахи» («Акбаршахова история») и «Тарих-и Акбари» («Акбаровая история»).

Абу-л-Фазл 'Аллами (Абу-л-Фазл Мубарак) один из образованнейших людей и крупный государственный деятель второй половины XVI в.; родился в Агре, в стольном городе империи Бабуридов 6 мухаррама 958/14 января 1551 г. в семье известного суфия-махдиста шейха Мубарака¹⁰⁰, прикицавшего к умеренному крылу мессиянства (махдизма)¹⁰¹, после 982/1574 г. стал главным министром (*вахим*) Акбара и с той поры, вплоть до своей трагической гибели, последовавшей 4 раби' I 1011/22 августа 1602 г.¹⁰², находился на государственной службе и играл значительную роль в жизни государства Акбара. Важнейшие мероприятия последнего, будь то в области внутренней или внешней политики, теснейшим образом связаны с именем Абу-л-Фазла 'Аллами. Пользуясь большими полномочиями, он имел широкий доступ во все государственные канцелярии (*диван-и мари бахши*, *диван-и бубрат* и др.), ко всем записям т. н. ваки'анависов (хронистов) и к другим официальным документам, что позволяло отпечаток на общее содержание его основного сочинения, сделав его широко документированным и богатым разнообразным фактическим материалом трудом.

«Акбар-наме» состоит из трех томов¹⁰³.

В первом томе автор рассказывает о рождении Акбара, приводит его генеалогию, раскрывает политическое положение Афганистана и Северной Индии во времена Бабура (932/1526—937/1530) и Хумайуна (937/1530—963/1556) и в первые семнадцать лет правления Акбара I, т. е. описывает события 963/1556—980/1572 гг.

Во втором томе изложена история Индии и, отчасти, Северного Афганистана 981/1573—1010/1601—1602 гг.

В третьем томе содержатся сведения о личности Акбара I и его дворе, о государственном устройстве Бабуридов, об административном делении страны, налоговых и иных поступлениях, о верованиях, о мировоззрении индусов и т. д. Данный том является как бы самостоятельным сочинением и более широко известен под названием «Айин-и Акбари» («Установления Акбара»).

¹⁰⁰ В «Муваккк ар-асхаб» Малека (рук. ИВ АН УССР, inv. № 58) на полях (л. 306а—306б) об отце и брате Абу-л-Фазла 'Аллами сообщаются следующие заслуживающие внимания сведения: его отец шейх Мубарак ибн Халир жил в Агре и преподавал в местном медресе. В самом начале правления Акбара недалеко обитали его в эрсе, а шейх был вынужден бежать из города. Случись некоторые время его репутация была восстановлена, он вернулся в город и продолжил преподавать. Он автор книг «Наф'ис ал-уййун лу халаф ар-саидан» и «Маннакидж ал-асхаб фи байан фала'ид раба' ал-асхаб». Выдающимся поэтом и ученым был старший брат Абу-л-Фазла 'Аллами шейх Абу-л-Файз (ум. в 1004/1596 г.). Его перу принадлежат также сочинения, как «Нал и Даман», написанные в бaire «Лейла и Меджнун», «Марказ-и даввар» — в бaire «Махалл ал-варар», «Судейман и Файксурс» — в бaire «Хосро и Шарна», «Хафт кашвар» — в бaire «Хафт бабар» и др.

¹⁰¹ Сектантское течение, основанное неким Мир Саид Мухаммадом (1443—1505), и широко распространенное в Индии в XV в. Махдом отвергал ортодоксальную религию и основанные ею феодальные порядки.

¹⁰² Был убит во время возвращения из Делана полковником наследником престола Джалаириром (1004/1605—1007/1628) лицом.

¹⁰³ Мы пользуемся, очень хорошо сохранившимися списками сочинения, хранящимися в ИВ АН УССР, inv. № 1345 (т. I), 841 (т. II) и 1721 (т. III).

Вследствие смерти Абу-л-Фазла 'Аллами хроника последующих лет правления Акбара, т. е. история 1010/1602—1013/1604 гг. осталась недописанной. Позднее эта часть была восполнена (по тому же плану, что и «Акбар-наме»; события в ней излагаются по годам) и известна нам под названием «Такмил-и Акбар-наме» («Дополнение к «Акбар-наме»»¹¹². Личность автора дополнения точно не установлена. По одному утверждению оно написано неким Инайталлахом ибн Музиб-б-Али, писателем и историком из Лахора (ум. 19 джумада I 1082/23 сентября 1671; по другим данным — в 1088/1677 г.), по другому — известным историком Шах-Джаханом (1037/1628—1068/1658) Мухаммадом Салихом Камбо, автором сочинения «Шах-Джахан-наме» (составлено в 1070/1659—1060 г.), по третьему — 'Абд-аз-Самадом ибн Афзал Мухаммадом, племянником и составителем сборника писем Абу-л-Фазла, известного под названием «Макаддима-и 'Аллами» («Перепишка 'Аллами»»¹¹³.

Сочинение Абу-л-Фазла 'Аллами дошло до нас в многочисленных списках (их свыше 60), хранящихся ныне в рукописохранилищах СССР, Англии, Франции, Индии и других стран¹¹⁴. Имеются также литографированные его издания, осуществленные в прошлом веке в Индии (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Сочинение переведено на английский язык А. Бевериджем, Эллиотом и Доусоном (т. I—II), а также Глоддином, Блошманом и Джарретом (т. III). Последний том неоднократно издавался (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Описываемые события в «Акбар-наме» изложены строго по годам, что делает его удобоиспользуемым. Другая, не менее важная, особенность данного сочинения состоит в том, что в своей основе оно базируется на официальных документах, записях и воспоминаниях очевидцев и участников происходивших событий, что, несомненно, делает его наиболее достоверным, ценным и незаменимым источником по истории этой некогда обширной страны.

Коротко остановимся на основных данных сочинения, проливающих дополнительный свет на историю Средней Азии XVI в.

Среднеазиатские историки XVI в. (Хафиз-и Таныш Бухари, Мухаммадйар ибн Араб катан, Султан Мухаммад ал-Балхи и др.) свидетельствуют, что на всем протяжении данного столетия (вплоть до 992/1584 г.) велась острая борьба между Тимуридом Сулайман-шахом, его потомками и Бабурядами (Хумайун, Камран и др.), с одной стороны, и Шейбанидами (Пармухаммад-хан, 'Абдаллах-хан II, 'Абд-аз-Му'мин) с другой, за Бадахшан, Хутталан, известного с начала XVI в. под названием Кулаб и граничавшего на севере с Каратеганом, на юге — с Амударьей, на западе — с Чаганианом, а на востоке — с Памиром. Абу-л-Фазл 'Аллами не только подтверждает сведения среднеазиатских историков, но и сообщает множество новых дополнительных фактов, свидетельствующих о неоднократных попытках вышеупо-

¹¹² Краткое описание ее см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 369—370.

¹¹³ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 369—370; Краткое описание о «Макаддима-и 'Аллами» см.: СВР АН УССР, т. I, с. 112.

¹¹⁴ О списках «Акбар-наме» см.: СВР АН УССР, т. I, с. 100—101; т. V, с. 53—56; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 369—370; *Rien Catalogue*, III, p. 929, 1031; *Ethn. Catalogue*, I, № 260, 268, 269, 261; Ivanov, *Carzen*, № 122, etc.

мянутых претендентов (в 941/1534—1535—953/1546 гг.) овладеть этими областями (т. I, л. 90а—90б, 97а, 98а—99б, 100а, 101а, 102а—105а и др.), о вмешательстве правителей Северной Индии в борьбу Сулайман-шаха и его потомков против Шейбанидов, выразившемся в вооруженной поддержке первых (т. II, л. 204б, 205б, 245а, 273а, 274б, 275б и др.). Занятый завоевательными войнами в Индии и поглощенный внутренним переустройством страны, Акбар не мог лично участвовать в этой борьбе и был вынужден смириться с потерей для себя этих областей, где с 992/1584 г. окончательно утвердился Шейбанид. Основное внимание после этого он уделял лишь тому, чтобы принаставить узбеков на рубежах Гиндукуша и не допустить их вторжения в кабульское владение. Однако ни у Абдаллах-хана, ни тем более у Абд ал-Му'мина для этого не было достаточных сил. Первый был целиком и полностью поглощен в эти годы (992/1584—1006/1598) борьбой против потомков Науруза Ахмад Барак-хана, правителями Ташкента и Туркестана, а второй — с сефевидскими заместниками Герата и Мешхеда. И поэтому Шейбаниды больше всего были озабочены сохранением безопасности балхского владения. В этих условиях обе страны стремились к установлению добрососедских отношений, к единству и союзу в борьбе против Сефевидского Ирана, притязавшего на Балх и Кандгар. Об этом свидетельствует, например, прибытие послов во главе с Мир Курайшом из Бухары и его переговоры с Акбаром, а также ответные визиты Хаким Хумама (в 993/1585 и в 994/1586 гг.) в Бухару и Балх и Ахмада 'Али аталыка (в 997/1589 г.) в Индию, о чем Абу-л-Фазл сообщает весьма подробные сведения (т. II, л. 231а, 238а, 266б и др.). Здесь же приводится полный текст послания Акбара Абдаллах-хану, отправленного в 994/1586 г. через Хаким Хумама и Садр Джахана (т. II, л. 235а—238а), представляющего несомненный интерес для раскрытия политических взаимоотношений обеих стран в далеком прошлом.

Чрезвычайно важно свидетельство Абу-л-Фазла о союзе Шейбанида Узбек-султана, правителя Хисара, с Сулайман-шахом и его внуком Хосров-султаном. Под 992/1584 г. описываются события, когда борьба между Шейбанидами и Тимуридами за Балахшан и Кулаб вступила в свою кульминационную стадию; Тимуридам удалось склонить на свою сторону Узбек-султана, с которым они заключили союз во время встречи на одном из островов Амударьи в 992/1584 г. (т. II, л. 205а—205б). Узбек-султан, согласно этому договору, направил войско из Хисара на помощь Сулайман-шаху (т. II, л. 205б).

Словом, «Акбар-наме» предоставляет в распоряжение исследователей истории Средней Азии большой фактический материал, значительно дополняющий сведения среднеазиатских источников.

МУСАХХИР АЛ-БИЛАД

(ПОКОРИТЕЛЬ СТРАН)

Малозвестный, но чрезвычайно ценный труд по истории Средней Азии XVI — начала XVII в., содержит богатый справочный и иной материал, восполняющий и конкретизирующий сведения дошедших до нас нарративных источников, в том числе и только что упомянутого «Шараф-наме-йи-шахн» Хафиз-и Таныша Бухари.

Время составления труда не указано, но, судя по тому, что последнее событие, описанное в нем, датируется 1014/1605 г., можно предположить, что написал он не ранее 1015/1605—1019/1610 гг.

«Мусаххир ал-Билад» вплоть до недавнего времени, точнее до появления краткого научного сообщения М. А. Салахетдиновой (см. раздел «Рекомендуемая литература»), оставался неизвестным. Правда, в свое время давнее сочинение привлекало к себе внимание К. Г. Залемана и Ч. А. Стори, однако ни точное название труда, ни его содержание ими не были установлены. К. Г. Залеман назвал его извлечением из «Шараф-наме-йи-шахи» Хафиз-и Таныша Бухари¹¹⁵, а Ч. А. Стори признал в нем самостоятельное сочинение под названием «Тарих-и Шейбани»¹¹⁶. Под таким же названием он значится и в «Собрании восточных рукописей АН УССР»¹¹⁷.

Об авторе «Мусаххир ал-Билад» известно лишь то, что он сообщает в своем сочинении. Согласно этим сведениям, его настоящее имя Мухаммадфар ибн Араб кататан; родился, вырос и достиг высокого общественного положения во времена правления Шейбанида Абдаллах-хана II (рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № С-465, л. 3а, 4а). По-видимому, пользовался и покровительством Аштарханида Баки Мухаммад-хана (1012/1603—1014/1605—1606), которого он возвеличивает эпитетами «его величество хакан, гордый, как Джамшид, могущественный, как Некандер, Абу-л-Газн Баки Мухаммад Вахадур-хана», «высокопоставленный падишах Абу-л-Газн Баки Мухаммад-хана», «отмеченный царством падишах Абу-л-Мансур Баки Мухаммад-хана» и т. д. (рук. ИВ АН УССР, инв. № 1505, л. 64б, 69а, 70а). Год смерти Мухаммадфара Ибн Араба кататана также неизвестен.

Согласно плану, приведенному самим автором во введении, сочинение должно было состоять из введения и следующих шести глав.

Глава первая: Шах Будаг-султан (сын Абу-л-Хайр-хана, основателя государства кочевых узбеков) и его потомки (Шейбани-хан, Махмуд-султан и их потомки).

Глава вторая: Кучкуджи-хан и его потомки, правившие в Самарканде.

Глава третья: Суйунч-ходжа-хан и его потомки, правившие в Ташкенте и Туркестане.

Глава четвертая: Ходжа Мухаммад-хан и его потомки до Абдаллах-хана II, правившие Мавераннахром.

Глава пятая: восшествие на престол 'Абд ал-Му'мин-хана и его продолжительное правление.

Глава шестая: достопримечательности Бухары, жившие в ней во времена автора шейха, поэты и ученые (рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № С-465, л. 4а—4б).

К сожалению, из-за дефектности обоих списков сочинения (об этом ниже) трудно судить, были ли написаны вообще две последние главы сочинения.

Списки «Мусаххир ал-Билад» очень редки. На сегодня известны только два его списка. Один из них хранится в рукописохранилище

¹¹⁵ Об этом см.: Умняков Н. И. «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и его последователи, с. 322.

¹¹⁶ Стори. Персидская литература, ч. II, с. 1127.

¹¹⁷ СВР АН УССР, т. I, с. 90.

ЛО ИВ АН СССР под инвентарным № С-465 (575 агf), другой — в ИВ АН УзССР (инв. № 1505).

Ленинградский список по сравнению с ташкентским значительно полнее (224 л.). В нем содержится введение и первые четыре главы сочинения, правда с небольшим дефектом — события в четвертой главе обрываются рассказом о завоевании 'Абдаллах-ханом Бадахшана (992/1584 г.) (рук. ЛО ИВ АН СССР, инв. № С-465, л. 214а—224а). Надпись в конце сочинения (л. 224б—225а), гласящая: «Сей список «Мусаххир ал-билад», содержащий рассказ об обстоятельствах управления государством и о заботящемся о благоденствии райята и слуг...», дает основание полагать, что последние две главы вовсе не были написаны и автор ограничился лишь хронологическими рамками «Шараф-наме-и шахи», хотя в тех местах, где излагается история того или иного шейбанидского султана — правителя отдельного улуса, события описаны значительно подробнее и «Мусаххир ал-билад» далеко выходит за рамки сочинения Хафиз-и Ташыша Бухари.

Что касается списка, хранящегося в ИВ АН УзССР, то он неполный и в этом отношении значительно уступает ленинградскому. В нем (состоит из 89 л.) отсутствуют введение, половина первой главы (повествование начинается с описания событий, происходивших в год вторжения Шейбани-хана и кочевых узбеков в Мавераннахр, т. е. в 904/1498-1499 г.), большая часть четвертой главы (сообщение обрывается здесь временем правления 'Аба ал-Амин-хана, сына Ибадаллах-султана, объявленного ханом в Балхе в 1005/1598 г.), а также пятая и шестая главы. На полях (л. 46а—52б) — фрагменты из «Сулук ал-мулук» Фазлаллаха Рузбехана. Данный список имеет еще и другие недостатки — лакуны на л. 9б—10аб, 11аб (подвергнуты реставрации), л. 13аб, 35аб, 36аб пострадали от сырости. Год переписки, как указано на полях (л. 78б), — 21 раби' II 1131/12 марта 1719 г.

Приведем основное содержание труда и перечислим обнаруженные в нем новые сведения.

Во введении (2б—8а)¹¹⁸ после традиционного словословия автор сообщает свое имя (л. 3а); приводит название своего сочинения (л. 4а), его краткий план и коротко излагает историю узбекского улуса во времена правления Абу-л-Хайр-хана (л. 4а—8а).

В первой главе (л. 8а—54а) описывается политическое положение узбекского улуса, т. е. восточной части Дашт-и кичика и Мавераннахра начиная с 80—90 годов XV в. до 916/1510 г. Данная часть «Мусаххир ал-билад» самостоятельного значения не имеет и, хотя на это отсутствуют прямые ссылки, можно предположить, что она целиком и полностью заимствована из «Хабаб ас-сияр» Хондемира, «Вабурнаме» Захир ад-Дина Вабура, «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинан, «Таварих-и гузде, нусрат-наме» и других сочинений. Тем не менее отдельные рассказы из этой главы вызывают определенный интерес, в частности следующие.

Оборона Балха от осаждавших его войск Шейбани-хана осенью 907/1501-1502 г. (л. 13б—15б); денежная реформа, проведенная Шейбани-ханом в начале 913/мае — июне 1507 г. (л. 25а); распределение Шейбани-ханом завоеванных стран в улуды между своими потомка-

¹¹⁸ По рукописи ИВ АН УзССР.

ми (л. 306, 38а—38б); обстоятельства сражения кочевых узбеков с кызылбашами под Мервом у селеньи Махмудбад в 916/1510 г. (л. 366—41а); союз Бабура с Сефевидами (союз этот был заключен при условии чекана монет с именем шаха Исма'ила, провозглашении хутбы и упоминанием в ней имени 12-ти шиитских имамов и шаха Исма'ила, а также насаждения шинизма в Мавераннахре, Хисар-и шадмане, Хутталане, Кундузе, Багдаде и других местах в качестве официальной религии) (л. 436—446); дальнейшая судьба потомков Шейбани-хана (Мухаммад Тимур-султана, Фулад-султана, Кукбури-султана, Хуррам-шах-султана, Суйунч Мухаммад-султана и других), правивших отдельными вилаятами Мавераннахра, Балха и Хорезма (л. 45а—45б); борьба между Шейбанидами (Убайдаллах-хана, Джамибек-султана и других) и Сефевидами в союзе с Бабуром за власть в Мавераннахре, Балхе и Хорасане в 916/1510—929/1523 гг. (л. 456—53а). Весьма ценные сведения заключены и о тюрко-монгольском племени ланчи (кочевали в те времена в окрестностях Карруха и Бадгиса), не упоминавшиеся ранее в других источниках, и кипчаках Гарчистана (л. 51б); некоторые детали из жизни 'Абд ал-'Азиз-хана (правил Бухарой в 951/1544—957/1550 гг.), Бурхан-султана, внука Убайдаллах-хана (правил Бухарой в 961/1554—7 ша'бана 964/6 июня 1557 г.) и др. О последнем, например, говорится, что он был жестоким и коварным правителем, казнил подданных из-за малейших проступков, умертвил, помимо Мухаммадфар-султана — своего соправителя в Бухаре, многих видных царевичей и эмиров (Хакмазар-оглана, Мамай-бий наймана, Халк Аман-бий дурмана, Кумиш-бия и других), окружил себя казми абаками, какими-то стрелками (гуфалондаа) и прочими «нечестивцами»; притеснял народ; в конечном итоге был умерщвлен заговорщиками, во главе которых стоял Мирза Ака-бий, сын Шайхм-бия кушчи (л. 536—54а).

Вторая глава (л. 54а—61а) посвящена Кучкунджи-хану и его потомкам (Абу Са'ад-хану, Султан Са'ад-султану, Джуванмард 'Али-хану и другим правителям Самарканда и области в 916/1510—997/1589 гг.). Здесь же повествуется о причине вражды, возникшей между Шейбани-ханом и его родственниками — удельными правителями (Кучкунджи-ханом, Суйунч-ходжей, Джанибек-султаном и другими). По словам автора «Мусаххир ал-Биллад», ею послужили беспечность и безынitiativeвность этих султанов в деле защиты владений Шейбанидов от набегов казахских султанов. Так, в пору отсутствия Шейбани-хана в Самарканде в 913/1507—914/1508 гг. (он вел войну против потомков Тимурида Султан Хусайна-мирзы в Хорасане) казахский Ахмад-султан, сын Джаниш-султана, систематически вторгался в Мавераннахр, грабил оседлые районы страны вплоть до Мийанкала и Самарканда и причинил большой ущерб населению Мавераннахра. После очередного грабительского набега на улусы казахских султанов в 915/1509 г., о чем нам уже приходилось говорить выше в разделе о «Михман-наме-йи Бухара», Шейбани-хан подверг наказанию Кучкунджи-хана, Суйунча-ходжу, Джанибека и других: Туркестан и область он отнял у Кучкунджи-хана, Ташкент — у Суйунча-ходжи, а Джанибек-султана лишил власти в Фергане и перевел в Мийанкал. Были наказаны и другие султаны (л. 54а—54б). Подобная политика в конечном итоге привела к недовольству последних, и вскоре, когда Шейба-

ни-хан был осажден кзылбашами в Мерве (в 916/1510 г.), гошцы, разосланные предводителем узбеков во все удельные владения с приказом прибыть с войском (Суйбунч-ходже со своими сыновьями Науруз Ахмадом и Кельди Мухаммадом из Ташкента, Ахси и Андижана; Кучкунджи-хану с Абу-Са'ид-султаном, 'Абдаллах-султаном и 'Абд ал-Латифом из Туркестана; Суйбунч Мухаммаду с войсками Кеша и Хузара, Мухаммад Тимуру с самаркандским войском, Джаннибеку с Мийанкала и др.), возвратились ни с чем. К Мерву подошел лишь один Убайдаллах-хан с войском из Бухары и то лишь к концу сражения (л. 38а—38б). Однако не это обстоятельство послужило главной причиной возникшей вражды. Султаны слишком самостоятельно чувствовали себя в своих уделах и больше заботились о своей независимости и личном благополучии, чем об интересах центрального правительства.

В третьей главе «Повеествование Суйбунч-ходжа-хана и положении детей и потомков этого высокопоставленного пашаха» (л. 61а—68а) заключены следующие сведения: о политическом положении Ташкента, Туркестана, Сайрама, Андижана, Ахсиета и Мийанкала в последней четверти XVI в. (л. 62б—66б и др.); о междоусобной борьбе между двумя ветвями Шейбанидов — домами ходжа Мухаммад-хана и Суйбунч-ходжи, продолжавшейся на всем протяжении XVI в. (сведения эти разбросаны по всему тексту); об узбекско-казахских взаимоотношениях в конце XVI — начале XVII в. (л. 64б, 65а, 65б, 66б и др.).

Большой фактический материал содержится и в четвертой главе «Мусахир ал-билад», посвященной потомкам ходжа Мухаммад-хана, в частности сыну его Джаннибек-султану и его детям (л. 68а—89б). Здесь описывается политическое положение Мавераннахра и Балха в 40—50-х и 90-х годах XVI столетия, осложненное возникшей враждой между 'Абдаллах-ханом II и 'Абд ал-Му'минном, сыном его и правителем Балха (990/1582—1006/1598), переросшей, подобно тому, как между Улутбеком и его сыном 'Абд ал-Латифом, тоже правителем Балха, осенью 853/1449 г. в открытую вооруженную борьбу. Начиная с осени 1597 г., сказано в «Мусахир ал-билад», 'Абд ал-Му'мин с балхским и бадахшанским войском стал лагерем на берегу Амударьи, а 'Абдаллах-хан, разместив свои основные силы в окрестностях Несефа (Карши), находился в Самарканде. Последним были вызваны со своими воинскими силами и удельные правители. Например, Узбек-султан, правитель Ахси и Андижана, был расквартирован тогда в Самаркандском тумене 'Алнабад. Хотя при посредничестве шейхов и улемов Бухары и Балха отец и сын прекратили вражду и заключили между собой нечто вроде мира, однако войска обеих противоборствующих сторон оставались на своих прежних позициях вплоть до смерти 'Абдаллах-хана, приключившейся в Самарканде (место его смерти указывается впервые) 2 раджаба 1006/8 февраля 1598 г. (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1505, л. 77б, 78а). Также более подробно, нежели в других нарративных источниках, освещено здесь политическое положение Мавераннахра и Балха в 1006/1598—1009/1601 гг. (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1505, л. 76б—77а, 77б, 78а и др.).

В сочинениях заключены и другие, дополняющие «Шараф-наме-ви шахи», сведения, раскрывающие политическую историю Мавераннахра в 980/1572—990/1582 гг. (л. 59а—61а).

Определенный научный интерес представляют и данные социально-экономического характера: об удельной системе; феодальных институтах *сморсад*, *тарханство*; налогах и повинностях: *мал*, *малу* *джухат*, *тазар*, *уарфа*, *лишкем*, *созурин* и др.; племенах и родах: *барлас*, *аргын*, *билькют*, *джалаир*, *дурлан*, *калмак*, *конгурат*, *кушчи*, *кипчак*, *арлат*, *рйшия*, *момлит*, *буркют*, *керант*, *катылам*, *ганчи*, *кызыл айак* и др. (сведения о них разбросаны по всему труду).

В сочинении содержится также сведения о географическом положении и в военно-политическом значении таких местностей, как Дарб-и ахалин (в данном источнике сообщается еще об одном названии этих знаменитых «ворот» в Илан ути — *Ташт чакчак*), Карангутаг (в Кашгаре), Рабат-и хаджа (в Самаркандском вилайете), Чарбаг махмудабдский (место гибели Шейбани-хана в 916/1510 г.), Кул-и Малик (в Бухарской области), Наука (укрепленная местность-крепость в Самаркандском вилайете), Мулькет (местность на берегу Сырдарьи), Уч-тепа (местность под Самаркандом), Пул-и Мираз (местность в окрестностях Карши) и др. (сведения о них разбросаны по всему труду).

Чрезвычайно интересны сведения данного источника о роли присырдарьинских каракалпаков в политической жизни ташкентского удела Шейбанидов и Аштарханидов. Из повествования автора следует, что они в союзе с казахскими султанами (Ишим-султаном, Бахадыр-султаном и другими), пользуясь отсутствием в Бухаре Абдаллах-хана II или нестабильностью внутривластического положения страны, провозглашали ханом кого-либо из представителей своего народа, и нарекали их именами давно уже умерших шейбанидских султанов. Например, в 986/1578 г. они провозгласили ханом лже Шайхим-султана, в 990/1582 г. — лже Барак-хана, а в 1013/1604 г., в пору правления Аштарханида Баки Мухаммад-хана, — лже Абд ал-Гаффар-хана.

Заслуживают внимания и сведения о шейбанидских султанах, правивших тем или иным удельным владением, изучение которых позволит исследователям глубже осветить политическое положение Ташкента в Туркестана, Балха и Куляба, Ура-тепе и Ферганы в далеком прошлом. В «Мусаххир ал-Билад» содержится также ряд ценных фактов о среднеазиатско-иранских и узбекско-казахских взаимоотношениях XVI в.

ТАРИХ-И 'АДАМАРА-ВИ 'АББАСИ

(ШИРОКОРАЗМАШЕННАЯ АББАСОВА ИСТОРИЯ)

Наиболее полное и широко известное сочинение по истории Ирана времен правления Сефевидов шаха 'Аббаса I (996/1588—1038/1628—1629 гг.) и первых пяти лет (1038/1629—1043/1633—1634) правления его преемника шаха Сафи I (1038/1629—1052/1642)¹⁰², составленное на основе официальных документов и придворных хроник, материалов устной информации очевидцев и участников событий и личных наблюдений самого автора. События в нем, подобно «Акбар-наме» Абу-л-

¹⁰² Этот перевод истории Ирана включен в добавление (*мелд*) к «Тарих-и 'Адамара-ви Аббаса», также принадлежащего перу Искандара-нуши (подробно о нем см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 189—193).

Фазла 'Аллами, изложены в хронологическом порядке строго по годам.

Состоит из традиционного введения (с. 1—5), трех томов и общего краткого заключения (с. 747—748).

Первый том (с. 5—274) составлен на основе более ранних сочинений, в частности «Хабиб ас-сияр» Хондемира, точнее четвертой части третьего тома его сочинения, «Лубб ат-таварих» («Сердцевина истории») Мира Файзи Казвини (1481—1555), анонимных трудов «Тарих-и шах Исма'ил-и Сафави», «Тавара-йи шах Тахмасп»¹²⁰, а также «Ахсан ат-таварих» Хасан-бега Румлу и др. В большей своей части компилятивна и поэтому самостоятельного значения не имеет. В нем приводится генеалогия шаха 'Аббаса I и описывается жизнь его предков: шейха Сафи ад-Дина Ардебилли (1252—1334), Садра ад-Дина Мусы (1334—1393), Султана 'Али (1393—1429), Ибрахима Шейх-шаха (1429—1447), шейха Джунайда (1447—1460), шейха Джа'фара (1460—1469) и шейха Хайдара (1469—1488), отца шаха Исма'ила I, основателя государства Сефевидов (907/1501—1502—1145/1732—1733), а также история правления представителей этой династии: Исма'ила I (907/1501—1502—930/1524), Тахмаспа I (930/1524—984/1576), Исма'ила II (984/1576—985/1577) и Султан Мулламада Худабанда (985/1577—996/1588).

Второй и третий тома «Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси» имеют самостоятельное значение.

Во втором томе (с. 274—445) изложена история Ирана первых тридцати лет (996/1588—1025/1616 гг.) правления шаха 'Аббаса I.

В третьем томе (с. 445—747) повествуется об истории страны за последние двенадцать лет (1026/1617—1038/1628—1629) правления шаха 'Аббаса I. Здесь же приводятся краткие сведения о знаменитых людях (везирах, ученых, поэтах, каллиграфов и др.) — современниках этого монарха и его предках.

Н. Д. Миклухо-Маклаем было установлено, что первые два тома «Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси» были завершены в 1025/1616 г., а третий — после 1038/1628—1629 г.¹²¹

Списки данного сочинения весьма многочисленны и представлены во многих собраниях СССР и зарубежных стран¹²².

Имеются и издания этого сочинения: литографированное (Тегеран, 1313—1314/1896—1897) и наборное (Тегеран, 1334/1956). Отдельные фрагменты изданы Б. Доржом (персидский текст) и В. В. Вельяминовым-Зерновым (персидский текст и русский пересказ)¹²³ (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Имеются также сокращенные переводы на русский язык некоторых его частей, опубликованных в отдельных сборниках (см. раздел «Рекомендуемая литература»), а также турецкий перевод, выполненный неким мударрисом Мухаммад Набихем-эфенди по поручению великого везира Ибрахима-паши (1130/1718—1143/1730—1731), хранящийся ныне в библиотеке музея Топкапы-сарая (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

¹²⁰ О них см.: Стори. Персидская литература, ч. II, с. 853—854, 857—858.

¹²¹ Миклухо-Маклаем Н. Д. Описание, вып. 3, с. 170.

¹²² О них подробно см.: Стори. Персидская литература, ч. II, с. 874—880.

¹²³ Vogt В. Mahammedanische Quellen zur Geschichte des südlichen Kaspienlandes der Kaspischen Meer, h. IV, Spb., 1858, s. 238—241, 510—514; Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Каспийских царях и царевичах, 2, с. 341—362.

«Тарих-и 'аламара-би 'Аббаси», как и вся феодальная историография, пронизан духом панегиризма и отличается раболепием перед шахом и его близким окружением, особенно перед вазир-и 'азамом Хатим-беком Ордубади (1000/1592—1019/1610) и его сыном и приемником Абу Талибом, при жизни которых наш автор из обыкновенного чиновника в 1001/1593 г. превратился в одного из дворцовых слуг (*муниiban*-и 'азам). Автор всамделиш возмост такие качества шаха 'Аббаса I, как благочестие, мудрость, справедливость, скромность и простота, которыми он в действительности не обладал, восхваляет битвы и победы шаха, якобы предопределенные его счастливой судьбой. Тем не менее, в сочинении содержится богатый и разнообразный фактический материал, позволяющий отнести его в разряд первоклассных источников и поставить в один ряд с такими выдающимися памятниками средневековья, как «Хабиб ас-сира» Хондемира, «'Абдаллах-наме» Хафиз-и Таныша Бухари, «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу, «Акбар-наме» Абу-л-Фазла 'Аллами и др.

Автор сочинения — Искандар-бек туркман, секретарь (*мунииб*) и приближенный шаха 'Аббаса I. О нем сохранились весьма скудные сведения. Судя по содержащимся в самом сочинении крохотным данным, он родился в 969/1561-1562 г.; до принятия на службу в верховный диван исполнял обязанности финансового чиновника, затем служил в диване инаша; в начале 995/1587 г. поступил на военную службу, по-видимому в качестве войскового писари (*лашкар ханис*) и принимал участие в военных походах шаха 'Аббаса I; начиная с 1001/1592-1593 г. вплоть до своей смерти (1043/1633-1634 г.) находился при дворе и, как уже было упомянуто, служил личным секретарем самого шаха.

Настоящее сочинение Искандара-муниша, в частности второй и третий тома, — важный источник по изучению истории ирано-среднеазиатских политических взаимоотношений последней четверти XVI — первых тридцати лет XVII в. Из содержащегося в нем материала следует, что в основе этих взаимоотношений лежала вооруженная борьба за Хорасан, протекавшая с переменным успехом. Бесконечные военные действия в этом районе с привлечением огромного количества войск с обеих сторон причиняли мирным жителям Герата, Мерва, Мешхеда, Исфара'ина и других городов Ирана, а также Андхуда, Шебергана, Меймене и Балха неисчислимые бедствия. Здесь же приведены копии многих посланий, которыми обменивались правители Бухары, Балха и Ирана (с. 307, 346—347, 374, 375, 389, 407, 412, 576—577, 692 и др.). Изучение содержащегося в сочинении материала позволит исследователям наиболее полно раскрыть ирано-среднеазиатские взаимоотношения в XVI — первой четверти XVII в.

«Тарих-и 'аламара-би 'Аббаси» Искандара-муниша значительно дополняет сведения таких исторических сочинений, как «Шараф-наме-би шахи» Хафиз-и Таныша Бухари, «Бахр ал-азар» Махмуда ибн Вали, «Мукииб-ханская история» Мухаммад Нусуфа-муниша и др. (о них см. ниже). В нем заключены следующие важные сведения.

Известно, что в 997/1589 г. отношения между 'Абдаллах-ханом II — верховным шейбанидским правителем Средней Азии, и его сыном 'Абд ал-Му'инном — наместником в Балхе и Бадахшане, резко обострились. Причиной тому, согласно сведениям среднеазиатских источников, послужило то обстоятельство, что 'Абдаллах-хан, овладев Гератом (в 997/1589 г.), отдал его не своему сыну, а Кулбаба кукельташу. Здесь

же, в «Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси» приводятся и другие, послужившие тому, причины: 1) письменный приказ 'Абдаллах-хана своим хорасанским наместникам (Кулбаба кукельташу, Динмухаммад-султану и другим) не повиноваться 'Абд-ал-Му'мину, а при удобном случае устранить его физически (с. 3); 2) поддержка им Нурмухаммад-хана, правителя Носы, Абишерда и Дуруна (с. 375—376) и подстрекательство его против 'Абд-ал-Му'мина и др. Борьба между отцом и сыном, продолжавшаяся в течение 997/1589 — 1006/1597 гг., изложена в сочинении весьма подробно (с. 374—381). Заслуживает внимания еще такой факт. 'Абдаллах-хан и Кулбаба кукельташ, опасаясь агрессивных действий со стороны 'Абд-ал-Му'мина, в начале 1006/1597 г. предприняли попытку заключить союз с шахом 'Аббасом. С этой целью в Исфахан с посылкой в даровании подарками прибыл бухарский посол (с. 374).

Здесь же приводится подробная биография и описывается деятельность Кулбаба кукельташа — видного государственного деятеля, поэта и мецената, игравшего большую роль в общественно-политической и культурной жизни Средней Азии XVI в. (с. 379—381).

Заслуживают внимания и сведения Искандара-мунши о политическом положении Средней Азии в годы правления последнего Шейбанида Пирмухаммад-хана II (1006/1598—1009/1600—1601), случайно спасшегося от кровавой расправы Абд-ал-Му'мина, убитой последним после захвата бухарского престола (с. 381—409).

Что касается рассказов автора о дальнейших событиях, происходивших в Хорасане (завоевание 'Абд-ал-Му'мином этого важного в военно-политическом и экономическом отношениях района, в частности таких городов, как Мешхед, Мерв, Герат и Балх), то они чрезвычайно ценны и важны для освещения истории Средней Азии, а также Ирана и Афганистана в далеком прошлом (с. 384—845).

Значительный интерес представляет и содержащийся в сочинении богатый фактический материал, освещающий политические взаимоотношения, существовавшие между Хорезмом и Ираном в XVI столетии (с. 277—278, 301, 306, 315, 319, 346, 348—349, 357 и др.).

БАХР АЛ-АСРАР ФИ МАНАКИБЕ АЛ-АХВАР

(Море тайн относительно доблестей благородных)¹⁰²

Энциклопедическое сочинение, содержащее сведения по основам классической астрономии (точнее астрологии), минералогии, растениеводству, ветеринарии, исторической географии и политической истории мусульманского мира с древнейших времен до середины XVII столетия.

Вплоть до начала XX в. труд оставался неизвестным и первыми сведениями о нем мы обязаны В. В. Бартольд, Г. Эте, А. З. Валидову и Н. Ю. Крачковскому (см. раздел «Рекомендуемая литература»), относивших его к сочинениям по всеобщей истории. Ныне, располагая всеми дошедшими до нас списками «Бахр ал-асрар», установлено, что список, с которым была знакома В. В. Бартольд, Г. Эте и А. З. Валидов — шестой том сочинения, посвященный политической

¹⁰² Другое название сочинения — «Бахр ал-асрар фи ма'рифат ал-ахвар» («Море тайн в познании доблестей благих»).

истории Моголистана¹²², Дашт-и кичака, Мавераннахра и, отчасти, сопредельных с последним стран Востока (Ирана и Афганистана) XIII — первой половины XVII в. С тех пор прошло много времени, однако изучение данного сочинения, в котором исследователи могли бы найти наиболее подробные и достоверные сведения о прошлом страны¹²³, за исключением двух небольших публикаций и перевода фрагментов из первого тома на русский язык (см. раздел «Рекомендуемая литература»), по-настоящему еще не начато.

Автор сочинения — крупнейший балхский ученый XVII в. Махмуд ибн Вали. Сведения о его жизни и научной деятельности чрезвычайно скудны. Мы располагаем лишь теми данными, которые заключены в самом сочинении. Согласно этим сведениям, родился он в Балхе в семье влиятельного сановника. Отец его эмир Мир Мухаммад Вали был родом из ферганского Касана (ныне центр Касансайского района Наманганской области УзССР), переехал в Балх в пору правления Шейбанида Пирмухаммад-хана (953/1546—974/1567). Автор сочинения и близкие его родственники были образованными людьми своего времени. Например, эмир Мухаммад Вали, отец ученого, был горячим почитателем известного ученого и поэта маулана Ака Шебергана (ум. в 1033/1624 г.). Сам он был весьма сведущим в области мусульманской юриспруденции (фикх), а также писал стихи под прозвищем Мир Хислат. Его дядя по отцу Мухаммад Пайанда (ум. в 1010/1601—1602 г.) служил в диване Аштарханида Баки Мухаммад-хана в Самарканде (правил Бухарским ханством в 1009/1601—1013/1605 гг.), а эмир Абу-л-Барий, брат Махмуда ибн Вали, считался знатоком фикха, тафсира и тибба (рук. биб-ки Индия оффис, л. 142а, 146б, 333б и др.). Точная дата рождения автора «Бадр ал-асрар» в сочинении не указана, однако приблизительно ее можно установить по следующим косвенным данным. Согласно высказываниям самого Махмуда ибн Вали, он, в возрасте 19-ти лет, стал миряком крупного ученого-хадисоведа сайида Мирак-шаха Хусайни и находился при нем в течение десяти лет (рук. ИВ АН УзССР, № 2372, л. 3б—4а), вплоть до самой смерти шейха, последовавшей в последний четверг месяца джумада II 1033/27 марта 1624 г. (рук. биб-ки Индия оффис, л. 336а). Отсюда нетрудно установить, что в услужение к Мирак-шаху Хусайни он поступил в 1023/1614 г. и, если в то время ему было 19 лет, то датой его рождения следует считать 1004/1595—1596 г.

Мирак-шах Хусайни был не только крупным ученым-хадисоведом, но и весьма сведущим в таких областях знания, как фикх и тибб. Будучи женатым на старшей сестре Махмуда ибн Вали (рук. биб-ки Индия оффис, л. 335а), он охотно делился знаниями со своим родственником и учеником. По-видимому, у Мирак-шаха Хусайни была богатая библиотека, ибо, как рассказывает Махмуд ибн Вали, находясь у него в услужении, ему удалось ознакомиться с множеством книг по истории, географии, литературе, хадису, фикху и другим наукам, среди которых он упоминает труды Ибн ал-Фавкха, Мухаддаса, Истаари, Каз-

¹²² Моголистаном в средние века называли северо-восточную часть Чагатайского улуса, включившего в себя Самарканд, Гийский край и Восточный Туркестан.

¹²³ Бартольд В. В. Цирконвал, с. 388.

внии, Бенакети, Вассафа, Рашид ад-Дина, Джувейти, Мархонда и других.

В начале шаввала 1034/ начале июля 1625 г., спустя год после того, как он оставил дом своего пира, Махмуд ибн Вали присоединился к торговому каравану и отправился в Индию и Сарандиб (Цейлон) с намерением «обозреть чудеса и диковинки [мира] очами мудрости» (там же, л. 389а). В Цейлон он, однако, не попал, а в Индии находившись в течение семи лет и посетил также города, как Пешавар, Лалор, Дели, Агра, Раджа-Махал, Голконда, Хайдарабад, Виджаянагар, Калькутта и Базар, о которых собрал весьма ценные сведения (там же, л. 288б—300б, 389а—408б).

После возвращения в Балх (20 мухаррама 1041/19 августа 1631 г.) он стал библиотечником (китабдар) Надр Мухаммад-хана (балхский хан в 1015/1606—1051/1641—1642 гг., вторично в 1058/1648—1061/1651 гг.; верховный бухарский хан в 1051/1641—1642—1055/1645 гг.) и целиком и полностью отдался научным занятиям. Год смерти Махмуда ибн Вали не установлен.

Махмуд ибн Вали был многогранным ученым. Крут его научных интересов охватывал историю и литературу, географию и растениеводство, минералогию и медицину. Кроме «Бахр ал-асрар» им написан ряд сочинений на этно-дидактическую, богословскую и поэтическую темы: «Рава'их-и таййиба» («Притные ароматы») ¹²⁷, «Мухаббат-наме» («Книга о любви»), «Наджме сакхи» («Яркая звезда»), «Рисала-йи Бахариш» («Книга о весне»), «Аллах-и Хусайни» («Хусайнова этика») и большой диван стихов, содержащий 50 тысяч байтов (рук. ИВ АН УССР, № 2372, л. 3б). К сожалению, перечисленные труды ученого не сохранились до наших дней.

Главное и весьма ценное сочинение Махмуда ибн Вали — «Бахр ал-асрар», написанное между 1044/1634—1050/1640—1641 гг. ¹²⁸ по поручению вышеупомянутого Надр Мухаммад-хана. Труд этот, как указано автором во введении (рук. ИВ АН УССР, № 2372, л. 4б—5б), состоит из пространного предисловия, заключения и семи томов (муджаллад), каждый из которых, в свою очередь, делится на четыре части (руки) ¹²⁹.

Первый том «Бахр ал-асрар» гео-космографического содержания и охватывает такие отрасли средневековой науки, как астрономия (точнее астрология), историческая география, минералогия, ботаника и ветеринария. Большую научную ценность представляют разделы, посвященные средневековой минералогии и исторической географии.

¹²⁷ По свидетельству самого Махмуда ибн Вали, труд был посвящен жизни и деятельности Марьян-шаха Хусайни (Бахр ал-асрар, рук. биб-ки ИАИИ оффис, л. 33а).

¹²⁸ Утверждение В. В. Бартольда о том, что события 1047/1637—1050/1640—1641 гг. описаны не Махмудом ибн Вали, а добавлены кем-то позднее (Деромонад, с. 388—389, прим. 7), необоснованно, ибо в другом месте (Бахр ал-асрар, рук. биб-ки ИАИИ оффис, л. 242б) говорится, что среди современников Надр Мухаммад-хана в его поездке в Булгару (в месяце рамазан 1048/январе 1639 г.) был и Махмуд ибн Вали (Бахр ал-асрар, рук. биб-ки ИАИИ оффис, л. 242а), который весьма подробно, буквально по дням, описал эту поездку. Следовательно, эти в другие события (последнее событие — отъезд хана Бухарского хана Исламулла из Балха, датированное серединой шаввала 1050/январем 1641 г.) также описаны Махмудом ибн Вали.

¹²⁹ Перечень всех томов в рукою см.: Сторя, Персидская литература, т. II, с. 1136—1137.

фрагменты из которых в переводе на русский язык с введением и комментариями опубликованы нами в Ташкенте (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Судя по приведенному в самом начале сочинения аннотированному оглавлению, II—VII тома «Бахр ал-асрар» охватывают всеобщую историю Востока со времен доисламских «пророков», древнеарабских и персидских царей до середины XVII в. Из их числа до нас дошел лишь VI том сочинения, посвященный истории монголов, Чингиз-хану, улусам Джучи и Чагатай и доведенный до 40-х годов XVII в.

На сегодняшний день мы располагаем шестью списками томов (I, VI) данного сочинения. Приведем краткую характеристику каждого из них.

1). Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 2372 (по палеографическим данным переписана в XIX в.)¹⁰⁰ представляет собой первый том «Бахр ал-асрар». Список неполный. Помимо двух первых руково, посвященных элементам (анасир) «воздух» и «огонь», отсутствуют еще несколько листов с конца введения (фатела) и с конца четвертого руково сочинения. Сохранившиеся части (III—IV руково) первого тома посвящены элементам «вода» и «земля» (всего 412 л.). Во введении (л. 1206—1366) содержится пространное рассуждение автора о форме Земли, движении небесных светил и об образовании всего сущего (мавжудат ва маълудат) из четырех элементов: огня, воздуха, воды и земли. Сущность (хакикат) каждого из них рассматривается, конечно же, с позиций идеализма.

В разделе «вода» (л. 143а—2086) автор приводит сведения о морях, океанах, портах (бандар) и их обитателях и в строгом алфавитном порядке дает описание рек, озер и родников мира. Его увлекают не столь чудеса и диковинки мира, что в частности, характерно для средневековой арабоязычной и персоязычной литературы (например «Аджа'иб ал-Хинд» Бузурга ибн Шахрийара, «Аджа'иб ал-маълукат» Закарии ибн Мухаммада Казвини и других полубогородочных сочинений), сколь практическое значение их в жизни человека.

В разделе «земля» (л. 2086—5326), состоящем из четырех самостоятельных частей, приводится описание стран и городов обитаемой части мира (руб'и маскун), горных массивов, драгоценных и полудрагоценных камней, различного рода славов, растений, животных и птиц.

Изложенный Махмудом ибн Вали материал в значительной степени компилятивен и заимствован в основном из книг арабоязычных и персоязычных географов: Ибн ал-Факиха (IX—начало X в.), Истахри (ок. 849—934), Ибн Хаукала (X в.), Абу Дулефа (X в.), Ра'куби (ум. в 896 или в 905 г.), Мас'уди (ум. в 956 г.), Салам Гарджумана (середина IX в.), Мукаддаси (947—ок. 1000), Ра'кута (ок. 1179—1229), Ибн Фадлана (ок. XII в.), Закарии ибн Мухаммада ал-Казвини (1203—1283), ал-Гарнати (ок. 1208—1274), Димшиши (1256—1327), Абу-л-Филаи (ок. 1273—1331) и «Нузхат ал-кулуб» Хамдаллаха Казвини (ок. 1281—1349), «Джавахир-наме» Мухаммада ибн Мансура (XV в.) и др. Однако было бы неправильным отнести труд Махмуда ибн Вали целиком в разряд компилятивных сочинений. Во-первых, как показали результаты исследований, в нем содержится оригиналь-

¹⁰⁰ Краткое описание ее см.: СВР АН УзССР, т. V, с. 71—73.

ный и ценный материал, накопленный автором в период его пребывания в Мавераннахре, Иране, Афганистане и Индии, а также посредством опроса купцов, путешественников и эмигрантов, прибывавших из Индии, Кашгара, Ирана, Бухары и других стран в Балх. Во-вторых, в «Бахр ал-асрар» (в частности в первом томе) содержатся цитаты из многих не дошедших до нас географических, исторических и лингвистических сочинений, как-то: «Манабег'ат-талиби», «Тузфат ал-гар'иб», «Бахр ал-хак'ик», «Ма'ани ал-албар», «Джавахир ал-зерар», «Бахр ал-джавахир», «Диван ал-забаражад ва' араб ал-зумуррал», «Расала-йи Малик-шахи», «Фарханг-и Ибрахим-шахи», «Камус ар-Раким», «Камус ал-фикх» и др. (л. 27б, 38б, 39б, 40б, 41б, 63а, 82а, 83б, 109б, 131б, 132б, 147а, 148а, 148б, 163а, 247а, 256а, 291б, 293б и др.).

Содержащиеся в первом томе сочинения сведения могут быть полезны историкам и географам, этнографам и геологам, ботаникам и филологам.

2). Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 7418 (419 л.). Согласно пометке, сделанной в самом начале труда (л. 4а), переписана в Ташкенте 23 зу-л-хиджа (1328/12 декабря 1910 г.; принадлежала Алахкулибеку, сыну генерала Джура-бека (1840—1906); включает 2—3-й рукописи VI тома «Бахр ал-асрар», т. е. историю улусов Чагатай и Джучи XIII—XVI вв. Повествование обрывается рассказом о выступлении Шейбанида 'Абд ал-Му'ин-хана из Балха на Самарканд после смерти отца, верховного бухарского хана 'Абдаллах-хана, последовавшей 2 раджаба 1006/8 февраля 1598 г. Список дефектный. Помимо первого рукописи (история Чингиз-хана), во втором рукописи отсутствуют еще 3—4 листа.

3). Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1385 (302 л.; по палеографическим данным переписана в XVIII в.)¹⁰²; содержит часть 2, 3-го рукописи VI тома. Повествование начинается с рассказа о вторжении Чагатайда Борак-хана (663/1265—668/1269—1270) в Хорасан в 667/1266—1269 г., его сражении с войском Ильхана Абака-хана (663/1265—680/1281—1282). При сопоставлении с предыдущей рукописью (инв. № 7418) установлено, что в ней с начала недостает 151 листа. Однако в отличие от предыдущей рукописи, зарегистрированной под инвентарным № 7418, здесь содержится заключительная часть — хатима, где повествуется о тюрко-монгольских племенах (л. 276а—287а), церемониале, имевшем место при дворе балхского правителя Аштарханида Надр Мухаммад-хана (л. 287а—288б), а также описывается путешествие Махмуда ибн Вали по Индии (л. 288б—300б). С конца недостает еще нескольких листов.

4). Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1375 (297 л.)¹⁰³ — копия предыдущей; переписана 25 октября 1933 г. покойным Ибадаллах-ходжа Адыловым (1872—1944), бывшим сотрудником Института по изучению восточных рукописей АН УзССР.

При составлении 2,3-го рукописи VI тома сочинения автор пользовался трудами своих предшественников: Рашид ад-Дина (1247—1318), Улугбека (1394—1449), Шараф ад-Дина 'Али Насаи (ум. в 1454 г.), Хафиз-и Таныша Бухари, Мирзы Мухаммад Хайдаря и др. Однако в сочинении Махмуда ибн Вали содержится материал, отсутствующий у вышеупомянутых авторов, в частности о периоде правления Джучи

¹⁰² Краткое описание ее см.: СВР АН УзССР, т. V, с. 73—74.

¹⁰³ Там же, с. 74.

и Бату-хана, об Ак Орде, улусе Чагатай, о политических взаимоотношениях улуса Джучи с улусом Чагатай и др. Значительный интерес представляет вторая часть данного раздела сочинения, где повествуется об основных политических событиях улуса Чагатай XIV—XV вв. При сличении материала этой части сочинения с историческим трудом Улугбека «Тарих-и арба'улус» (другое его название «Улус-и арба'ийи Чингиз») ¹²⁰ установлено, что сведения, содержащиеся в «Бахр ал-асрар», значительно полнее и подробнее, нежели в «Тарих-и арба' улус». Правда, полным списком последнего мы не располагаем, до нас он дошел лишь в сокращенной редакции, осуществленной в XVII—XIX вв. ¹²¹ По-видимому, во времена Махмуда ибн Вали существовал полный список «Тарих-и арба'улус», которым он и пользовался. Если это так, в чем не приходится сомневаться, то Махмуд ибн Вали в значительной степени заимствовал материал из «Тарих-и арба' улус» Улугбека, вследствие чего данная часть сочинения Махмуда ибн Вали представляет для нас несомненное значение и служит наиболее полным источником по истории Средней Азии, Казахстана и, отчасти, Ирана и Афганистана XIV—XV вв. Чрезвычайно интересно в описании церемониала, имевшего место при дворе узбекских ханов в XVI—XVII вв. Здесь же заключен богатейший фактический материал о государственном устройстве Шейбанидов и Аштарханидов, социально-экономическом и политическом положении Индия первой половины XVII в.

5). Список из частного собрания в Пешаваре (Пакистан) (см.: Хафиз Мухаммад Кухгадай-и «Тарих-и Мазар-и Шариф». Кабул, 1325/1946, с. 20—21).

6). Рукопись библиотеки Индия оффис (инв. № 575, 409 л.). Прижизненный список — копия с автографа, исполненная неким Шах Касимом специально для библиотеки медресе Надр Мухаммад-хана в Балхе. В данном списке заключен четвертый раздел (руки) VI тома «Бахр ал-асрар» — наиболее оригинальная часть сочинения. Остановимся на ней более подробно.

Во введении (л. 16—8а) речь идет о причине и времени составления четвертого руки «Бахр ал-асрар», приводится подробная генеалогия Тукай-Тимуридов, т. е. Аштарханидов или Джанидов. Рассказ сопровождается кратким историческим экскурсом в историю улуса Тукай-Тимура и его потомков XIII — начала XVI вв.

В первой части повествуется об основных политических событиях, происходивших в Золотой Орде, в частности в улусах Тукай-Тимура и его потомков, Шейбанидов и Мангытов в XIII — начале XVI в. (л. 8а—58б). Здесь же говорится о составе тюрко-монгольских племен, населявших Мангышлак, Поволжье и бассейн реки Эмба (мангыты, мангы).

¹²⁰ О труде подробно см.: Ахмедов В. А. Исторический труд Улугбека «Тарих-и арба'улус».

¹²¹ Известны пока четыре его списка, один из которых хранится в Англии, в Британском музее (инв. № ADD, 26190; переписан в XIX в.), один в библиотеке Индия оффис (инв. № 8106; переписан в 80—90-х гг. XVIII в.). Третий список (переписан в XVII в.), хранится в Банкпуре (Индия), а четвертый (переписан в конце XVII — нач. XVIII в.) — в библиотеке Гарвардского университета (HVA). Описание их см.: Ethe H. Catalogue..., I, p. 172; Rich Ch. Catalogue..., I, p. 184; Catalogue manuscriptorum in the Library of Bankipore, VI, p. 531; Афшар И. Нура-йи кати фарси дар китабхана-йи Давангари. Хараард, IV, с. 1—12; Ethe H. Catalogue, vol. I, p. 229—230.

уйраты, ушунты, келары, башкиры, маджары, сарай, ассон, кушты, джалаиры, найманы, буйраки, карлуки, арсуны и др.); описываются города и крупные населенные пункты Мангышлака (Сарайчик, Улуктурган и др.); указываются причины, вызвавшие уход Тукай-Тимуридов из своего улуса в Мавераннахр в период правления Шейбанида Кучкунджи-хана (916/1510—937/1530-1531).

Во второй части (л. 585—234б) подробно освещается социально-экономическое и политическое положение Средней Азии, Хорасана, Балха и Северного Афганистана в первой половине XVII в. Здесь же заключен ценный фактический материал географического и этнографического характера, как-то: о месте и роли кочевых племен (*дурматов, арсунов, бахринов, кари, ассон, ушунот, катаганов, калмыков, кушты, джалаиров, арлатов, буйраков, краштов, сараяв, алячи, найманов, консуратов, капелы, мангытов, уйратов, курама, утарчи, кипчаков, дурдах, тубан, кеметсов, клов, келечи, дабу, узлов, хитов, мугалов, куля айапы, кука араб, маджаров, куш айапы, мимов, кибатов, ширим, буйлачи (булгачи), фулаичи, уйсуров, шабайат, меситов, маригов, краган, тюрков и др.) в общественно-политической жизни страны, военном строе войска узбеков, административном устройстве государства Аштарханидов, центральном государственном аппарате, о чинах и званиях, как военных, так и гражданских, а именно: *диван-беге, диван-беге-ди хассе, вазыр, атаман, мим-агасы, конбеге, конбеге-ди кулл, парваначи, мирахур, миратур-и бузурге, махрам, мехтар, казыначи, накиб, ра'ис, кази, кази аскар, кази алтибар, мирза-бачи, сабр, шайхульислам, муфтий, китабдар, китабдар-и хассе, мираб, карн, хатиб, кафия, мунаджим, бакаул, бакар-и бузурге, дастарханчи, шишау, кашчи-бачи, аргачи, шукурчи, амир-и сабаджат, башли-и туманат, амир-и казар, бадхал, чухра-агасы, караул, караул-беге, гаваджи, джарчи, туб-беге, тупчи-бачи, курчи, курчи-бачи, туксаба, кутвал, басар-бачи и др. Большой интерес представляют также сведения о политических взаимоотношениях Средней Азии с Индией и Ираном в конце XVI — первой половине XVII в.**

В третьей части (л. 235а—277а) излагаются сведения о Средней Азии и Северном Афганистане, относящиеся к 1047/1637—1050/1640-1641 гг., из которых, на наш взгляд, важнейшими являются следующие: о роли грабительских набегов в жизни феодального общества Средней Азии; порядке распределения военной добычи; посольских связях Бухарского ханства с Индией и борьбе их за Хазареджат и Бадлахшан; степени зависимости Балха от Бухарского ханства; налогах и повинностях, взимаемых от податного населения, в частности о пшенише и его размерах; переселении 12 тысяч киргизских семей из Каракорума и Келурана через Каратеган в Хасар в 1045/1635-1636 г. и др.

В четвертой части (л. 278а—305а) автор приводит биографические и иные сведения о видных эмирах, сановниках, накибах и казиях.

В пятой части (л. 305а—374б) содержатся ценные сведения о достопримечательных местах (дворцах, мечетях, медресе, городских укреплениях, местах поклонений, садах и парках) Балха; шейхах, улемах и поэтах; системе орошения Балха и области и др.

В заключении автор повествует о тюрко-монгольских племенах (л. 375а—378б), церемониале (л. 387б—389а) и о своем путешествии по Индии в 1034/1625—1041/1631 гг.

ШАДЖАРА-ИИ ТЮРК

(ГЕНЕАЛОГИЯ ТЮРКОВ)

Социально-политическая история Хорезма XVI — первой половины XVII в. (завершена в 1074/1663-1664 гг.). Содержит новые сведения по генеалогии Шейбанидов, особенно той их ветви, которая, начиная с 918/1512 г., правила Хорезмом; об общественно-политическом положении узбекских и, в частности, туркменских племен.

Автор сочинения — крупный ученый-историк своего времени хивинский хан Абу-л-Гази (правил в 1054/1644—1074/1663-1664 гг.), перу которого, помимо упомянутого, принадлежат следующие сочинения: «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен»; закончено в 1071/1160—1161 г.), претерпевшее до настоящего времени два полных издания¹²⁵, и «Маафа'ал-нисан» («[Книга], приносящая пользу человеку») — небольшой медицинский содер­жа­ния трактат компилятивного характера¹²⁶.

Жизнь и деятельность Абу-л-Гази хорошо известны и достаточно полно освещены в научной литературе (см. раздел «Рекомендуемая литература»). Подробный рассказ о себе содержится и в IX главе сочинения историка (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 1110, л. 187б—208а), поэтому остановимся на них лишь в общих чертах.

Родился он в Ургенче в понедельник 15 раби' I 1012/ в среду 23 августа 1603 г. До 1028/1619 г. проживал в Ургенче, затем, потерпев поражение в междоусобной борьбе от Хабаша и Ильбарса, бежал вместе с братьями в Бухару и нашел приют у Имамкули-хана (1030/1611—1051/1641-1642). После провозглашения ханом Хорезма своего старшего брата Исфендияра (1033/1623-1624 г.), Абу-л-Гази возвратился в Хорезм и получил от него в удел Ургенч. В связи с беспорядками, вызванными кровопролитной борьбой между узбеками (во главе с Абу-л-Гази) и туркменами (во главе их стоял Исфендияр), закончившейся поражением перых (1036/1627 г.) и уходом основной части опоры, был вынужден вновь бежать из Хорезма. Прибыл он в Туркестан к Ишим-хану (сын Шигай-хана, казахского султана; умер в 1038/1628-1629 г.); спустя год был увезен в Ташкент Турсун-ханом и прожил там до 1040/1630-1631 г. Вскоре, по приглашению хивинских туркмен, Абу-л-Гази вновь прибыл в Хиву. Спустя шесть месяцев Исфендияр, обвинив его в нападении на Несу и Дурун, арестовал и отправил в Иран ко двору шаха Сафи' I (1033/1628-1629—1052/1642). В Исфахане он был заточен в крепость Табарек, где находился в течение 10 лет (с мескиа джумала 11 1039/ января — февраля 1630 по 1049/1639 гг.). Летом 1049/1639 г. Абу-л-Гази совершил побег и лишь в 1052/1642 г., после долгих скитаний и невзгод (два года жил в Абул-хане среди туркмен-теке и год в Мангышлаке среди калмыков), оказался в родной юрте. В 1053/1643 г., по прошествии года после смерти Исфендияр-хана, узбеки Арала провозгласили его своим ханом, а в

¹²⁵ Абу-л-Гази Базадур-хан. Родословная туркмен. Пер. А. Туманского. Астабад, 1893; Ковалов А. Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана де-туркмен. М.—Л., 1958.

¹²⁶ Краткое описание сочинения (рук. ИВ АН УзССР, инв. № 4107) см.: СВР АН УзССР, т. VII, с. 294.

1055/1645 г. ему удалось сломить сопротивление туркменской знати — бывших сторонников своего предшественника, и занять хивинский престол. В 1056/1646—1063/1653 гг. Абу-л-Гази жестоко расправился с туркменами Теджена, Бим-и Беурна, Атрека и Горгана и подчинил их своей власти; успешно отразил неоднократные нашествия калмыков рода Кешут в Тургаут на Хорезм в 1066/1655-1656, 1067/1656-1657, 1069/1658-1659 и 1072/1661-1662 гг.; воюя войска на Бухару и опустошил Каракуль, Чарджуй, Варданан и саму Бухарскую область. В 1074/1663-1664 г. уступил престол своему сыну Алуша-хану (1074/1663-1664—1098/1687) и уединился на покой с намерением заняться «делами поклоняющихся и благочестия, а если позволит жизнь, то посвятить ее борьбе с кизылбашами и калмыками» (л. 220а)¹²⁷. Умер Абу-л-Гази в месяце рамазан 1074/апреле 1664 г.

«Шаджара-йи тюрк» (известен также под названием «Шаджара-йи тюрк на могол» — «Генеалогия турков и моголов») стал популярным сочинением весьма скоро, спустя 50—60 лет после его завершения. Наука обязана этим длинному шведскому офицеру Табберту (последствии фон Страленбергу), обнаружившему рукопись в Тобольске в первой четверти XVIII в., с которой впоследствии были выполнены переводы на немецкий, французский (в 1726 г.), русский (В. Предьяковским в 1770 г.) и английский (в 1780 г.) языки¹²⁸. Интерес к «Шаджара-йи тюрк» был настолько велик, что в прошлом столетии он вновь был переведен на немецкий (Г. Я. Кером), русский (Я. О. Ярицевым и Г. С. Саблуковым), турецкий (Ахмедом Вефия-пашой), французский (П. Н. Демезоном) и другие языки¹²⁹. Сочинение Абу-л-Гази перешло и в более позднее время. Нам известны перевод Раза Нура на турецкий язык (в 1913 г.) и персидский перевод, выполненный для сардара 'Али Кули-хана Бахтияри (в 1935 г.). Однако научно-критическими можно считать лишь издания Г. С. Саблукова и П. Н. Демезона, не потерявших своего значения и по нынешний день (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Списки «Шаджара-йи тюрк» весьма многочисленны и хранятся в библиотеках Европы¹³⁰. В большом количестве они представлены и в Советском Союзе, в частности в собраниях Ленинграда и Ташкента. Например, только в собрании ЛО ИВ АН СССР их шесть, однако лишь один из них (В. 72, 202 л.; переписан в Ташкенте в 1237/1821-1822 г.) считается полным¹³¹. В рукописном фонде ИВ АН УзССР их пять, два из которых (инв. № 851; список переписан в Хиве в XVII в.; инв. № 11110; переписан в Хиве в 1350/1931 г. Ибрахимом Каландароглы) — наиболее полные.

Имеются и печатные издания «Шаджара-йи тюрк»: казанская литография 1824 г., перевод сочинения, на татарский язык на основе издания П. Н. Демезона (переводчик 'Абдаллах 'Алам Файзахан-оглы), опубликованный в Казани в 1891 г. Третье издание, охватившее от-

¹²⁷ Ковалев А. П. Введение к «Родословной туркмен», с. 8—18.

¹²⁸ Там же с. 23—24.

¹²⁹ Там же, с. 24; Стояк. Персидская литература, ч. II, с. 1184.

¹³⁰ О списках, хранящихся в библиотеках Германии, Англии, Франции и др. стран см.: Perle, Die Handschriften, p. 228—230; Eilen, Catalogue of the Turkish manuscripts, 202; Blochet, Catalogue des manuscrits turcs, I, p. 232. Краткое описание их см.: Слесарево турецких рукописей, I, с. 93—97.

¹³¹ Краткое описание их см.: СВР АН УзССР, т. I, с. 71.

дельные фрагменты из четвертой, пятой, восьмой глав и девятую главу полностью, было осуществлено П. М. Мелниоранским на основе того же издания П. М. Демезона (см. раздел «Рекомендуемая литература») и рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов восточных факультетов.

Труд состоит из краткого введения (л. 1б—3а), где традиционно речь идет о причинах составления сочинения; обрывается временем завершения (1074/1663-1664) той его части, которая была написана самим Абу-л-Гази (события здесь оканчиваются поражением Абу-л-Гази от бухарских войск в 1644 г., которыми командовал Аштарханид Касым-султан, внук Надр Мухаммад-хана, и бегством его вновь на Арал) (л. 207а—208б) и следующих девяти глав: 1) от Адама до Могул-хана (л. 3а—6б); 2) от Могул-хана до Чингиз-хана (л. 6б—37а); 3) от рождения Чингиз-хана до его смерти (л. 37а—77б); 4) Угедей-хан и его потомки, правившие в собственно Монголии (л. 78а—86а); 5) Чагатай и его потомки, правившие в Мавераннахре (л. 86а—97а); 6) Тулуй-хан и его потомки, правившие в Иране (л. 97а—100б); 7) Джучи-хан и его потомки, правители Давит-и кичака (л. 100б—105б); 8) Шейбани-хан и его потомки, правившие в Мавераннахре, Сибирь, Крыму и Казахстане (л. 105б—110а) и, наконец, 9) потомки Шейбана, правившие в Хорезме (л. 110а—220а). Известно, что «Шаджара-и тюрк» вследствие болезни и смерти Абу-л-Гази остался незавершенным. Первые шесть глав и продолжение девятой главы, охватывающие события 1034/1644—1074/1663-1664 гг. были дописаны по поручению Ануша-хана неким Мазмулом ибн мулла Мухаммад Ургенджи (л. 208б—209б).

Среди источников, использованных авторами «Шаджара-и тюрк», — широко известный «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина и «Зафар-наме» Шараф ад-Дина 'Али Нездзи (л. 6б, 18а). Помимо них, как указано во введении, в распоряжении авторов были еще 18 томов книг, посвященных истории Чингиз-хана и его потомков (л. 2б).

Наиболее оригинальная часть «Шаджара-и тюрк» — девятая глава, освещающая социально-политическую историю Хорезма 918/1512—1074/1663-1664 гг. Ценный справочный материал (например, о праве наследования Шейбанидами Ак Орды, о сибирском ханстве Кучума, о значении курежа и коша (ставка), об обычаях подношения даров из девяти предметов и его сути и т. д.), содержащийся в сочинении, поможет исследователям уточнить даты отдельных исторических событий, глубже изучить обычаи, бытовавшие среди тюрко-монгольских народов и др. Сведения, заключенные в «Шаджара-и тюрк», позволяют установить истинность тех или иных событий. В качестве примера можно привести такой факт. В. П. Юдин¹⁰² и О. Ф. Акимушкин¹⁰³ высказывали мнение об унаследовании после смерти Абу-л-Хайр-хана (873/1468-1469) верховной власти в государстве кочевых узбеков Шейбанидом Падгар-ханом (генеалогия его восходит к Шейбану в следующей последовательности: Падгар-хан — Тимур-Шейх — Хаджи Тули — Фулад-Минг-Тимур — Балакул — Джучи-Бука — Шейбан).

¹⁰² Материалы по истории казахских ханств, с. 48.

¹⁰³ Шах Махмуд ибн Мирза Фазыл турас. Хроника. Краткий текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 270.

При этом оба автора ссылались на стихотворную хроннку мудлы Шади «Фатх-наме». Так, В. П. Юдин писал: в «Фатх-наме» есть известия, не дублируемые другими сочинениями шейбанидского цикла. Можно указать, например, на известие о воцарении в степях Восточного Дагста и князика Падгар-хана после смерти Абу-л-Хайр-хана. Это сообщение в «Фатх-наме» является оригинальным. В дальнейшем об этом сообщают Абу-л-Гази в «Шаджара-йи тюрк ва могул» и Мунис в «Фирдаус ал-ибал»¹⁴⁷. В. П. Юдин справедливо отмечал, что иные сочинения, посвященные истории Шейбанидов, такого факта действительно не содержат. Прямое указание на это отсутствует и в упомянутом им сочинении Абу-л-Гази. В разделе «Приезд Муса-мирзы из Мангыта к Бурке-султану за помощью» говорится следующее: Муса-мирза был разбит казахским султаном Куджаш-мирош. После этого он, посоветовавшись со старейшинами Мангытского улуса, привел в Мангыт Падгар-хана, который был подбит на белом войлоке, а Муса-мирза был объявлен великим беком (улуг-бий). Затем Муса-мирза и Бурке-султан выступили против Куджаш-мироша и нанесли ему поражение. «Спустя несколько лет после этого события, — продолжает Абу-л-Гази, — Падгар-хан умер, после него умер и Абу-л-Хайр-хан» (л. 114б). Как видно, здесь и речи нет о том, о чем говорил В. П. Юдин и О. Ф. Ахимушкин. Более того, Падгар-хан не унаследовал власть у Абу-л-Хайра (преемником его, как известно, стал шайх Хайдар-хан), а лишь короткое время считался ханом в улусе Мангытов где-то на р. Эмба и умер еще до Абу-л-Хайра.

В «Шаджара-йи тюрк» заслуживают внимания следующие сведения, представляющие в распоряжение исследователей ценный фактический материал по социально-экономической и политической жизни страны в далеком прошлом.

Хорезм, как известно, древний очаг мировой цивилизации. Благоустроенными еще во времена Абу-л-Гази были, например, такие городокрепости Хорезма, как Вазир (расположенный на расстоянии шести багачей к югу от Ургенча¹⁴⁸), Тарсак, Панги-шахар, Булдумсала, Багабад, Кат, Дарун, Кумкент (был расположен к востоку от Вазира на расстоянии одного фарсаха), Миздахкам, Даруган-Ата, Бакирган, Хас-Минара, Иср Махмуд-Ата, Чиланк и др. (л. 118б, 119б, 120а, 121а, 122а, 125б, 129б, 131б, 135б, 136б, 138б, 141б, 142б, 146а, 151а, 159б, 161а, 163а, 164а, 169б, 171б, 178б, 206а и др.). Благоустроенной тогда была и вся территория от Ургенча до Абулхана. «В то время, — свидетельствует Абу-л-Гази, — идти от Ургенча к Абулхану значило идти от одного аула к другому, ибо тогда Амударья, пройдя мимо подножия крепости Ургенч, направлялась к восточному краю гор Абулхана; дойдя до подножия гор, текла с юго-запада на запад: доходила до Огурча¹⁴⁹ и впадала там в Мазандаранское море¹⁵⁰. И еще: «По обоим берегам реки, [от Ургенча] до Огурча, были пашни, виноградники и деревня. На возвышенностях строили чигиры. Во времена оводов и ко-

¹⁴⁷ Об этом подробно см.: Ахмедов Б. А. Государство конных тюрбов, с. 64. *Бага* — не определенная мера расстояния; равняется, по-видимому, 6—7 км.

¹⁴⁸ Местность, расположенная южнее впадения Амударьи в Каспийское море (Бартольд В. В. Сведения об Аральском море. Соч., т. III. М., 1902, с. 64, 66, 249—250).

¹⁴⁹ Одно из многочисленных названий (Галльское, Табаристанское, Джурджанское, Хорасанское, Абескуновое, Дербендское, Хальзинское и др.) Каспийского моря.

маров народ уходил к колодцам, расположенным на расстоянии одного-двух переходов (манзил), а после исчезновения их [свода] возвращался к берегам реки. Населенности и цветущему состоянию [этой территории] не было предела. От Пишгаала до (урочища) Кара-кичит оба берега реки заселяли [роды] Абаклы и Хизар-али; от [урочища] Кара-кичит до западных оконечностей Абулханских гор — Аям-зам; отсюда до места впадения реки в [Каспийское] море — народ гезири» (л. 126а—126б). По свидетельству автора, Амударья в Сырдарья ранее впадала в Каспийское море, а русла свои они изменили в 986/1578 г. (л. 159б)¹⁴⁷. Вот что написано у него об этом: «Река Амуйа, известная [также] как река Балх, Хорезм и Джейхун, протекала около старого Ургенча, доходила до восточных оконечностей Балханских гор и, поворачивая на запад от крепости (на Балхане), доходила до Отурча и впадала в Мазандаранское море, как и водоем (шахр) Халидж¹⁴⁸, известный под названием Кок-узун. В 986 г. х., во времена правления Хаджим-хана (969/1562—1011/1602. — Б. А.), река Амуйа пробила себе русло выше города Хас-Минара¹⁴⁹, в зарослях Кара айгыр, и, минуя крепость Тук, изменила свое прежнее русло.

Река Ходжент, которую называли также Сейхунум, тоже впадала в Мазандаранское море, вобрав в себя множество больших рек (анхар) Дашт-и кичака. В нее впадали Пангидарья и Кадан. Ее вода очень соленая. Много в ней больших и малых островков, в частности таких, как Тубак и Арал-Ата. На них можно увидеть много чудес; здесь обитают все водоплавающие. Город, который [когда-то] был одним из больших в Хорезме, находится под этим морем. Его каменные строения видны из-под воды мореплавателям» (л. 159б—160б). Из дальнейшего рассказа Абу-л-Гази мы узнаем, что после изменения русла реки воды Пангидарья и Кадана стали впадать в Арало-Сарыквинское озеро. Несмотря на это, Старый Ургенч все еще продолжал существовать. «За тридцать лет до нашего рождения, — продолжает Абу-л-Гази, — река Амуйа пробила себе [новое] русло выше [города] Хас-минара в зарослях, именуемых Кара-айгыр, и, минуя крепость Тук, стала впадать в море Сыр. По этой причине Ургенч залуствовал, но хан с войском оставался в нем, а летом все отправлялось к берегам реки Амуйа: занималась в пригодных местах земледельством, а после снятия урожая возвращалась [обратно] в Ургенч» (л. 187б).

Весьма ценные сведения содержатся в «Шаджаре-йи турк» о месте и роли туркменских феодалов в общественно-политической жизни Хорезма, а также о тяжелом и бесправном положении туркменского народа в годы владычества здесь Шейбанидов. Туркменские феодалы из рода таке, сарык и йомут на всем протяжении правления Насфидийар-хана (1032/1623—1048/1638) (л. 186а—185б, 192б) играли решающую роль в политической жизни Хорезма, а предводители кланов абах, ирсары и часть хивинских туркмен поддерживали устремления

¹⁴⁷ По словам Махмуда ибн Вали (Море таби, с. 19, 42) произошло это где-то между 1000—1020 гг. По-видимому, он имеет ввиду окончательное прекращение существования водосток этого древнего Ургенча.

¹⁴⁸ Так называлась водоем, расположенный, согласно ибн Русте, ниже озера Берабед (?) (Бартольд В. В. Сведения об Аральском море, с. 40, 51 и др.).

¹⁴⁹ Город, по сведениям Махмуда, находился на расстоянии одного перехода ниже Каты (Бартольд В. В. Сведения об Аральском море, с. 62).

Абу-л-Гази в его борьбе за престол (л. 199б, 206а, 205б, 206а). Простой народ был вынужден вносить в ханскую казну тяжелые налоги и поборы: зякат, мал, дахбак, мурерлах и др. В связи с этим весьма интересно следующее сообщение Абу-л-Гази: «Суфийан-хан¹²⁰ ежегодно направлял к большому родом по одному зякату, а к двум-трем малым родом — одного. Так поступил он и в этом году. Когда [собрались и] вышли в путь, подсчитали: их, как малых, так и великих [зякатчи], было сорок человек. Когда они пришли к туркменам и каждый заявил своим делом, туркменские молодцы стоворились и убили прибывшего в его род [зякатчи]» (л. 125б—126а). В ответ на это Суфийан-хан направил большую карательную экспедицию на Абулхан. Хивинские войска беспощадно грабили и уничтожали туркменские аулы *ирсары, салур, теге, йомут, сарык*. Лишь очень немногим удалось спастись бегством в безводную и труднодоступную степь и укрыться в местечке Чутак. Их жены и дети были захвачены в плен. Хивинский отряд осаждал местность Чутак в течение двух суток, но одолеть туркмен так и не смог. Только недостаток питьевой воды вынудил туркменских старейшин сдаться. Благодаря заступничеству Акатай, брата хана, они были помилованы, но обложены тяжелой данью — за каждого убитого зякатчи они уплатили хану по 1 000 овец. Ежегодный налог на них был определен в таком размере: от *ичи-салур* — 16 000 овец по зякату и 1 600 голов барана специально для ханского стола в качестве *дахбака*, который имевовали «казан куф». *Хасан-эли* и другим мелким родом по 10 000 овец в качестве зяката и 1 600 *казан куф*, роду *кукалан* — 12 000 овец в качестве зяката и 1 200 *казан куф*. Туркмены (колено Адаклы рода *Ламр-эли*, *Али-эли* и *тевочи*), обитавшие на берегах Амударьи и занимавшиеся земледелием, были обложены налогом *дахбак*. Кроме того, *тевочи* и *Али-эли* были принуждены вносить в казну налог мал, а колено Адаклы выполнять повинность *мурерлах* (л. 128а—128б). Как видно, жизнь туркмен была тогда нелегкой. С одной стороны, их жестоко эксплуатировали свои родовые старейшины, с другой — хивинские ханы. Примечательно, что в те далекие времена туркмены, особенно роды, заселявшие прибрежные районы Амударьи, наряду со скотоводством занимались и земледелием.

Большой интерес представляют сведения Абу-л-Гази о бухаро-хивинских политических взаимоотношениях XVI—XVII вв. Согласно этим сведениям, Шейбаниды Мавераннахра (Убайдаллах-хан, Науруз Ахмад-хан, Джуванмард Али-хан и хисарские султаны), воспользовавшись усилившейся в Хорезме междоусобицей, в 939/1532-1533 г. вторглись в Хорезм и на время овладели им (л. 137б—138б); во времена правления Хаджи Мухаммад-хана (965/1558—1011/1602) Абдаллах-хан II — правитель Бухары, трижды (в 1001/1593, 1002/1594 и 1004/1596 гг.) вторгнулся в Хорезм и лишь при последней попытке ему удалось подчинить страну (л. 160б—167б, 170б—172б). Номинальная зависимость Хорезма от Бухары существовала вплоть до восшествия на престол Абу-л-Гази (1054/1644 г.), при котором Хивинское ханство даже стало активно вмешиваться во внутренние дела Бухарского ханства, а Абу-л-Гази и его преемник неоднократно вторгались в пределы Бухарского ханства и подвергали грабежу его юго-западные районы.

¹²⁰ Правил в 931/1525—942/1535-1536 гг.

В «Шаджара-йи тюрк» содержится новый материал о систематических нападениях на Хорезм калмыков и янских казаков. В исторической литературе упоминается, например, о набеге в 1603 г. янских казаков на Хивинское ханство под предводительством атамана Нечая и разграблении ими его столицы — Ургенча¹²¹. По сведениям же Абу-л-Гази, янские казаки из Кош-Янка числом 1000 человек, поднятые атаманом Аборкниным, вторгались в Хорезм еще в 1602 г., спустя шесть месяцев после восшествия на престол Араб Мухаммад-хана (1011/1602—1023/1614) (л. 174а—175а).

Небезынтересны сведения Абу-л-Гази и о порядке выдачи войску продовольствия в фуража (*мааш ва улафа*), распределении военной добычи, передачи собранного налога властям на откуп, о денежном обращении и др. (л. 151а, 152б, 167б, 178а).

ДАСТУР АЛ-МУЛУК

Сочинение этико-дидактического характера, содержащее, однако, немало важных сведений по истории Средней Азии периода последних лет правления Аштарханида 'Абд ал-'Азиз-хана (1055/1645—1092/1681) и, отчасти, его преемника Субханкули-хана (1092/1681—1114/1702). Составлено после 1107/1695—1696 г.

Автор «Дастур ал-мулук» — хорезмский ра'ис¹²² Мухаммад Бака-ходжа, известный под прозвищем ходжа Самандар Термези. Скучные и отрывочные данные, собранные о нем из различных источников (из антологий Мухаммада Бада' Самарканди «Музакир ал-аслаб»: «Мулят ат-таварих» Мухаммад Амина Бухари и самого сочинения автора) М. А. Салахетдиновой — исследователем и издателем «Дастур ал-мулук» (см. раздел «Рекомендуемая литература») характеризуют ходжа Самандара Термези как одного из образованнейших людей своего времени: поэта, писателя, ученого-богослова и историка. Принадлежал он к семье шейхов из религиозно-дервишского братства Мир Хайдари; с детства был прощательным и устным; интерес к знаниям проявлял с самого раннего возраста¹²³. После завершения учебы ходжа Мухаммад Бака много путешествовал по странам Востока. Очевидно он, подобно многим другим знаменитым ученым средневековья, совершал путешествия для закрепления и расширения книжного образования. По-видимому, во время путешествий он претерпел очень много лишений и невзгод, ибо впоследствии писал: «Я же приобрел такой опыт, что пока буду жив, не помыслию о путешествии и по доброй воле не променяю счастье видеть друзей на страдания от мух на чужбине» (с. 71). О нем известно еще то, что он был современником двух аштарханидских правителей: 'Абд ал-'Азиз-хана и Субханкули-хана,

¹²¹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Спб. т. IX. М., 1937, с. 369; История Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1967, с. 209.

¹²² Чоконик, назначаемый в средневековой Бухаре главным законом (волеи эмир), в обязанности которого входило контроль за мерой веса и соблюдением мусульманских установлений шариата (см.: Семенов А. А. Бухарский трактат в чинах и минах и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. — СВ, т. V. М.—Л., 1948, с. 140, прим. 2.

¹²³ Музакир ал-аслаб, рук. ИВ АН УзССР, инв. № 3727, л. 67а.

Долгое время, по крайней мере до смерти последнего (1114/1702), был ра'исом валаята Несеф (Карши); принимал участие в военных походах этих ханов (например, в военном походе 'Абд ал-'Азиз-хана против вторгнувшихся в 1092/1681 г. в Бухару хивинских войск во главе с самим Ануша-ханом и в трех походах Субханкули-хана на Балх, предпринятых в 1097/1686, 1104/1693 и 1107/1696 гг.); выполнял отдельные дипломатические поручения последнего. Должность ра'иса, как об этом подробно говорится в самом «Дастур ал-мулуку» (с. 161—162), ходжа Мухаммад Бака из-за интриг со стороны отдельных, по всей вероятности влиятельнейших представителей упомянутого братства, был вынужден оставить, впоследствии уединился и занимался лишь научной и литературной деятельностью. Год смерти ходжа Самандара Термези не известен, однако, судя по тому, что другое произведение ученого «Анис ал-фукара» («Друг бедных») ⁶² датируется 1147/1734—1735 годом, можно предположить, что в 30-е годы XVIII в. он был еще жив.

Вопросы политической и, отчасти, социально-экономической истории Средней Азии последних тридцати лет XVII в. рассмотрены в предпоследней, двенадцатой главе «Дастур ал-мулуку». Политическая история Бухарского ханства периода Субханкули-хана в нарративных источниках освещена весьма слабо, поэтому приводимый ходжа Самандаром Термези материал может быть использован исследователями в качестве первоисточника. Материал этот в большей своей части оригинален и собран автором по свежим следам событий, очевидцем и непосредственным участником которых был он сам.

Большой интерес вызывают сведения, освещающие политические взаимоотношения двух среднеазиатских ханств: Бухарского и Хивинского в 80-90-х годах XVII в. В «Дастур ал-мулуку» значительно подробнее, нежели в других нарративных источниках («Мухим-ханская история» и др.), изложены, например, такие факты, как вмешательство хивинских ханов во внутренние дела Бухарского ханства и нашествие хивинских войск в 1092/1681, 1096/1685, 1097/1686 гг. в Бухару, Каракуль, Самарканд и другие районы Средней Азии, сопровождаемые грабежом и насильем над мирными жителями (с. 77—83, 89—94, 96—112). Благодаря приводимым ходжа Самандаром сведениям мы узнаем, что именно с этого периода, т. е. с 80-х годов XVII в. отчетливо намечаются признаки отпадения от Бухары самаркандского владения Аштарханидов, которое, как известно, произошло несколько позднее, в 1722 г. в связи с образованием в Самарканде самостоятельного ханства во главе с неким Раджаб-ханом. Успеху Ануша-хана как в 1092/1681 г., когда ему временно удалось завладеть Бухарой, так и в 1096/1685 г., когда хивинцы завладели Гиждуваном, Хазара и другими районами Бухары, а также год спустя, когда тем же Ануши были подчинены Самарканд и Шахрисабз, во многом способствовали продажность и двуличная политика самих аштарханидских эмиров — правителей отдельных областей и некоторых предводителей кочевых племен. Так, повествуя о первом нашествии Ануша на Бухару (в 1092/

⁶² Рук. ИВ АН УССР, инв. № 277/V (л. 76а—108б). Наличие этого сочинения было установлено нашей ученицей М. Г. Каримовой (см.: Каримова М. Г. «Мазлар ал-аввал» Мухаммад Аниса как источник по истории Бухары середины XVIII в. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1979, с. 11).

1681 г.), автор «Дастур ал-мулук» констатирует: «Именные и знатные люди Бухары вместе с великими эмирами, а также приведенные в замешательство [мужи] этой страны в силу сложившихся обстоятельств теперь пришли к Ануша-хану и были приняты [ним]. [В их числе были также] Мухаммад Бахр-ходжа и казий эмир Насир» (с. 80). Приведем еще одно свидетельство ходжа Самандар Термези. Подстрекателем второго нашествия Ануша-хана в пределы Бухарского ханства (в 1096/1685 г.) был Ходжамкули-бий утарчи, правитель Самарканда, который, опираясь на многочисленное племя *хатай-хивинское*, подвигая мятеж и отказавшись повиноваться бухарскому правителю. Более того, захватив Касан, расположенный между Бухарой и Карши, он устроил повальный грабеж в подвластных Несефу селениях и, наконец, невзависть его дошла до того, что он был на приеме у ургенчца и [угворил его] выступить из Хорезма» (с. 89). В апреле 1586 года тот же Ходжамкули вновь привел Ануша-хана к стенам Самарканда, «встав на путь вражды [с Субханкули-ханом], стоюко повинования пошел к ургенчцу и паккнул на шею воному служения» (с. 98). Так же поступали правитель и зять Шахрисабза, «Поскольку невеста самаркандской власти без всякого смущения подвизала покрывало с лица перед взором Ануша-хана, — повествует ходжа Самандар Термези, — то он, воображая, что достиг полного счастья и славы, направился в прелестный Кеш. Не успел Ануша-хан выступить из Самарканда, как некоторые веселые смельчаки, лишь увидев его знамена, выступили из Шахрисабза и пошли навстречу тому ничтожному человеку Беккули-бию — предводителю войска тиранов, и ввели [его в город]. ...Знатные и именные люди [города] ...отступили перед хорезмийцами» (с. 101). Приведем также характеристику, данную автором на несефского казиря Бади' (к нему мы еще вернемся несколько позже, который «растоптал свое доброе имя стоюко отступничества» и тайком направил Ануше в Самарканд письмо следующего содержания: «Пока павали власти Ануша-хана украшает пер самаркандцев, попугай моей природы не усладит рот [своей] души в сахарном тростнике другого лица. Если августейшая особа — шах Хорезма, подобно финику счастья, бросит тень на мою голову, мое сердце не будет пленником благоденствия другого лица, и исполню [по отношению к Ануша-хану. — Б. А.] условия изъявления покорности» (с. 102).

В «Дастур ал-мулук» приводится множество примеров следующего содержания: хивинские войска «предали огню грабежа» захваченные ими районы Бухары; в их руки попало «столько богатства и скота, что счетчик воображения оказался бы бессильным сосчитать это, а прозорливый ум был бы изумлен их числом» (с. 79, 100 и др.).

Подробностью отличаются сообщения автора «Дастур ал-мулук» об освобождении в 1100/1689 г. Бала-Мургаба от владычества Сефевидов (с. 126—133). Известно, что этот округ, ранее подвластный Балху, был отдан Надр Мухаммад-ханом иранцам в 1648 г. за вооруженную помощь, оказанную ему тогда Сефевидским Ираном¹⁰⁶. Процесс этого крупного военного мероприятия: маршрут продвижения войск; имена бухарских и балхских военачальников; события, связанные с

¹⁰⁶ Подробнее см.: Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая полв. XVIII в.). Ташкент, 1982, с. 119, 204—205.

осадой и взятием Бала-Мургаба аштарханидским войском под предводительством эмира Гашбназар-биа освещен весьма подробно. Заслуживают внимания и сведения автора «Дастур ал-мулук» о состоянии крепостных укреплений Бала-Мургаба и запасах его защитников — провиантом и фуражом (с. 127—128), а также об участии в осаде крепости наряду с войском и грабителей (пленные), которые, по всей вероятности, пришли вслед за войском из близлежащих округов Балха.

Большую ценность представляют сведения хаджа Самандара Термези о тяжелом положении трудового народа и коррупции, процветавшей среди феодальной верхушки. Из его свидетельства известно, что 1100/1689 г. пришлось чрезвычайно засушливым, который «сделал око источников сухими, как глаза жестоких и наглых. Из груди матери-облака падали [только] капли обжигающего молока в рот испытывающих жажду на толькое земли. Вода в больших реках от бессилия, как рука сирот, не доходила ни до какого места... От жары, от сильного зноя посевы земледельцев стали похожи на отсохший навоз и были снесены ветром небытия» (с. 133—134). Не только это. Люди страдали также от бесконечных войн и тирании ханских слуг. Вот что читаем об этом в «Дастур ал-мулук» (с. 134): «Из-за сильной тирании прежних правителей, от пагубного действия вредителей полей (дешмарат-и араб) земледельцы начали бежать [из насиженных мест]. Особенные бедствия причинило прохождение многочисленного войска и следовавшие друг за другом бераты¹²⁴, ставшие серьезной причиной упадка земледелия и [послужившие] поводом к расселению населения».

В сочинении хаджа Самандара Термези встречается немало примеров, изобличающих коррупцию и бесчестье не только отдельных должностных лиц, но и самого хана. В этом отношении весьма характерны приведенные хаджа Самандаром два эпизода из жизни упомянутого нами выше несефского судьи кази Бади'. В одном из них говорится о тяжбе двух бедных каршинцев, возникшей из-за осла, и о том, как разрешил этот спор кази — он выдал обоим по пять таньга, а осла оставил себе (с. 173—175). В другом — о том, как кази обесчестил свою служанку и когда она родила ребенка, объявил: «Это несчастье [свыше] дано не мне, его [должен] усыновить [мой сын] хаджа На'кубу» (с. 177). О его подлой натуре нам уже приходилось говорить выше. На сей раз он отделался легким испугом. Сунув солидную взятку близкому к окружению хана, да и ему самому, кази Бади' избежал топора и более того, сохранил высокую должность. «После того, как все цветники валаветов Мавераннахра были очищены от колючек тирании хорезмийцев, — говорит хаджа Самандар Термези, — кази [Бади'] с помощью взятки и подкупа из угрожающего гибелью моря недружелюбия [хана] добрался до берега спасения и благожелательства [хана]; его достоинство стало покрывалом его проступков» (с. 163).

В «Дастур ал-мулук» содержатся ценные сведения и по этническому составу узбеков XVII в. Здесь приведены данные о следующих племенах, населявших в XVII в. территорию Бухарского ханства: *кырант, аст, сарай, кичак, джальмар, койлон, утарчи, лигай-кичак, комурат, кулак [абаки], дурман, кагаган, буз, мимл, арсул, кият, бабу* и др. (сведения о них разбросаны по всему труду). В отдельных

¹²⁴ Письменное распоряжение хана, выдаваемое должностному лицу и предоставляющее ему право взимать налог или фураж с определенной территории.

случаях он указывает и на районы расселения этих племен (с. 107, 118, 144 и др.), повествует о их роли и месте в общественно-политической жизни страны. В этом отношении характерен следующий эпизод, приведенный ходжой Самавдаром Термези из жизни Искандар-бия сарай, переметнувшегося в 1092/1681 г. на сторону Ануша-хана. Когда после всего этого он явился к 'Абд ал'Азиз-хану, то последний против него ничего не смог предпринять. «Его величество, — говорит наш автор, — намеревался поступить с ним иначе, однако на троне правления в крепости Каракуль восседал Аллахяр-бий, а в Чарджуе исполнял его власть Гайбназар-бий; [хан] подумал о том, как бы эти два военачальника из [племени] сарай, узнав о его намерении, не подняли бунт, а это было бы плохо как для [дела] государственных, так и военных» (с. 84). Предводители племени сарай занимали ключевые позиции в государстве Аштарханидов и при Субханкули-хане. Например, вышеупомянутые Аллахяр-бий и Гайбназар-бий исполняли должности аталыка и главнокомандующего ханским войском.

Ценны сведения «Даустур ал-мулук» и в изучении административного устройства государства Аштарханидов. Большой интерес представляют, например, содержащиеся в нем факты о таких чинах и званиях, как *дишан-беги*, *ларсаначи*, *кошбети*, *аталык*, *нахш*, *вазир*, *дафтардар*, *мирахур*, *шылау*, *туксоба*, *дабтах*, *иник-ага-бани*, *чухра-агасы*, *курчи-бани*, *удайчи*, *кутова*, *нахш-манал*, *мираз-бани*, *шейхулис-лая*, *казий*, *китабдар*, *вазау* и др. (сведения о них разбросаны по всему сочинению).

ТАРИХ-И МУКИМ-ХАНИ

(ИСТОРИЯ МУКИМ-ХАНА)

Чрезвычайно интересное и богатое разнообразным фактическим материалом сочинение, известное также под названием «Тазкира-йи Муким-хана» («Мукимханово жизнеописание»), повествующее историю Бухарского ханства, но в большей своей части историю полузависимого Балхского ханства со времени прихода к власти Аштарханидов (1009/1601) до смерти Субханкули-хана (21 раби II 1114/16 сентября 1702 г.).

Автор сочинения — Мухаммад Пусуф, сын ходжи Бака, о жизни и деятельности которого известно очень немного. Из сведений, содержащихся в самом сочинении (с. 34, 190, 198 и др.), видно, что он был одним из образованнейших людей своего времени и состоял на службе при дворе в должности личного секретаря (*мукима*) балхского хана.

К составлению своего труда Мухаммад Пусуф-муни приступил после восшествия на балхский престол Аштарханида Мухаммад Муким-хана (в первый день джумада I 1109/15 ноября 1697 г.) и закончил его после 1116/1704 г. Сразу же оговоримся, что в настоящем виде «Тарих-и Муким-хани» представляет собой первый том сочинения. По замыслу автора оно должно было состоять из двух томов, во втором томе которого должны были быть описаны последующие (после 1116/1704-1705 г.) события в Балхе и Бухаре. Он намеревался написать его в том случае, если «пламя [его] жизни не погасит провидительный ветер случайностей мира и резвого коня его дней не захле-

стает потоп волн моря небития» (с. 232). Словом, второй том сочинения так и не был написан и причиной тому послужили какие-то серьезные обстоятельства, по-видимому либо тяжелый недуг, либо смерть автора. «Тарих-и Муқим-хони» состоит из введения и трех глав.

Во введении (с. 37—49) кратко, в конспективной форме, на основе других источников повествуется история Алаикуми — легендарной прародительницы тюрко-монгольских народов, Тумина-хана — предка всемирноизвестного миролавователя Чингиз-хана и, наконец, история завоевания последним Мавераннахра, Балха и Бухаршана.

В первой главе (с. 50—71) также кратко и конспективно излагается политическая история Средней Азии при Шейбанидах¹²⁷.

Центральный и основной раздел сочинения — вторая глава (с. 72—186), в которой весьма подробно и обстоятельно описывается политическая и, отчасти, социально-экономическая история, духовная и культурная жизнь Балха и Бухары до начала XVIII века. Здесь же содержатся важные сведения о политических взаимоотношениях Бухарского ханства и Балха с Индией, Ираном, Турцией и Кашгаром.

Третья глава (с. 187—230) хронологически охватывает события 1114/1702—1118/1704 гг., т. е. события, предшествующие началу враждебных отношений между Бухарой и Балхом и вооруженной борьбы между ними за Термез, Хасар и другие правобережные районы Амударьи.

Труд написан в духе панегиризма, в льстивой и угодливой манере, к тому же в нем местами пререпутана генеалогия (например, происхождение Аштарханидов, с. 72) и хронология отдельных событий (с. 73, 75, 82, 95, 127, 129). Тем не менее, в сочинении содержится ценный фактический материал, повествующий о тяжелом положении трудящихся масс, о деспотизме ханов и его окружения. Автор раскрывает картины тиранни ханов, эмиров и сановников, грабежа и насилия, совершавшихся над мирными жителями, коварство и злодеяние членов правящего дома и дворцовой клики. Все это, безусловно, позволяет отнести данное сочинение в ряд ценнейших источников по истории Средней Азии. Этим объясняется и широкая популярность «Муқим-ханской истории» не только в Средней Азии, но и в Европе еще в начале прошлого столетия. Достаточно сказать, что большая часть списков, хранящихся ныне в рукописных собраниях Советского Союза, Англии, Франции и других стран (их свыше 60)¹²⁸, переписана в XIX в. В 1277/1860-1861 г. сочинение было переведено на узбекский язык¹²⁹, частично на французский (И. И. Сенковский)¹³⁰ и русский (А. А. Семеновым, Н. Г. Маллицим) (см. раздел «Рекомендуемая литература»), получило положительный отзыв таких выдающихся ориенталистов, как Сильвестр де-Саси, Карл Риттер, Герман Вамбери, Ф. Тейфель и В. В. Бартольд. Словом, «Тарих-и Муқим-хони», как в свое время констатировал В. В. Бартольд, «долго время оставалась для европейцев единственным источником для истории Бухарского

¹²⁷ События доведены до смерти (июль 1598 г.) предпоследнего Шейбанида «Абд-ал-Муқим-хана».

¹²⁸ О его списках см.: Стари. Переизданная литература, ч. II, с. 1147—1148; Подробное описание труда см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, выд. 3, с. 300—307.

¹²⁹ Рукопись ЛГПБ, ПНБ—105.

¹³⁰ Senkowskij Supplement. St. Pbg., 1824, 132+24 в.

ханства»¹⁶¹. Труд полностью переведен на русский язык и издан с обстоятельным предисловием и примечаниями А. А. Семеновым (см. раздел «Рекомендуемая литература»).

Коротко останавлимся в важнейших сведениях из истории Средней Азии, содержащихся в настоящем труде Мухаммад Пусуф-муши.

Известно, что одной из главных причин упадка хозяйственной и политической жизни феодального государства послужило развитие удельной системы, что, свою очередь, привело к усилению сепаратизма, ослаблению ханской власти и еще большему усилению междоусобной войны, возникновению смуты и династических распр. Эта система, будучи применена «как способ объединить государство, навсегда привязать магнатов к трону и усилить таким путем королевскую власть, — писал Ф. Энгельс, — она, в конце концов, привела к полнейшему бессилию короны, к независимости магнатов и к распаду государства»¹⁶². Об этом в «Мухам-ханской истории» имеются весьма ценные сведения (с. 62, 104, 124, 160—162, 200—202, 221, 230). Приведем несколько фактов. Говоря о правлении в Балхе Шейбанида 'Абд ал-Му'мина (990/1382—1006/1398) именно в тот период, когда Бухарское ханство было сильным и централизованным, Мухаммад Пусуф писал: Он «в течение двадцати шести лет¹⁶³ был в Балхе на правах почти самостоятельного наместника» (с. 62). Аштарханид 'Абд ал-'Азиз (1055/1645—1092/1681) неоднократно предпринимал попытки ликвидировать независимость Балха, однако успеха не добился (с. 102). Более того, 'Абд ал-'Азиз с начала 70-х годов XVII в. был вынужден держать крупные силы на прибрежных укрепленных Амударьи, опасаясь вторжения балхских войск в пределы Бухарского ханства¹⁶⁴. Характерен в такой факт: балхский правитель Субханкули (1061/1651—1092/1681) в те годы заключил союз с хивинскими ханами Абу-л-Газиз и Анушой и поддерживал их грабительские набеги на Бухару и Самарканд. «В то время, — свидетельствует Мухаммад Пусуф-муши, — Субханкули-хан вследствие неприязни к своему брату побуждал Ануша-хана [к таким набегам]» (с. 104). Также поступил по отношению к Субханкули-хану (верховный бухарский хан: 1002/1681—1114/1702) и Сиддик Мухаммад — правитель Балха (1094/1683—1097/1686), когда в связи с очередным вторжением в пределы Бухарского ханства того же Ануша-хана Субханкули попросил оказать ему вооруженную помощь. Сиддик Мухаммад выступил на помощь с войском Балха и Баддахшана, однако дальше Келифа не пошел и, узнав о том, что хивинцы уже захватили Самарканд, повернул на Балх (с. 124). Таких примеров можно было бы привести великое множество, но и отсюда ясно, что зависимость Балха от Бухары была чисто номинальной. Правда, бухарским ханам, как, например, Субханкули-хану в 1096/1685 г., удавалось подавлять стремление балхских правителей к полной независимости, однако окончательного успеха они не имели.

Значительный фактический материал содержится в сочинении и о политических взаимоотношениях Балха и Бухары с Индией, Ираном,

¹⁶¹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Соч., т. IX, М., 1907, с. 439.

¹⁶² Энгельс Ф. Из рукописного наследия Ф. Энгельса. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 3-е изд., т. IV, с. 498.

¹⁶³ Ошибка; должно быть «шестьдесят».

¹⁶⁴ Наваз Борсу в Семейу Пазуханин, с. 60.

Турцией, Кашгаром и другими странами. Помимо материалов о посылках, в нем помещены копии посланий вышеупомянутого балхского хана 'Абд ал-Му'мина к турецкому султану Мураду III (982/1574—1003/1595), послание правителя Икди Аурангзеба (1068/1658—1118/1706—1707) к Субханкули-хану, письмо турецкого султана Ахмеда II (1102/1691—1106/1694—1695) к тому же Субханкули-хану (с. 63—68, 140—145, 155—158). Эти послания чрезвычайно важны и интересны для изучения и определения внешнеполитического курса этих стран.

Значительный интерес представляет и содержащийся в «Мухаммад-ханской истории» материал о хивинско-бухарских отношениях второй половины XVII в., в частности сведения о систематических набегах Абу-л-Гази и его потомков Ануши и Ирмак-султана на Бухару и Самарканд, о причиненных хивинским войском неисчислимым бедствиях (с. 103—104, 124—126, 147, 148). Эти отношения, начавшиеся грабительскими набегами, в конечном итоге привели к падению в Хорезме власти Шейбанидов и возвышению здесь с 1099/1688 г. новой династии — династии Конгуратов во главе с Ниязом ишик-ага-баши (с. 153).

Бесконечные и изнурительные войны еще более усугубляли тяжелое положение народных масс. В процессе этих войн целые районы подвергались повальному грабежу. Тысячи мирных жителей уводились в плен, мобилизовывались на принудительные работы на различные стройки ханов и сановников, испытывали жестокое обращение в период этих работ, когда их избивали насмерть или убивали на месте. «Мухаммад-ханская история» содержит об этом большой фактический материал (с. 68, 76, 80, 87—88, 102, 121, 128, 149, 202, 205 и др.). Приведем несколько примеров. «В это время (в 1061/1651. — Б. А.), вследствие [пронесен] зловерных интриганов, появилась шельм досады на зеркалах мысли обоих ханов (бухарского 'Абд ал-'Азиза и балхского Субханкули. — Б. А.) и [между ними] произошла распря. На этом основании 'Абд ал-'Азиз-хан, утвердив в ханском звании [Касим] Мухаммад-султана, послал его в Балхскую область. Тот, явившись туда с многочисленным войском, в течение сорока дней осаждал [Балх] и так разграбил и опустошил его окрестности и районы, что не осталось и следа от населенных мест» (с. 102). Далее: «И столько было перебито (события относятся к началу ноября 1703 г., т. е. повествуется о карательной экспедиции Махмуд-бий аталыка, предпринятой против конгуратов Термеза и его районов. — Б. А.) из этой заблудившейся банды [т. е. забунтовавшихся конгуратов], что и сосчитать невозможно. Их жены, дети и имущество попали в руки отважных мечебойцев за веру... [Однако] он не удовлетворился тем, что нанес конгуратам поражение и захватил их семьи; всюду, где были конгуратские аулы, всем им он отплатил кровью за кровь [своего брата 'Абдаллаха-дадха, убитого ранее в бою с конгуратами]. Остановившись в крепости Какайи, он послал оттуда во все стороны [свои] победоносные отряды. И они сделали то, что в той местности не осталось ни одного обитателя из [этого] племени» (с. 206). Далее: «Проявляя крайнюю энергию, он ('Абд ал-Му'мин. — Б. А.) в течение шести месяцев восстановил до самого основания разрушенную крепость Балх и притом такими мерами, что если, [например], работник ленился, то по ханскому приказу его вместо глины и кирпича закладывали в стену. И те-

перь еще видны там [в стенах] следы человеческих скелетов...» (с. 68). И еще: «Баки Мухаммад-хан (события относятся к 1011/1602-1603 г., т. е. описывается осада Кундуза. — Б. А.) распорядился, чтобы мастера подкожного дела [ночью] очистили от земли одну из крепостных башен и вместо земли насыпали бы [туда] порошу и затем, подожгли его, взорвали бы крепость... Через день камни и комья глины крепостной стены вместе с горящими частями тел людей взлетели на воздух. Войска ворвались в крепость и произвели [там] такое избиение, что ни одна душа из старых и молодых не осталась в живых» (с. 76). И еще: «Он (Шахбек кукельташ, аталик Надр Мухаммад-хана. — Б. А.) выстроил каменную стену с отверстием, куда помещали пару быков для наказания преступников. Приговоренным к смертной казни отрывали головы силой этих быков. За небольшой проступок людей бросали в котел с кипящим маслом. Он изготовил [также] железную машину, какую употребляют для чесания хлопка, заставлял класть на нее людей всеми членами, от головы до ног, и чесать [как хлопок. Словом], его тирания затмила дни [самого] Хаджажа» (с. 80). Далее: «В тот день (в день подавления Имамкули-ханом восстания в Ташкенте в 1045/1635 г. — Б. А.)¹⁰² до полуночной молитвы базар смерти был весьма оживлен и столетний старец шел по одной цене с годовалым младенцем. Число убитых превосходило границы всего воображаемого и представляемого... Случилось такое беззаконие, какое [само] время не помнит» (с. 87—88).

В сочинении имеются факты, свидетельствующие о несметных богатствах хана, султанов, эмиров и слоновников, накопленных ими за счет эксплуатации трудящихся масс. О состоянии самого Надр Мухаммад-хана написано так: «Из всех государей дома Шейбанидов и Аштарханидов не было равного ему по богатству и имущественному положению. У него под выюками насчитывалось шестьсот катаров¹⁰³ верблюдов; в его конюшне стояли восемь тысяч прекрасных лошадей, не считая тех, что ходили в табунах; число его одних лишь серых каракульских овец, помимо разного другого скота, достигало восьми — десяти тысяч голов. Известно также, что в [кладовых] его дворах имелись четыреста сундуков, наполненных французским оранжевым бархатом. По этому имуществу можно судить и о другом его богатстве» (с. 94).

Ценны также сведения Мухаммад Пусуфа-мушши об индийских ростовщиках, проживавших в Бухаре в XVII веке и занимавших целый квартал. Наглядным примером тому может послужить пространный рассказ автора о том, как однажды ночью, во времена Имамкули-хана, был украден сундук с драгоценностями у одного богача-индуса, проживавшего в квартале индусов (с. 84—86).

Труд содержит отдельные сведения о восстановительных и строительных работах, производившихся в Балхе и Бухаре в конце XVI—XVII в. Это были прежде всего городские укрепления и т. н. богоугодные заведения: мечети, медресе, ханак и мазары мусульманских «святых». Например, к концу XVI в. относится восстановление до

¹⁰² В «Мукни-ханской истории» (с. 87) ошибочно 1021/1612.

¹⁰³ По свидетельству А. А. Семенова («Мукни-ханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956, с. 260), в каждом катаре было от 10 до 100 верблюдов.

самого основания разрушенной крепости Балх, мазара ходжа Абу Насра Парса (ум. в 855/1460-1461 г.), портала ворот балхской цитадели, здания мазара ходжа Укша (сподвижник пророка Мухаммада; убит в период правления халифа Абубакра (11/632—13/634), чарсу Баба Джанбаза, здания мазара 'Али (35/656—40/661) в балхском селении Ходжа Хайран (ныне Мазар-и Шариф)¹⁸⁷ и др. (с. 68). Ко времени Субханкули-хана относится строительство медресе напротив упомянутого выше мазара Абу Насра Парса, соборной мечети и приемной с террасой внизу арка, большого сада Амнанабад возле арка, на его восточной стороне, и крепости посредине его и др. (с. 184). Много таких же зданий было водвинуто и в Бухаре. В их числе — медресе 'Абд ал-'Азиз-хана напротив медресе Марзы Улугбека, надпись на котором как с внешней, так и с внутренней стороны «написал по черку сулх муаллима Мухаммад Амин — единственный в своем роде [каллиграф], который, несмотря на слабость зрения, был опорой учителей каллиграфии...» (с. 109), водоем в районе регистана, своего рода лечебница (*дар ат-шифа*), где опытные врачи лечили больных [врачебными] питьями и пищей» (с. 184) и др.

Немаловажный интерес представляют сведения данного источника о таких чинах и званиях, как *дадлах*, *дыванбети*, *мирахур*, *токсаба*, *аталик*, *насиб*, *кошбети*, *куркельташ*, *мишик-ага-баши*, *маршаман*, *ходжа сарай*, *курчи-баши*, *дистархончи*, *мираб*, *мирнаб*, *бакаул*, *басаул*, *джарчи*, *луншай*, *кагабдар*, *каггаг*, *саххаф*, *балши* и др. (сведения о них разбросаны по всему труду).

Интересны также сведения Мухаммад Пусуфа-мушши об узбекских племенах, проживавших в Балхе и его округах, а именно: о племенах *кз*, *дурман*, *пуладчи*, *угарчи*, *селечи*, *арлат*, *консират*, *туркмен*, *мине*, *алтин*, *кагаган*, *абду* (род), *сарай*, *калмак*, *кыпчак*, *найман*, *кыраля* и др.; об их расселении (сведения разбросаны по всему труду). Здесь же приводятся сведения о племенах *балуж* (*белудж*) и *араб*, проживавших в XVII в. в районах Балха и Хульма (с. 162) и 92-х узбекских племенах и родах, населявших тогда Мавераннахр (с. 163).

УБАЙДАЛЛАХ-НАМЕ

КНИГА ОБ У БАЙДАЛЛАХ-ХАНЕ

Известна также под названием «Тарих-и Убайдаллах-хан» («История Убайдаллах-хана»); составлена бухарским историком Мир Мухаммад Амином Бухари и повествует историю Бухарского ханства первых десяти лет XVIII в., т. е. охватывает политические события периода правления Антарханада Убайдаллах-хана (25 джумада I 1114/17 октября 1702—27 мухаррама 1123/15 марта 1711).

О жизни и деятельности автора известно лишь то, что содержится в самом сочинении. Согласно этим сведениям, ранее, по-видимому при Субханкули-хане (13 шаввала 1093/16 октября 1682—21 раби TI 1114/16 сентября 1702), он, попав в опалу, был отстранен от государственной службы. Впоследствии, при содействии всемогущего эмира Бекмухаммад-биа дадхи в первые же дни вступления Убайдаллах-

¹⁸⁷ В 1116/1704-1705 г. в результате землетрясения обрушился купол его здания, который был отстроен заново при Мухаммад Мухам-хане (с. 227—228).

хана на престол был принят на службу в качестве секретари (мушши), что очевидно из повествования самого историка, в котором описываются первые дни правления Убайдаллаха. В нем, в частности, говорится: «Так как мулла Мир Мухаммад дурман, удостоившийся счастья служить в правление покойного государя при высочайшем дворе в должности секретари в тот день [на торжествах по случаю восшествия на престол] не присутствовал, то пишущий эти строки сообщает [следующее]: «Я был в тот день в высоком арке. Мухаммад Ма'сум парваначи, увидев меня, попросил написать [посвящение] по поводу его радостного события. И я в течение астрономического часа написал около семидесяти писем» (с. 22). Тогда, как об этом сообщает автор в самом начале своей книги (с. 13), ему было 59 лет от роду. Следовательно, год его рождения — 1055/1645 г. Год смерти Мир Мухаммад Амина Бухари не установлен.

Несколько слов о времени составления сочинения. Как явствует из свидетельства самого автора, работать над книгой он начал в 1122/1710 г. (с. 216) и, судя по тому, что последнее событие датируется в сочинении 6 раби' 11 1128/1 апреля 1716 г. (смерть муфтия Хабибуллы, с. 299), то можно предположить, что завершил он ее после 1128/1716 г.

Сочинение, согласно рукописи ИВ АН УзССР (инв. № 1532), считается наиболее полным из дошедших его списков и легшее в основу перевода А. А. Семенова (см. раздел «Рекомендуемая литература»), состоит из введения, заключения и 80 небольших глав.

Во введении (с. 11—21) после краткого традиционного благодарения аллаху и восхваления «тени его на земле» Убайдаллах-хана говорится о пользе исторической науки, которая «расширяет умственный кругозор, умножает ученость и способствует правильности суждений и мнений» (с. 12), содержится рассказ о нелегкой жизни автора после того, как он лишился службы и, наконец, о его вступлении в услужение к Убайдаллах-хану при посредничестве Бекмухаммада дадхи, субежшиша начальствования, доброжелательного приближенного этого хана (с. 13). Далее весьма коротко повествуется об 'Абд ал-'Азиз-хане и его преемнике Субханкули (с. 16—19), о решении высокопоставленных эмиров и сановников; зоджа Дилаваря, Уз Тимур-бий катанга, Бекмухаммада дадхи и других возвести на престол Убайдаллах-хана (с. 19—21).

В основной части сочинения (в 80 главах) излагается политическая история Средней Азии начиная со времен восшествия на престол Убайдаллах-хана (25 джумада I 1114/17 октября 1702 г.) до «окушения им напиток мученичества» (27 мухаррама 1123/15 марта 1711 г.). В рукописи содержатся заслуживающие внимания факты, свидетельствующие о развале в прошлом единого государства узбеков в Средней Азии, начавшемся вследствие усиления сепаратизма среди узбекских племен и военно-кочевой знати. Конечно, давая оценку отдельным политическим событиям, автор недалеко ушел от своих предшественников и современников. Читателю нетрудно уловить льстиво-хвалебный тон его речений по отношению к хану и близкому его окружению. Однако здесь проскальзывают и нотки осуждения, когда последние совершали беззакония и тяжкие проступки, несовместимые с установленными шариата.

Ценность «Убайдаллах-наме» заключается в том, что в ней дана яркая картина общей политической обстановки Средней Азии при Убайдаллах-хане: неповиновение и стремление отдельных кочевых племен и областей к независимости, дворцовые интриги и самочинство отдельных фаворитов хана, губительно повлиявших впоследствии на хозяйственную и политическую жизнь страны, ничем не оправданные военные походы, тяжким бременем ложившиеся на плечи народных масс.¹

В заключении (с. 289—308) автор приводит краткие, но заслуживающие внимания сведения об ученых, судьях и поэтах (Сайиде Насафи, Касим-ходже, мулле Сарфаразе, Фитрате и Мульхаме) — современниках Убайдаллах-хана.

Число дошедших до нас списков данного сочинения более десяти, хранящихся в рукописных собраниях Ленинграда (2), Ташкента (5) и Душанбе (1)¹⁰⁸. Списки этого сочинения имеются и за рубежом — в Англии и Германии¹⁰⁹.

Для исследования социальной и политической жизни Средней Азии XVIII в. значительный интерес представляют следующие данные «Убайдаллах-наме».

Несмотря на усилия, предпринятые Убайдаллах-ханом и его близким окружением (Бекмухаммад-бий дурмавом, Мухаммад Рахим-бий дурмавом, Ма'сум-бием диванбеги и др.), предостеречь начавшийся разлад в государстве Аштарханидов не удалось. Бухара потеряла контроль над Балхом, Термезом, Хисар-и шадманом и Шахрисабзом. Военные походы, организованные Убайдаллах-ханом с целью покончить с сепаратизмом правителей указанных выше областей и сохранить единство государства, успеха не принесли. Они причинили только лишения и страдания жителям тех районов, через которые проходили бухарские войска (с. 55, 62, 71—72, 134, 138—139 и др.). Приведем несколько примеров. Мир Мухаммад Амин-и Бухари, рассказывая о походе бухарского войска из Хисар против Уткана дахха, предпринятом весной 1116/в апреле 1704 г., в котором их поддерживали хисарские юм рода мерке, описывает такой эпизод: «Они порешили кольцом охватить Уткана. Ударив в большой барабан выступления, остановились на берегу реки Кафиринган, на северном берегу которого лежала крепость Уткана, называвшаяся Могулан; [при этом] бухарские войска расположились по одну сторону крепости, а хисарские юм — по другую. Еще удивительнее то, что находившийся подле крепости Уткана благословенный мазар святого «полюка познавших» наулана Я'куба Чархи¹¹⁰ подвергся непростительному обложению со стороны бухарского войска; эти неверующие разрушили верхнюю часть мазара, подожгли кварталы и дома тамошних обитателей и, отвели протекавшую там воду, засушили посевы населения» (с. 62).

Другой пример. В начале осады Балха (9 сафара 1119/12 мая 1707 г.) Убайдаллах-хан послал племена правой и левой сторон (ке-

¹⁰⁸ Краткое описание их см.: СВР АН УССР, т. I, с. 75—76; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание, вып. 3, с. 307—308; Тагарджанов А. Т. Описание, т. I, с. 142; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР, т. I, с. 86.

¹⁰⁹ О них см.: Сторн, Персидская литература, ч. II, с. 1143; МС, р. 18.

¹¹⁰ Один из великих представителей религиозно-деревенского ордена Накшбандия; ученик неизвестного Ала ад-Дина Аттара; умер в 851/1447 г. (подробно см.: Сафарият ад-двалида, Лакхнау, 1318/1900, с. 80).